

СЕРГЕЙ ФУДЕЛЬ

Прот. НИКОЛАЙ БАЛАШОВ

ЛЮДМИЛА САРАСКИНА

Прот. НИКОЛАЙ БАЛАШОВ

ЛЮДМИЛА САРАСКИНА

СЕРГЕЙ ФУДЕЛЬ

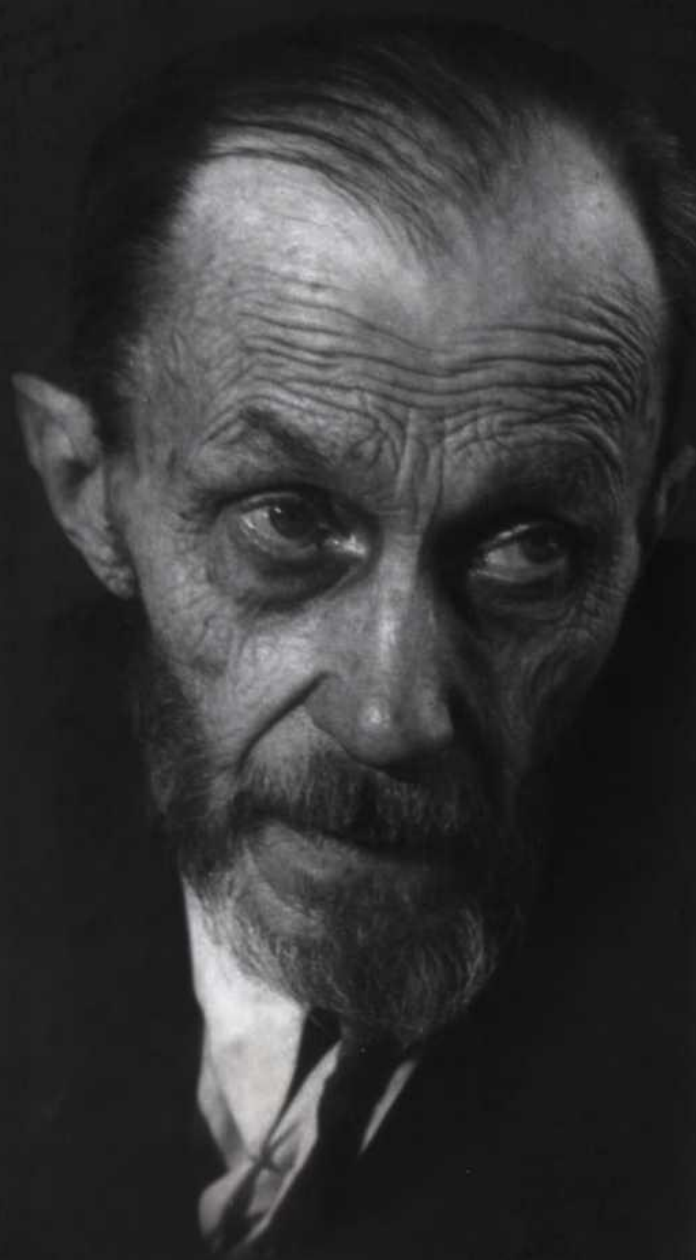
СЕРГЕЙ ФУДЕЛЬ

ЛЮДМИЛА САРАСКИНА

Прот. НИКОЛАЙ БАЛАШОВ

Прот. НИКОЛАЙ БАЛАШОВ

ЛЮДМИЛА САРАСКИНА

СЕРГЕЙ ФУДЕЛЬ

Сергей Фудель

Благодарности

Авторы благодарны за предоставление использованных в книге архивных материалов и ранее не публиковавшихся сведений, а также за многообразную помощь в работе Н. С. Фуделю, сыну С. И. Фуделя; М. С. Желноваковой, его дочери (Липецк); М. Н. Астаховой, его внучке (Москва); Д. М. Шаховскому (Москва); А. А. Бармину (Москва); Н. Е. Емельянову; Н. Н. Третьякову; М. А. Некрасовой (Москва); протоиерею Владимиру Воробьеву (Москва); монахине Ольге (Каменяке); А. М. Копировскому (Москва); Н. А. Кармановой (Москва); А. Г. Кравецкому (Москва); С. А. Мартьяновой (Владимир); протоиерею Николаю Кречетову (Москва); протоиерею Игорю Филяновскому (Мельбурн, Австралия); А. И. Шмаиной — Великановой (Москва); Центральному архиву ФСБ России, генерал — лейтенанту В. С. Христофорову и Н. И. Кучерявой (Москва); Российскому государственному архиву литературы и искусства, Т. М. Горяевой и Е. В. Бронниковой (Москва); Архиву внешней политики Российской Федерации, К. К. Провалову (Москва); Фонду «Христианская Россия» («Russia Christiana», Бергамо, Италия), Дж. Парравичини (Москва).

«Голос, которому веришь»

Сергей Иосифович Фудель родился в последний день XIX века в семье московского тюремного священника и был крещен в храме Бутырской тюрьмы. Ему предстояло трижды возвращаться в ее стены в качестве узника.

Три ареста, долгие часы допросов, двенадцать лет тюрем и ссылок, а между ними — солдатская служба в годы войны. С небольшими перерывами, которые были наполнены каждодневным ожиданием нового ареста, эти испытания растянулись на три десятилетия, и окончательно вернуться к семье Фудель смог лишь во второй половине столетия. Запрет на прописку в родном городе налагал несмыслимое клеймо неблагонадежности. Дома не было, попытки устроиться хоть где — ни- будь всем вместе — проваливались. В университете удалось проучиться лишь год, и даже освоенную в ссылке нудную работу счетовода найти оказалось нелегко человеку с таким прошлым. Из двоих ближайших друзей юности один — священник Сергей Сидоров^[1] — расстрелян, другой — художник Николай Чернышев — неизвестно сгинул на пути в ссылку. Третий, старший друг Сергей Дурылин, оказавший большое влияние на Сергея в молодые годы, отказался от священнического служения, отошел от Церкви и избегал общения с теми, кто когда-то. шал его иным. Самому С. И. Фуделю священником стать не пришлось — по причинам как внешнего, так и внутреннего свойства, о которых говорил он мало и редко. Может быть, одним из главных препятствий был тот высокий образ священства, который запечатлела в его сердце память об отце.

Случившегося на скорбном пути было довольно, чтобы сломить и сильного человека. Сергей Фудель прожил жизнь и встретил смерть с песнью благодарности Богу в душе. Слова, исходившие *от избытка сердца*, запечатлены в его книгах и письмах. Он стремился поделиться с другими, особенно с молодыми. Поделиться прежде всего свидетельством о том, что значила для него Церковь, в которой он обрел немеркнущую зарю Духа и причастие вечной жизни.

Фудель считал себя грешным человеком, удостоенным от Господа милости быть другом святых. Святых он знал не из книжек — вернее

сказать, *не только* из них, потому что и книги древних и новых Отцов он нес в своем сердце и знал их, как мало кто. Но в разное время, в разных местах — в Москве начала XX века и в глухой провинции послевоенных лет, в тюремных камерах и на ссыльных дорогах, в потаенных храмах катакомбной Церкви и кельях духовников, к которым добирались по ночам окольными тропами, — ему довелось близко общаться с подлинными подвижниками веры, из которых теперь многие уже прославлены всей Русской Церковью как новомученики и исповедники, как свидетели верности Христу в годы ее Голгофы. Он помнил их живое и теплое дыхание, в котором без слов являлась святость Церкви, их *огнеобразные слова*. Поэтому Сергей Фудель, страдавший от духовной опустошенности эпохи, проникающей даже во *внешний двор Церкви*, и движимый состраданием к «тем, кто, может быть, никогда не видел святых», хотел донести их благословение, как свое единственное сокровище, до холодеющего под натиском безбожия мира людей, — мира, им трепетно любимого.

Любил он и мир культуры. Ему был дорог всякий отблеск вечности, присутствующий в земном творчестве. Мыслители и поэты были для него собеседниками и спутниками в пустыне долгого одиночества. И этим внутренним опытом постижения человеческого творчества в свете высших духовных ценностей Евангелия С. И. Фудель тоже хотел поделиться со своими младшими современниками, воспитанными на литературоведении с классовым подходом и уж конечно не бывавшими на легендарных собраниях Религиозно — философского общества, где Фуделю в юности не раз довелось присутствовать.

За последние двадцать лет своей немислимо трудной и неустроенной жизни вдали от больших библиотек, вдали от дружеского круга и постоянного интеллектуального общения Фудель написал два десятка работ — о светоносной Церкви и о ее «темном двойнике», о ее людях, о ее святости. А также о зле в церковной ограде, о котором должно скорбеть, но которого не надо бояться. А еще — о русской культуре, о присутствии Бога и ее путях. Эти книги пронизаны светом, любовью, надеждой и оолью. Лишь одна из них полностью была опубликована при его жизни — под придуманным именем, в Париже. И намного сильнее естественной для автора

радости оказалась пережитая острая тревога за близких, за возможные последствия для них.

Прошло пятнадцать лет после его кончины, наступившей в 1977 году, прежде чем труды Фуделя начали печататься в России. И только лишь в 2005 году удалось наконец собрать и издать все, что Сергей Иосифович хотел видеть напечатанным. К тому времени уже достигло старшего возраста поколение читателей, которых во времена юности формировали книги Фуделя, распространявшиеся с 60-х годов ушедшего века в русском *самиздате*. Круг их был, конечно, сравнительно узок, но многие его участники смогли по — разному внести свой вклад в возрождение церковной жизни в России, которое произошло как вымоленное новомучениками Божье чудо, как нечаянная радость — на наших глазах. Некоторые из читателей Фуделя стали священниками, и, думается, особая в том роль принадлежит Сергею Иосифовичу, хоть в собственной его жизни так и не сбылось благословение на священнический путь, данное ему последним оптинским старцем.

«Это был голос, которому веришь», — сказал о читанных в юности книгах Сергея Фуделя один из нынешних пастырей^[2]. Подобных признаний читателей С. И. Фуделя и людей, повстречавших его на жизненном пути, можно привести немало^[3]. В годы изгнания и одиночества «человеческий голос» Фуделя, звучащий в книге «У стен Церкви», стал незримым собеседником — «и собеседником очень родным» семьи Солженицыных. Многие годы спустя Н. Д. Солженицына вспоминала: «Слова его воспринимались<...>как камертон, по которому можно было выверять само направление мыслей. Для нас он олицетворял связь с церковной культурой высокого духа»^[4].

Тихий голос человека, убежденного, что «“учить” людей нельзя, их надо кормить, физически или душевно»^[5], питал хлебом жизни в пору духовного голода России. На похороны друга, исповедника веры и, конечно, все же учителя приехало из Москвы множество христиан, большей частью молодых, и многие из них не знали друг друга в лицо. С годами же незримое сообщество друзей и учеников Фуделя разрослось, включив и тех, кто никогда не был знаком с ним лично, как и авторы этой книги.

Близкий к Фуделю в последние годы его жизни Владимир Воробьев, ныне видный московский протоиерей и ректор Свято — Тихоновского гуманитарного университета, вспоминает испытанное им ощущение, что «Сергей Иосифович знает нечто сокровенное, что невозможно рассказать, может быть, даже выразить словами». Хотя в каждом его слове присутствовала особая глубина, каждым из них он умел сказать поразительно много.

Отец Владимир так нарисовал его словесный портрет: «Некоторая печать неизбывной грусти, неотмирности, несовместимости с окружающим миром, печальная улыбка, мгновенный, насквозь видящий взгляд, тихая, неторопливая, ненавязчивая речь, готовность слушать или молчать и молиться»^[6].

Впрочем, дети знали Сергея Иосифовича «веселым и всегда радующимся человеком», который часто смеялся. Видно, бывал он разным. Однако, как вспоминает дочь, «всякие лица видала я у него, но никогда не видала в лице его страха или злобы. 11 икогда»^[7]. И еще одно свидетельство близкого к семье человека хочется привести: «В разговорах у Фуделей никогда не проскакивало слово осуждения в чей бы то ни было адрес»^[8].

Друг передавал духовный облик С. И. Фуделя такими словами: «Ясный и тихий. Быть на молитве рядом с ним — радость, о которой невозможно забыть и трудно рассказать.<...>С. И. любовью не только отогревал свое сердце, но и сердца многих других людей»^[9]. О том же вспоминал его сын, филолог и писатель Николай Фудель: «Он часто приезжал ко мне, в Москву, привозя с собой тепло и веру<...>Отец для меня — это осуществленная молитва к Богу об умножении любви»^[10].

В сегодняшней России «свобода С. И. Фуделя, оплаченная ценой жизненной трагедии, достоинство и скромность — звучат как тихое, но твердое напоминание о пути к стенам подлинной Церкви»^[11]. Церкви, где исчезает одиночество, где побеждаются злоба и страх.

Его книги пришли к нам из той подспудной эпохи, о которой он говорил: «В наше время видимая жизнь Церкви полна темноты и бессилия», — но принесли с собой свидетельство света и силы. Его упование устремлено было не к реставрации былого благолепия храмов и влияния Церкви среди власть имущих, а к явлению духоносной, эсхатологической свободы первохристианства. Он, так

любивший Оптину и Зосимову пустыни времен его детства и юности, думал не о восстановлении их стен, а о путях устройства *монастыря в миру*, о хранении непрестанной памяти Божией в сутолоке будней, и этой теме посвящал многие страницы своих писаний. Незадолго до смерти он записал: «Конец христианства на земле соединится с его началом»^[12], — то есть озарится огнями Пятидесятницы.

Это время еще не настало, и книги Сергея Фуделя не устарели. Церковь Агнца еще пребывает в странствии, святые еще устремлены к небесному Граду. А перед нами простирается столь близкий сердцу Фуделя образ дороги. Дороги, которую он называл *путем Отцов*. Не сбиться с этого пути многим помогут оставленные им труды, принадлежащие, несомненно, к лучшим страницам русской духовной литературы XX века.

Судьба литературного наследия

Обширное литературное наследие С. И. Фуделя долгое время существовало как часть огромного советского самиздата. Сочинения С. И. Фуделя на богословские и церковные темы, книги о Достоевском, Флоренском и славянофилах были созданы большей частью в 60–е и 70–е годы XX века (начал он писать в 1955–м), но, как и его «Воспоминания» и письма, не имели никаких шансов на публикацию в СССР ни при жизни автора, ни еще долго после его кончины. К счастью, друзья и почитатели Фуделя приложили немало усилий, чтобы и при жизни Сергея Иосифовича его работы имели распространение хотя бы в близких церковных и околоцерковных кругах. В течение многих лет его сочинения тайно перепечатывались в десятках экземпляров и передавались из рук в руки, из дома в дом, от человека к человеку, приобщая читателей к выстраданному автором *опыту познания Церкви*, а также к практически недоступным в ту пору сокровищам русской духовной и философской традиции.

С. И. Фудель не имел возможности тщательно готовить свои рукописи к печати. Его произведения расходились в самиздате во множестве машинописных копий, и даже те тексты, которые просматривались автором, не были последовательно выверены: в них нередко вносились изменения, опечатки исправлялись лишь частично. Рукописи (как правило, это были школьные тетради, куда с разрозненных черновых листков он переписывал набело свои работы) стараниями помощников и друзей попадали к машинисткам самиздата, и те перепечатывали текст в максимально возможном количестве экземпляров на самой тонкой бумаге (она позволяла делать до десяти копий при каждой перепечатке — правда, последние были едва читаемыми). Копии свободно «ходили» в самиздате, читались, обсуждались, цитировались (иногда анонимно) и при случае переправлялись на Запад, где тексты становились уже «тамиздатом».

Одно из наиболее полных собраний произведений С. И. Фуделя в машинописных копиях держал у себя, по просьбе Сергея Иосифовича, друг семьи Фуделей А. А. Бармин. Отдельные рукописи, черновые записи, машинописные копии многие годы хранились у друзей автора:

протоиерея Владимира Воробьева, Н. Е. Емельянова (t 2010), Н. Н. Третьякова (t 2003), Е. А. Чернышевой. Друзья и родные Фуделя берегли его интереснейшие письма. Письма к С. Н. Дурылину находятся также в его личном фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства.

Незадолго до смерти, 1 августа 1976 года, Сергей Иосифович составил список своих работ — около двадцати названий, не считая большого эпистолярного наследия. Но, несмотря на завершенность многих из них, он часто возвращался к написанному. Даты начала и завершения работ в большинстве случаев не ставил. Привычной конспирацией отличались его письма: зэковский навык, сложившийся за десятилетия лагерей и ссылок, требовал по возможности не называть полным именем лиц, упоминаемых в письме, а обозначать только одной первой буквой; не указывать год в датировке письма; уничтожать конверт, в котором получено письмо, чтобы не оставлять ни адресов, ни почтовых печатей и не рисковать свободой своих корреспондентов. Многие годы С. И. Фудель — литератор, философ, богослов — работал в полуподпольном режиме.

Время от времени небольшие фрагменты произведений Фуделя публиковались на Западе, чаще всего под тем или иным псевдонимом. Так, к столетию со дня смерти Ф. М. Достоевского стараниями директора издательства «УМСА-Press» Н. А. Струве под псевдонимом «К. Неклюев» в Париже была напечатана первая глава («Владычествующая идея») из книги С. И. Фуделя «Наследство Достоевского» (Вестник РХД. 1981. № 133). Еще раньше в том же издании были опубликованы главы «Воспоминаний» С. И. Фуделя под псевдонимом Ф. Уделов (Вестник РХД. 1976. № 117; 1977. № 121,123). Ходившая в самиздате работа Фуделя «У стен Церкви» была впервые опубликована в сборнике «Надежда», подготовленном З. А. Крахмальниковой (Франкфурт-на — Майне, 1979. Вып. 2).

Единственная книга, напечатанная при жизни С. И. Фуделя, посвящена отцу Павлу Флоренскому: первая публикация вышла под тем же прозрачным псевдонимом: Ф. Уделов (Об о. Павле Флоренском (1882–1943). Париж: УМСА-Press, 1972). Выход в свет за границей этой работы, текст которой был почерпнут из самиздата, не порадовал, а напугал автора: «Ему казалось, что кто-то его предал, что теперь его, возможно, снова арестуют... Он очень тяжело это переживал»^[13].

«В 70-х годах, — с некоторым укором вспомнит в 1993-м сын С. И. Фуделя, Николай Сергеевич, — некто опубликовал за рубежом без согласия семьи некролог, где раскрывалась религиозная деятельность отца (а в то время это могло вызвать обыск у мамы, уже переломанной тремя его посадками, — помню ее сдержанный ужас)»^[14].

В 1991 году журнал «Новый мир» (в № 3 и 4) опубликовал «Воспоминания» С. И. Фуделя с предисловием протоиерея Владимира Воробьева. В 90-е годы различными православными издательствами по самиздатским копиям были выпущены работы «Записки о литургии и Церкви», «Путь Отцов», «У стен Церкви».

Отрывки из писем С. И. Фуделя к сыну («Письма из ссылки») впервые были опубликованы в журнале «Новая Европа» (1993. № 3–4). В этом же издании были напечатаны мемуары Н. С. Фуделя «Из воспоминаний об отце» (Новая Европа. 1993. № 2). «Воспоминания о матери», Вере Максимовне Сытиной, жене С. И. Фуделя, опубликовала их дочь, М. С. Желновакова (Наш современник. 1996. № 11).

В 1998 году в издательстве «Русский путь» вышла книга С. И. Фуделя «Наследство Достоевского»^[15]. При подготовке ее к печати перед публикатором была поставлена задача реанимировать текст, написанный в начале 1960-х. Издательство располагало лишь полуслепым экземпляром машинописи, полученным из Парижа, от Н. А. Струве, к которому, в свою очередь, текст попал из советского самиздата. Автограф этого труда С. И. Фуделя считался тогда утерянным. Книга была тепло встречена научной и литературной общественностью, получила хорошие, содержательные отклики и сразу вошла в научный обиход.

В январе 2000 года издательство «Русский путь» организовало литературный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения С. И. Фуделя. Ведущие вечера — авторы этой книги — обратились к собравшимся с просьбой о содействии в сборе материалов для подготовки собрания сочинений С. И. Фуделя. Отклик был немедленным — московский архитектор и друг семьи Фуделей Д. М. Шаховской сообщил, что у него уже четверть века хранится чемодан с архивом С. И. Фуделя, переданный Сергеем Иосифовичем за несколько месяцев до смерти. Вскоре архив — с автографами многих сочинений С. И. Фуделя, черновыми материалами,

дневниками, письмами, фотографиями — был передан составителям готовящегося собрания сочинений и существенно пополнил научную базу этого собрания.^[16]

Тогда же от наследников Фуделя — и прежде всего от его сына, Н. С. Фуделя (f 2002), — было получено около двухсот писем, написанных С. И. Фуделем из Красноярской ссылки, а также из Усмани, города в Воронежской области, где он поселился после ссылки, получив административное запрещение жить ближе чем за 100 километров от столицы, затем из городка Покрова во Владимирской области, где он жил последние пятнадцать лет. Эти письма дают материал для огромного количества сюжетов — историко — литературных, историко — культурных, религиозных и церковных. Вместе с «Воспоминаниями» С. И. Фуделя, мемуарами его сына и дочери, а также сохранившимися следственными делами его и его друзей письма являются надежным источником для биографического повествования о нем.

Трехтомное собрание сочинений С. И. Фуделя, в котором наиболее полно^[17] представлены завершенные произведения автора и материалы к его биографии, позволяет надеяться на то, что литературное наследие этого замечательного религиозного писателя и мыслителя обретет намного более широкий, чем прежде, круг читателей.

Эпоха. Детство. Отец

Сергей Иосифович Фудель принадлежал к тем русским мыслителям, которые не проходили каких-либо философских школ, их мировоззрение было пережито и выстрадано во времена затянувшейся на столетие русской смуты. Многие годы он тихо и кропотливо осмысливал пути русской религиозности, и все, о чем он писал, было проникнуто сердечным, личным переживанием.

Есть, кажется, высшая справедливость в том, что возвращение имени Сергея Фуделя в открытое русское культурное пространство началось с его «Воспоминаний» и работы о Ф. М. Достоевском: они принадлежат перу человека страдальческой, поистине «достоевской» судьбы. «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»^[18] — так сформулировал свой духовный выбор Достоевский, едва выйдя из Омского острога. Но спустя полвека после того, как было запечатлено житие «Князя — Христа» Л. Н. Мышкина и показаны трагические поиски веры героев — ставрогинцев, в России настали времена, когда к исповеданию веры «со Христом» вернулся его первоначальный — раннехристианский — смысл. Фудель оказался одним из тех, кто всей своей жизнью подтвердил истину: *быть со Христом* — значит страдать вместе с Ним и за Него; *быть с Ним* — значит с Ним сораспинаться.

С. И. Фудель родился в Москве 31 декабря 1900 года^[19] в семье священника Иосифа Ивановича Фуделя (1865–1918).

Отец Иосиф не был потомственным священнослужителем, а происходил из семьи маловерного делопроизводителя по хозяйственной части Владимирского драгунского полка и матери — польки, верующей католички.

Архиепископ Тверской Савва писал о нем в «Хронике моей жизни»: «Священник Фудель — интереснейший человек, внук немца заграничного, женившегося на русской, и сын отца, православного по матери, но плохо говорившего по — русски. Окончил он курс в Московском университете по юридическому факультету, прослужил

три — четыре года в Московском окружном суде, женился, съездил в Оптину пустынь два лета кряду и с благословения почившего старца Амвросия бросил службу, полгода учился церковным наукам в Вильне под руководством почившего архиепископа Алексия и рукоположен им священником в Белосток... Это мастер служения и замечательный проповедник»^[20].

В 1880-х, в первое десятилетие «после» Достоевского, не так легко, как теперь кажется, выпускнику университета было стать служителем Христовым. Когда после окончания университета в 1889 году И. И. Фудель принял священство, ему пришлось выдержать бурю со стороны родителей и приложить немало стараний, чтобы успокоить их. С маловерующим добродушным папенькой оказалось даже проще, чем с непреклонной и ревностной католичкой матерью. С. И. Фудель цитирует в «Воспоминаниях» письмо своего отца к бабушке, которого сильно смутило желание сына — юриста идти в священники, — письмо исполнено трезвого и внятного обоснования своей правоты. «Современное общество наше настолько холодно относится к религии, что многим покажется странным, как это человек с высшим образованием оказался человеком и с высшим религиозным чувством. Но это оттого, что наше время такое мерзкое. Лет через 30 все это будет очень обыкновенно, а пока ужасно»^[21]. У матери, которая, по — видимому, была оскорблена в своих лучших надеждах и чувствах, он просто смиренно просил прощения: «Быть может, когда-нибудь в будущем Вы пожелаете меня простить, простить мое единственное непослушание; тогда Вы найдете во мне того же преданного и искренно любящего сына Иосифа»^[22].

Так, наперекор воле родителей, он принял посвящение в Вильно и получил назначение на службу в Белосток — тогда это был город Царства Польского в составе Российской империи. Там он столкнулся с другой стороной религиозности — местное православное духовенство отнеслось к нему как к чужаку, категорически не принимая его увлечения монастырским «оптинским духом», с которым молодой священник начал свое служение. Появление в Белостоке отца Иосифа и его жены, Евгении Сергеевны Емельяновой (1865–1927), вызвало целую бурю, произвело переворот в устоявшемся быте. «Каковы здесь обычаи, можете судить по тому, — писал в 1890 году отец Иосиф К. Н. Леонтьеву, — что большинство священников в этом

храме не знают, что такое пост, и даже Великим постом едят мясо.<...>Вообразите, сколько нам здесь приходится выслушивать со всех сторон сожалений по поводу того, что мы разрушаем постом свое здоровье»^[23]. Духовной нормой для виленских обывателей было равнодушие к вере — и отец Иосиф, бывая в домах местных интеллигентов, жаловался, что душу не с кем отвести в разговоре: «Все или “безмыслие”, или “недомыслие”, или узкая специальность, съевшая человека, или просто хамство»^[24].

Но в сердце молодого священника (в 1889-м ему было двадцать четыре года), кроме «оптинского духа» (первый раз он попал в Оптину пустынь в 1888-м и до 1891-го, то есть до кончины старца Амвросия, побывал там четырежды), жило еще и трепетное чувство литературы. Его волновало соединение эстетики с религией; подобно Тургеневу, он писал «стихотворения в прозе» (эти «Лирические мотивы» в 1891-м дружески раскритиковал К. Н. Леонтьев). Он активно сотрудничал в газетах и журналах, выступая по теме религиозно — культурного развития личности и общества: за 30 лет литературной деятельности отец Иосиф принял участие в 18 периодических изданиях, опубликовал около 250 статей и брошюр. Еще в 1887 году отдельным изданием вышла книга И. И. Фуделя «Письма о современной молодежи и направлениях общественной мысли», написанная с позиций «религиозного народничества», основной задачей которого автор считал религиозное просвещение народа. Именно эту книгу отец Иосиф отправил в Оптину пустынь с письмом к К. Н. Леонтьеву, и с этого началась их дружба и длительная переписка. В 1891 году И. И. Фудель, в письме к К. Н. Леонтьеву, сформулировал свое отношение к литературной деятельности, которая была для него не целью, а средством для проповеди. «Тем-то и велико и хорошо священство, что оно не замыкает дух в одну узкую область, а дает ему свободу воплощаться в самых разнообразных видах: богослужение, требоисправление, проповедь церковная, школьная деятельность, публицистика, духовное воспитание и т. д. и т. д.»^[25] Апология чистого христианства — так позже охарактеризует всю совокупность пастырской, проповеднической, литературной и школьной деятельности отца его сын С. И. Фудель.

В 1892 году отца Иосифа перевели из Белостока в Москву — священником русского «Мертвого дома», московской Бутырской

тюрьмы, и он со всей горячностью своей натуры погрузился в работу проповеди христианства среди заключенных. «Это была целая эпоха жизни, продолжавшаяся 15 лет и надорвавшая его силы»^[26]. Попав в Москву, отец Иосиф очутился в мире особых людей, ищущих духовной помощи и наиболее восприимчивых к духовному свету. «Пойдешь по камерам, зайдешь в одну, другую — полдня прошло; как вспомнишь, что еще 45 камер, так и руки опускаются»^[27], — писал он в январе 1893-го С. А. Рачинскому. И сохранился чрезвычайной важности документ — письмо каторжника из Бутырок на волю: «К нам в камеры каторжных стал очень часто ходить наш прелестнейший батюшка отец Иосиф, г — н Фудель, и при всяком посещении давал нам читать различные книги духовно — нравственного содержания. <...>Появление в наших камерах священника был случай не просто обыкновенный, а выходящий из ряда обыкновенных»^[28]. «Это первый батюшка, который обратил внимание на нас, несчастных»^[29], — говаривал тюремный народ...

Отец Иосиф не только навещал заключенных, не только приносил им книги, но и организовал внутрикамерные школы грамотности: заключенные из образованных обучали чтению своих товарищей по специальной системе, и успехи были столь значительны, что через три месяца сорок человек могли свободно читать и писали письма домой. Все годы служения в Бутырках отец Иосиф получал десятки, сотни арестантских писем, рукописей, дневников — живых свидетельств о пересыльных этапах, поселениях, о необъятной русской каторге. Эти совокупные «Записки из Мертвого дома» были горячими доказательствами благодарности: за материальную помощь, которую отец Иосиф раздавал и рассылал безотказно, за то, что воссоединял заключенных с их женами, родителей с детьми. Вся духовно — нравственная работа в тюремной церкви велась им только среди арестантов, желающих слушать проповедь священника, а не среди всех; отец Иосиф принципиально не находил возможным принуждать подневольных людей к религиозным беседам, справедливо полагая, что принуждение в этом случае не уменьшает, а укрепляет противорелигиозное настроение, если в ком-то оно есть. Он видел свой пастырский долг только в живом общении с людьми для христианского на них воздействия и человеческой им помощи.

В тюремной церкви, стоявшей в центре бутырских корпусов, и был крещен Сергей Фудель, ровесник XX века. В Бутырскую церковь его первый раз взяли родители к заутрени на Пасху. «Я помню, как мы идем с мамой ночью в церковь по длинным праздничным половикам, расстеленным в тюремных переходах. Церковь была небольшая, в левом притворе стояла икона “Взыскание погибших”, а в правом помещались во время службы арестанты: там был полумрак, высокое распятие с большой лампадой у лика Спасителя и слышался иногда перезвон кандалов»^[30], — писал он в «Воспоминаниях». Из окон тюремных коридоров, по которым заключенных выводили на прогулку, была видна верхушка кирпичного дома, где жили родители Сергея Фуделя и где прошло его детство до семи лет. И на всю жизнь запомнил он кабинет отца, с твердыми черными креслами у стола и тремя портретами на стене — отца Амвросия Оптинского в камилавке, К. Н. Леонтьева в пенсне и шляпе и матери в кокошнике и сарафане: картину маслом работы Ярошенко. Запомнился и сад рядом с домом, скамейки, клумбы, большой дровяной склад, заросший лопухами и крапивой.

В двадцать один год он попадет в Бутырки вновь — уже как арестант. Еще двадцать три года спустя, летом 1945-го, в Бутырское отделение русского Мертвого дома попадет, после четырехмесячного следствия на Лубянке, А. И. Солженицын. Камеры останутся прежними, но церковь, где давно уже никто не служил и не молился, станет как бы расширением тюрьмы, и в просторные церковные помещения тюремное начальство будет набивать по две тысячи «лишних» арестантов, ожидавших пересылку и этап^[31].

Детские воспоминания и радости Сергея Фуделя были неразрывно связаны с Оптиной пустыней, подарившей ему и первое чувство родины. Когда мальчику было пять лет, отец взял его с собой в Оптину пустынь. В памяти остались безоблачные летние дни, крестный ход вокруг монастыря и изумительное чувство праздника среди полей, под голубым небом. «Есть особое чувство детского благополучия, когда “все хорошо” и “папа с мамой рядом”. Вот это чувство живет у меня от того крестного хода среди полей под широкий монастырский благовест»^[32]. В ту, первую поездку в Оптину, запомнилась дорога в Шамордино — Казанскую женскую монашескую общину, основанную в 1884 году стараниями оптинского старца преподобного Амвросия, в

12 километрах от Оптиной пустыни. В удобной пролетке мальчик сидит у ног отца, кругом широкие калужские поля, встречные богомолки низко кланяются при встрече с ними, отец Иосиф им отвечает... Особый мир скита, дорожка из цветов у деревянной церкви, чистота монастырских келий, улыбающиеся глаза оптинского старца Иосифа (Литовкина), ученика и преемника Амвросия Оптинского — таким было первоначальное ощущение красоты мира.

«Кто хоть раз побывал в его келье, посмотрел в его дивные по особенному выражению глаза, услышал его тихий, тихий голос, видел его радостную улыбку, не сходившую никогда с изможденного лица, тот уносил с собой то непередаваемое словами ощущение особой благодарности, которое переживать можно было только в Оптиной... Достаточно было **посмотреть** на него, чтобы увидеть, как в зеркале, **свой** лик, искаженный буйным мирским нетерпением и гордостью, и устыдиться себя. Но что особенно покоряло в отце Иосифе — это его безграничная любовь, покрывавшая собою всякую человеческую немощь.<...>Страшно ослабевший, изможденный и постом, и болезнью, приковавшей его на много лет к постели, отец Иосиф встречал каждого входившего в его келью такую светлую, радостною улыбкой, как будто он только что был в раю и хочет нам, беспокойным и мятущимся, передать оттуда нечто непередаваемое»^[33]. Это строки из некролога, написанного отцом Иосифом Фуделем на смерть оптинского старца Иосифа; в этих строках и заключалось то, что С. И. Фудель и его священник — отец понимали как «оптинский дух». Оптинский дух, или истинное монашество, — сродни первохристианству, вечно живому и никогда не прекращающемуся. Это чувство, полученное от отца и оптинских старцев, Сергей Фудель вынес из детства.

Наступил 1905 год: первая русская революция. На вопрос «что делать христианину» в момент умирания старого строя отец Иосиф Фудель отвечал: **вернуться к Христу**. С. И. Фудель приводит в «Воспоминаниях» фрагмент статьи своего отца, которая рисует трагическую картину страны и мира. «Ужас положения растет с каждым днем. Я говорю не о политическом положении страны, не о торжестве той или другой партии и даже не о голоде и нищете, неминуемо грозящих населению. Как пастырь Церкви, я вижу ужас положения в том душевном настроении, которое постепенно

овладевает всеми без исключения. Это настроение есть ненависть. Вся атмосфера насыщена ею. Все дышит ею. Она растет с каждым часом: у одних — к существующему порядку, у других — к забастовщикам; одна часть населения проникается ненавистью к другой... Чувствуется, что любовь иссякла...Ив этом бесконечный ужас положения..»^[34]

К пастырям Церкви обращались прихожане с неотступной просьбой указать выход, принять меры умиротворения и спасения. В ситуации тотальной ненависти пастыри говорили о едином господствующем чувстве и могли прибегнуть к единственному оружию, которое всегда при человеке: общественной молитве «о умножении в нас любви и искоренении ненависти и всякия злобы». Но, как честный пастырь и гражданин страны, отец Иосиф Фудель не мог не видеть истинно катастрофической картины. «Современное состояние нашего народа так плохо, что нужны неимоверные усилия, неимоверная работа со стороны той части духовенства, которая не изменила своему долгу и призванию, чтобы положить предел народному разложению... Недостойные пастыри всегда были... И всегда это будет. И, несмотря на это, Церковь всегда была и будет чиста и непорочна, и пастырское звание всегда будет величайшим званием на земле...»^[35] Эти слова были сказаны отцом Иосифом еще за семь лет до революции 1905 года.

Но трезвый анализ бедственного положения, в котором пребывали страна и народ, оставленный на одни свои силы, без духовной помощи и руководства, весил на пастырских весах не слишком много. Все же надо было прямо отвечать на роковой вопрос, и тут даже отсылка к молитве могла быть воспринята как способ уйти от ответа. Отец Иосиф от ответа не ушел. Он хорошо усвоил мысль Достоевского: хочешь переделать мир — начни с себя — и писал, собственно, о том же: «По моему глубокому убеждению, надо закрыть глаза на все происходящее вне нас и чего изменить мы не можем, углубиться в себя и всецело отдаться своему непосредственному делу. Необходимо, прежде всего, бодрствовать над самим собой, умерщвлять свои страсти и помыслы греховные, дабы не явиться кому-либо соблазном, и в то же время неленостно исполнять свои обязанности: учить, служить, наставлять. Затем, исполняя свой долг, надо непрестанно помнить, что священство есть величайший крест, возлагаемый на наши рамена

Божественной Любовью, — крест, тяжесть которого чувствуется сильнее теми иереями, кои по духу таковы, а не по одному названию... Каждый час, каждую минуту приходится им идти согнувшись, приходится терпеть жестокость и непослушание своих духовных чад, насмешки и дерзость отщепенцев Церкви, равнодушие представителей власти, приходится страдать молча, всех прощая и покрывая чужие немощи своей любовью. Таков закон, такова чаша наша.<...>Больно вам, обидно, что правды нигде не видите, что все окружающее погрязло в формализме, угасивши свои светочи, — вы не гасите свой огонь, сильнее его разожгите, бережней храните...

Закон, который отец Иосиф Фудель считал единственно возможным и правильным ответом на происходившее в обществе, был закон любви; ледяная кора, которой покрывается сердце человека, не разбивается от ударов кулака, даже самых сильных, но ее можно растопить слезами любви и молитвы. Но, видимо, этот закон, освященный страданиями Христа Спасителя, не слишком отвечал общему духу времени, с его социальным нетерпением и политическим беснованием. Высокое начальство в лице московского губернского тюремного инспектора, давно и с недовольством наблюдавшее за деятельностью священника Бутырской церкви, требовало и ожидало от пастыря именно кулака. Имелось в виду обязательное введение политической тематики в христианскую проповедь и духовные беседы и участие в этих беседах всего тюремного контингента.

Отец Иосиф нашел в себе силы отказаться. Отказ он мотивировал тем, что антирелигиозные настроения преобладают среди заключенных как раз потому, что они осуждены именно за политические преступления, а беседа на религиозные темы с такими людьми тотчас же переходит на почву социально- политическую и возбуждает страсти, а не умиротворяет. В ответ его строго одернули — упрекнули «куском хлеба», указав на жалованье и казенную готовую квартиру, а также категорически предписали расширить свои обязанности тюремного священника, ибо они не могут исчерпываться церковными службами и проповедями на *узкой почве* укрепления среди заключенных начал православия. Был сформулирован и общий подход к нравственной жизни заключенного: все помыслы его и влечения сердца, по мнению тюремной инспекции, должны находиться под моральным контролем тюремного пастыря.

Долгие объяснения отца Иосифа, не желавшего быть моральным контролером и политическим пропагандистом для своих тюремных подопечных, закончились в сентябре 1907 года: после пятнадцатилетнего служения в Бутырской тюремной церкви его перевели в маленький и бедный приход на Арбате, в Николо — Плотниковскую церковь.

Сергей Фудель хорошо запомнил арбатский период своего детства и отрочества. Собственно, он помнил себя еще пятилетнего, — по семейной традиции на Рождество дети дарили отцу подарки, и как-то он был взят старшими сестрами в писчебумажный магазин, чтобы на собственный двугривенный приобрести папе в подарок ручку. В его памяти Арбат оставался еще совсем тихим, еще не ходили трамваи, не было асфальта на мостовой, между булыжниками пробивалась травка, и вся улица выглядела скорее деревенской, чем городской. «В первые годы нашей здесь жизни не было еще и электричества, а воду привозили ежедневно на лошади в громадной бочке. Не было тогда еще и кино, и автомобилей<...>. На самом Арбате, не считая Арбатской площади и прилегающих переулков, стояли три церкви. У Николы Явленного, посередине Арбата, был такой красивый, низкий по звуку большой колокол, что, когда этот звук плыл к небесам, прохожие невольно замедляли свои шаги, точно желая идти в такт с этим движением к вечности»^[36].

Удивительно, что среди всех обширных воспоминаний С. И. Фуделя не нашлось места (даже ни единой строки) для его гимназических впечатлений: а ведь он успел окончить до революции полный курс знаменитой Пятой московской гимназии. Обучение классическим наукам как будто не оставило никакого следа — ни товарищи — однокашники, ни гимназические учителя, ни учебные предметы с экзаменами не зацепились в памяти Фуделя — воспоминателя. Справедливо написал о нем отец Владимир Воробьев: «С детства и до самой смерти Сергей Иосифович был в Церкви, и его жизнь принадлежит ей»^[37]. Вместо гимназии, вместо обычных отроческих забав и школьных товарищей вспоминались поездки в монастыри, монастырская служба, особая атмосфера духовной полноты, которую он переживал здесь.

По несколько раз в год всей семьей родители и дети Фудели ездили в излюбленный мужской монастырь, Смоленскую Зосимову пустынь, в

25 километрах от Сергиева Посада по Ярославской железной дороге. Много раз ее упраздняли, потом восстанавливали, после снова разоряли и снова — после временного запустения — восстанавливали. В первое десятилетие XIX века она стала местом паломничества религиозно настроенной интеллигенции — духовного руководства здесь искали отец Павел Флоренский, С. Н. Булгаков и многие другие.

Фудели, постоянные гости обители, обычно добирались до маленькой тихой станции Арсаки, где паломников встречал на пролетке знакомый кучер — монах и вез через лес, мимо елей и берез, болотистых канав, — к монастырю, окруженному густым еловым лесом. Окна церковной гостиницы, странноприимного дома, выходили окнами в лес. «И вот я помню, как зимой откроешь широкую форточку и чувствуешь запах снегов среди елей и среди такой тишины, которая уму непостижна. Все живое и нетленное и благоухающее чистотой. Там, где монахи — истинные ученики Христовы, там около них расцветают самые драгоценные цветы земли, самая теплая радость земли около их стен»^[38]. Зосимова пустынь казалась Сергею Фуде — лю именно таким драгоценным местом, где сама природа зовет к очищению человека.

Ему было с чем сравнивать. Побывал он в юные свои годы и в древнем Толгском мужском монастыре на Волге, близ Ярославля, в красивейшем месте, с древней же кедровой и березовой рощами. Но здешняя красота и происходившие здесь когда-то чудеса не действовали на сердце. Обитателей монастыря как-то не хотелось называть истинными Христовыми учениками: они вели себя как студенты в общежитии, а некоторые во время обедни не стеснялись выходить покурить. Они были милы и симпатичны — но непонятно, почему, собственно, находились здесь. Все номера монастырской гостиницы летом сдавались дачникам, низший персонал монастыря их обслуживал. Дачники катались на лодках по Волге, с пристани, после краткого молебна в монастырской часовне, отходил прогулочный пароходик, и это, вспоминал С. И. Фудель много лет спустя, было обычной картиной духовного оскудения тех лет. «Помню совсем пустую часовню с иеромонахом, спешащим поскорее закончить, потом гудки, стук сбрасываемых сходен и фигуру наконец окончившего молебен иеромонаха в золотой ризе на фоне нарядных и равнодушных пассажиров верхней палубы, крестом благословляющего отходящий

пароход. Что-то до сих пор щемит в сердце от этого воспоминания, точно и я был тогда в чем-то виноват. Такая одинокая была эта фигура, так страшно было, что никому до нее нет никакого дела. Там ехали стареющие Вронские и еще жирные Климь Самгины, и какое им было, в общем, дело до этого благословляющего креста»^[39].

Но Зосимова пустынь, как ее запомнил Сергей Фудель, была совершенно особенным монастырем. Она и походила на Оптину, и отличалась от теплых просторов калужского монастыря какой-то торжественной суровостью. Зосимова пустынь напоминала одну из обителей «Северной русской Фиваиды», созданных учениками и последователями преподобных Сергия Радонежского и Кирилла Белозерского.

Духовным центром Зосимовой был старец Алексей (Соловьев). Н. А. Бердяев, посетив в 1910 году вместе с С. Н. Булгаковым и М. А. Новоселовым Зосимову пустынь, напишет о своем тяжелом, мучительном впечатлении от знакомства со старцем Алексием, находившимся в затворе. «Ничего духовного я в нем не почувствовал. Он все время ругал последними словами Льва Толстого, называя его Левкой. Я очень почитаю Льва Толстого, и мне это было неприятно»^[40].

У С. И. Фуделя, однако, личность старца вызывала совсем другие чувства, и он понимал, почему для отца Алексея Лев Толстой был, прежде всего, разрушителем веры в Церковь. «Поражала красота всего его облика, когда в длинной мантии он выходил из своего полузатвора на исповедь богомольцев: и седые пряди волос на плечах, и какая-то мощность головы, и рост, и черты лица, и удивительно приятный низкий баритон голоса, а главное — глаза, полные внимания и любви к человеку. Эта любовь покоряла и побеждала, человек, подходящий к нему, погружался в нее, как в какое-то древнее лоно, как в стихию, непреодолимую для него, до сих пор еще ему неведомую и вождеденную. Он уже не мог больше не верить, так как в нем уже родилась ответная любовь: огонь зарождается от огня. Моя жизнь была наполнена любовью родителей, но в любви старца, когда, стоя на коленях перед ним на исповеди (он обычно исповедовал сидя), я открывал ему свои тяжелые грехи, я ощущал нечто еще более полное, еще более надежное и теплое, чем земная родительская любовь. Это

была уже любовь Небесного Отца, о которой мы только говорим, изливаемая ощутительно на меня в эти минуты через старца»^[41].

С. И. Фудель был захвачен и покорен личностью отца Алексия — страницы «Воспоминаний» о старце и о его обители проникнуты горячим чувством любви и веры. Одно из самых пронзительных воспоминаний юности Фуделя — об исповеди у загворника — старца: в маленькой надвратной церкви перед образом Нерукотворного Спаса горит лампада. Отец Алексий сидит вдали от людей и исповедует подолгу. «Стоишь в ожидании своей очереди и слышишь невнятный говор его низкого мягкого баса. Он в чем-то убеждает пришедшего на исповедь, что-то старается открыть ему, с чем-то спорит, о чем-то умоляет. Через какую-то толщу самолюбия, забвения, неведения, ложного стыда, а главное, бесчувствия и окаменения души нужно пробиться изнемогающему от своих лет и подвигов затворнику, чтобы “теплая заря покаяния” зажглась в темноте этой души»^[42].

Старец стучал в сердца исповедующихся, но тому, кто сидел в ожидании своей очереди, казалось, что исповедь у отца Алексия была не только исповедью кающегося, но и исповедью самого старца, исповедующего в ней свою веру — любовь ко Христу. Не только таинство покаяния, но и все монастырские службы в Зосимовой обители были особенными. У Сергея Фуделя, который доверчиво отдавал всего себя красоте богослужения, возникало чувство, будто он сел в крепкую ладью и она вздымает его на волнах все выше и выше: было одновременно и страшно, и неизъяснимо хорошо. В службе монастыря он чувствовал нечто как бы непреклонное перед миром: что-то безжалостное ко всем «мирским полусловам, получувствам, полумолитвам, с оборачиванием все время на себя, на свое настроение или на свою слабость. Тут что-нибудь одно: или уходи, потому что стоять надо долго и трудно, или же бросай свои лень и трусость, сомнение и грех и в священном безумии иди за этими голосами, стройно и сладостно и страшно поющими все про одно...»^[43]

Это одно было — возлюбить Господа Бога своего всем сердцем своим, всей душой своей, всем разумением и всею крепостью. «И вот монахи сходятся вместе, и тогда под своды возносится так легко и непобедимо торжествующая песня: “Ему одному служи!”»^[44] Сергей Фудель помнил, что ребенком засыпал во время ночных монастырских служб, но и в сны его властно вливались голоса поющих; он открывал

глаза, видел огни, видел отца, стоящего рядом, и радовался, что никто не заметил его сна. Потом отец выводил его во дворик храма и усаживал на лавочку, вдохнуть ночной свежести, увидеть звездное небо. И не мог забыть — как не хотелось ему уходить, как рвался он обратно в храм, чтобы еще раз подняться на крепкой ладье к сводам церкви и к небесным звездам. Музыку и слова монастырского духовного пения воспринимал как подлинную благодать, как «печать дара Духа Святого».

Потом, когда стал постарше, уже лет в пятнадцать — семнадцать, Сергей Фудель дважды приезжал в Зосимову обитель — один, без родителей, и там только понял, насколько одному, да еще совсем юному человеку, страшнее в таком суровом, строгом монастыре. Он чувствовал себя маменькиным сынком, попавшим на передовую. «Какая там “тихая пристань”?! Тут уж никакого “Дворянского гнезда” или “Былого и дум”. Вместо “гнезда” — море, в которое нужно броситься, вместо “дум” или “былого” — живое и трепетное делание настоящего. Здесь может быть только человек — творец, возжелавший внутри себя найти свою нетленную первооснову, здесь “невидимая брань” и воинское дело духовного подвига»^[45].

Он пробовал убежать из «мира» в монастырь: так однажды, лет в пятнадцать, вопреки всем семейным традициям, Сергей приехал в Зосимову пустынь и остался на пасхальную ночь. Он запомнил, как все же сильно его потянуло домой, на Арбат, к семье, к отцу, служившему пасхальную заутреню. И еще однажды, так же приехав на Страстной неделе в Зосимову обитель в надежде остаться здесь и на Великую субботу, он попросту сбежал, едва успев вовремя попасть под своды Николы Явленного. В Москве он тосковал по смиренной и суровой обители, находясь в обители, он понял, как дорог ему его «мир» — мир большого и грешного города, который затихает перед заутреней, как драгоценны часы этой невероятной тишины. В эти часы он жалел, что монахи русских монастырей, круглый год живя в «пустыне» своего монастыря, не имели обычая приходить на эту единственную ночь в город, чтобы возрадоваться о Воскресении Христовом вместе со всем миром, со всем народом. Он чувствовал, что монастырская тишина стала недостаточной и что мир слишком оставлен на самого себя.

Маму отцу.

Когда весны капель покажется,
Что нахалел великий тоски,
Ты на безрешетную стиральку
Шел сердцем тих, душою простой.

И не скажешь теперь словами,
Как душно была е родой тепла,
Когда в червер страшной над нами
Свой свет вели колокола.

Вот ты ушел на новоселье,
И разоренье мое — кто куда.
Теперь огонь горит по кельям,
Который одуши был тогда.

Я мал и слаб и нем словами,
Но от тебе мне душно тепла.
Ведь каждой ногою там, над нами,
Свой свет ведут колокола.

1933.

Примером христианского влияния на мир, деятельной заботы и человеческой помощи нуждающимся по — прежнему оставался отец. Лишившись огромного поля деятельности в тюремной церкви, он горячо взялся за работу в своем новом приходе. Вся беднота, живущая в приходе, все арбатские нищие стали предметом его первейших забот. В мае 1908 года отец Иосиф начал совершенно новое дело для приходской жизни в России — издание своими силами и своими средствами «Приходского вестника», газеты, в которой пастырь мог общаться со своим приходом. Он обращался ко всем, кто хотел откликнуться на вопиющую нужду приходских бедняков. В листках «Вестника», вместо поучений и наставлений, он помещал горячий призыв о помощи. «Зима приближается быстрыми шагами. Вспомните бедняков! Одеться надо, без башмаков нельзя выйти на улицу. Стужа много страданий приносит с собой. Нетопленные углы, замерзающая в комнатах вода, прикрытые всяким тряпьем дети. А помочь им уж не так трудно. В каждой сравнительно обеспеченной семье всегда бывают остатки одежды и обуви. Куда они деваются? Много из этого бросается зря. Пришлите мне на квартиру то, что желаете пожертвовать бедным. Особенно нужны валенки, большие и маленькие»^[46].

На призыв откликнулись многие — так был открыт приходский склад одежды для бедных. Рождественская елка собирала детей бедняков всего прихода. «Приходский вестник» был еще и своеобразной «биржей труда» — священник передавал просьбу одних прихожан к другим — пристроить к месту мальчика из многодетной семьи, помочь... разрешить... принять. «Вестник» не остался в стороне и в 1911–1912 годах, когда разразился страшный голод в Поволжье. Сборы денег среди прихожан были начаты в декабре 1911-го, а уже 5 февраля 1912 года отца Иосифа уведомили, что на собранные его приходом средства была открыта в одном из голодающих районов Поволжья столовая для 36 школьников. Столовая была названа именем протоиерея Иосифа Фуделя и просуществовала 178 дней.

Что могло быть лучше этого отцовского примера — для сына, который видел, как отец отдает всего себя приходским бедным?! Помогает им сам, собирает пожертвования, говорит об этом на проповеди. «Даже в передней нашей, я помню, висела медная кружка с

надписью “Приходским бедным”»^[47]. «О нем, — скажет С. И. Фудель, — я мог бы написать еще много: вот лежат сейчас передо мной пожелтевшие листы его “стихотворений в прозе”, его негодующие письма о Вл. Соловьеве, планы его бесед и проповедей, планы и черновики его книг “Записки тюремного священника”, “Земля и государство”, “Женщина”, выписки, письма к родителям<...>. Как передать его службу на Страстной, его служение пасхальной заутрени, когда он читал слово Златоуста: “Где твое, смерти, жало? Где твоя, аде, победа?”»^[48] И через много лет в памяти сына, во снах и наяву, оставался все тот же образ: он, мальчик, потом юноша, стоит на паперти своей Николо — Плотниковской церкви в пасхальную ночь. Отец, освещенный свечами прихожан, стоит в центре толпы и запекает пятый ирмос Пасхального канона: «Утренюем утреннюю глубоку...»

Молодость

Молодость С. И. Фуделя совпала со временем, которому он сам дал определение «умирающее». Его отец, священник Иосиф Фудель, принадлежал к тем немногим, кто среди бездумного благодушия высших классов был способен страдать страданием умирающей эпохи. Но и он был истощен от непосильного, одинокого труда. Конечно, писал впоследствии сын, «живое дело отец нашел и на Арбате, но все-таки сердце свое, всю основную силу своей горячей воли он оставил в тюрьме. На арбатский приход он пришел уже надорванным от борьбы с косностью, от все усиливавшегося чувства духовного одиночества и безнадежности.<...>Страшное время действовало неумолимо.<...>Признаки духовной жизни уже давно замирали везде»^[49].

Иосифу Фуделю, а затем и его сыну пришлось на своем собственном опыте убедиться в невыдуманности одного из центральных «церковных» вопросов романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — о том, как трудно быть служителем Христовым в России в конце XIX века (и тем более в начале XX), и о том, как чужд «миру», да и большинству духовенства дух Оптиной пустыни. Выпускники духовных семинарий и академий выходили в мир без веры, настроенные или равнодушно, или атеистически, а ведь именно они, эти равнодушные люди, «должны были блюсти угасающий огонь христианства в России и учить этому огненному учению народ»^[50].

Начало века и время перед Первой мировой войной были, напишет С. И. Фудель, наиболее душным и страшным периодом русского общества. «Это было время еще живой “Анатэ — мы”^[51], еще продолжающихся “огарков”^[52] и массовых самоубийств молодежи, время разлива сексуальной литературы, когда Сологубы, Вербицкие, Арцыбашевы буквально калечили людей, время, когда жандармские офицеры читали о “розовых кобылках”, а гимназисты мечтали стать “ворами — джентльменами”, время, когда на престол ложилась тень Распутина, капризно сменяющего архиереев и министров. Главная

опасность этого времени заключалась в том, что даже лучших людей оно точно опаляло своим иссушающим ветром»^[53].

Разрушительную работу страшного времени и его опаляющего ветра Сергей Фудель замечал, прежде всего, на отце. Если в 1891-м отец Иосиф еще мог написать своему другу К. Н. Леонтьеву о своей вере в религиозное призвание России и о своем желании для России только такого призвания, то в «страшное время» вера в это призвание пошатнулась. «“Святая Русь” умирала изнутри, идея сохранения христианства в массах терпела страшное крушение. И вот началось у него в этот последний период его жизни точно какое-то душевное иссыхание, как у растения, лишенного подземных родников»^[54].

С горечью напишет Сергей Фудель о том, что медная кружка «Приходским бедным», висевшая в передней отцовского дома и предназначенная для сбора пожертвований, была рассчитана в основном на богатых гостей, которые приходили к священнику играть в преферанс и могли, уходя после многих часов игры, оставить в кружке малую толику своего выигрыша. Преферанс должен быть заполнить пустоту, образовавшуюся после увольнения из Бутырской церкви, которым закончился самый яркий период деятельности отца Иосифа — не было больше переписки с Сибирью, с тюрьмами и центрами России, не было такой масштабной благотворительной работы, какая длилась целых пятнадцать лет. Отец Иосиф втянулся еще в одно предприятие — начал строить для церкви большой доходный дом — на банковские деньги. «Стройка поглощала все время: сметы, чертежи, контроль — все дела строительные легли на его плечи. Он лазил на леса вместе с архитектором, ездил в банк, писал отчеты. Деятельность ноная и небывалая для него была ключом, а душа сохла в строительной пыли. Стройка закончилась в 1913 году, а в 1915-м на даче в Сходне он написал свои письма с пометой “Открыть после моей смерти”»^[55].

Содержание одного из таких писем — исповедей С. И. Фудель прокомментирует много лет спустя. «“Душа у меня постепенно высыхала, умирала духовная жизнь, веяние Святого Духа переставало веять в сердце”, — вот смысл того, о чем он говорил в этой исповеди, которую мы со слезами любви и страха читали после его смерти»^[56].

Уже шла Первая мировая война и маячила революция, но для русских юношей — богоискателей страшнее всего было видеть

величайшее духовное неблагополучие Церкви, где стояли неверующие под видом верующих: оказывается, можно было числиться в Церкви, не веря в нее, можно было считать себя православным, не зная Христа, можно было верить в посты и в панихиду и не верить в загробную жизнь, в любовь и в бессмертие души. Обман казался тем страшнее, что шел не столько от людей, пропивших веру в ночных кабаках, сколько от добропорядочных, образованных русских граждан, зачастую имевших и общественный авторитет, и власть, и даже священный сан.

С. И. Фудель, как и сорок лет назад Ф. М. Достоевский, мучился вопросом: кто же *может* веровать? «Говорят, — писал Достоевский, — русский народ плохо знает Евангелие, не знает основных правил веры. Конечно так, но Христа он знает и носит Его в сердце своем искони. В этом нет никакого сомнения.<...>Сердечное знание Христа и истинное представление о нем существует вполне. Оно передается из поколения в поколение и слилось с сердцами людей. Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по- своему, то есть до страдания. Названием же православного, то есть истиннее всех исповедующего Христа, он гордится более всего»^[57]. «Мы, русские, — утверждал Достоевский в черновиках к «Бесам», — сильны и сильнее всех потому, что у нас есть необъятная масса народа, православно верующего. Если же бы пошатнулась в народе вера в православие, то он тотчас же бы начал разлагаться»^[58].

Но станет ли православие своим, близким не только простолюдину, но и человеку просвещенному, образованному? Ведь если к православной вере в будущем окажутся невосприимчивы люди просвещенные, то, по слову Достоевского, «вся сила России временная. Ибо чтоб была вечная, нужна полная вера во всё.<...>В этом всё, весь узел жизни для русского народа и всё его назначение и бытие впереди»^[59]. Фудель стал свидетелем отпадения от веры едва ли не всего русского образованного сословия — вера в Бога и в бессмертие души не вписывалась в понятия «прогресс», «научное мышление»; религиозное просвещение не справлялось с веяниями времени.

Уже спустя двадцать пять лет после смерти Достоевского ситуация с духовенством обострилась чрезвычайно. У государства, всячески

подчеркивавшего приверженность идее церковно — государственного союза, не хватало средств для того, чтобы обеспечить жизнь будущих пастырей Церкви. Учащиеся духовных школ (как правило, дети клириков) выбирали семинарское образование вовсе не потому, что хотели стать, как их родители, священно — церковнослужителями. Просто это была единственная возможность получить среднее образование. Религиозный энтузиазм в семинариях угасал, молодежь устремлялась на гражданскую службу: на прииски, в промышленные предприятия. Об этом в статье «Бегство из духовного сословия» писал В. В. Розанов, видя одну из причин «бегства» в материальной неустроенности православных пастырей^[60]. О стремлении порвать с духовным сословием, материально зависимым от паствы, свидетельствовали многие священники^[61].

В знаменитом «Московском сборнике» (1896) К. П. Победоносцев откровенно признавал, что русское духовенство мало и редко *учит*, лишь служа в церкви и исполняя требы. Даже он не очень понимал, в чем же тайна религиозной жизни народа, «оставленного самому себе, неученого». «Для людей неграмотных Библия не существует, — писал он, — остается служба церковная и несколько молитв, которые, передаваясь от родителей к детям, служат соединительным звеном между отдельным лицом и церковью. И еще оказывается в иных глухих местностях, что народ не понимает решительно ничего ни в словах службы церковной, ни даже в “Отче наш”, повторяемом нередко с пропусками или с прибавками, отнимающими всякий смысл у слов молитвы»^[62].

«Победоносцев продолжает свою “политику”, сущность которой состоит в том, чтобы духовенство не выделялось образованием и ученостью, а коснело бы в формализме и суеверии, *дабы не отделяться от народа*», — писал в дневнике близко знавший обер — прокурора генерал А. А. Киреев, человек неославянофильских убеждений. Он был уверен, что «на одних благочестивых мужиках далеко не уедешь»^[63].

На глазах С. И. Фуделя «весь узел жизни» стал распадаться; русский Апокалипсис, угаданный и описанный Достоевским, пришелся на молодость Фуделя и проник не только в книги, но уже и в души, умы, комнаты. Это было время скудости и богатства, темноты и духовных высот. Фудель проходил жизненные университеты, постигая

их сокровенную науку: он убеждался, что может умереть современная европейская цивилизация, но вечно живет спасенный Христом человек, созидая свою историю — и в катакомбах, и на просторах мира. Среди тьмы, в нищете и запустении, ему, одному из немногих, оставался видим свободный корабль Церкви.

Друзья отца

Мир русской религиозно — философской мысли легко и неприметно стал достоянием Сергея благодаря замечательному кругу друзей отца Иосифа. Константина Леонтьева, умершего за девять лет до рождения Сережи, мальчик, конечно, мог знать только по портрету в отцовском кабинете да по воспоминаниям отца, которые тот незадолго до смерти читал сыну. Дружба парадоксального русского мыслителя с отцом Иосифом, судя по их переписке, была не лишена серьезных противоречий. Обоих сближали вера в религиозное призвание России, неприятие «мещанского либерально — эгалитарного прогресса», ощущение катастрофы, ожидающей человечество на пути, по которому движется европейская культура. Но мысли Леонтьева о духовной плодотворности насилия, о приоритете страха Божия по отношению к любви были чужды пастырскому убеждению отца Иосифа, о чем явственно свидетельствует его неизданный «Дневник священника пересыльной тюрьмы». Сергей Фудель отмечал: «Отец многим был обязан Леонтьеву, любил его как человека большого ума и сердца, был близок к его идеям исторического пессимизма, но он никогда не был “леонтьевцем”». Знаменитый византизм Леонтьева, его теория “замораживания форм” для удержания неумолимо исчезающей из них жизни есть “дорога в никуда”, и она была по природе чужда моему отцу. Ему было ясно, что спастись от умирания истории сохранением ее внешних живописных форм, этим “формализмом от отчаяния”, конечно, невозможно»^[64].

Знакомство, завязавшееся еще в Москве, переросло в дружбу с 1887 года, когда Леонтьев поселился в Оптиной пустыни, а Иосиф Фудель издал свои «Письма о современной молодежи...». Книжка произвела на Леонтьева благоприятное впечатление, завязалась теплая переписка. «На вас моя главная надежда»^[65], — писал Леонтьев отцу Иосифу в год своей смерти.

Друг оправдал доверие и сумел подготовить и выпустить в свет (в 1912–1913 годах) девять томов собрания сочинений Леонтьева. Главным побуждением к этой работе для отца Иосифа, по его собственным словам, было желание дать материал для изучения

дорогой ему личности К. Леонтьева, «проследить за всеми перипетиями величественной и трогательной драмы, начавшейся как бы в древней Элладѣ безусловным культом красоты, а закончившейся в келье православного монастыря»^[66]. К сожалению, из-за начавшейся войны и последующей смерти отца Иосифа так и не удалось завершить издание заключительных трех томов с мемуарами и письмами.

К неравнодушному обсуждению идей «философа реакционной романтики», по выражению Бердяева^[67], Сергей Фудель много раз обращался в будущем. Вслед за отцом, он признавал правду Леонтьева в обличении обреченной на вырождение «европейской мещанской демократии и цивилизации», но трагедию мыслителя видел в неспособности найти путь к духовному преображению общества. Исторический пессимизм завел Леонтьева в «какой-то тупик и мышления, и жизни»^[68]. Причину Сергей Фудель усматривал в рационалистическом нечувствии тайны Церкви, в неспособности откликнуться на бездонную глубину Божественной Любви, «в которой рождается все, что есть благого, истинного и красивого в мире». «Евангелия мы не найдем у Леонтьева.<...>И к отцу моему он, наверно, потому так и тянулся, что в нем он осознал<...>дух евангельский, которого так недоставало его мыслям, его сознанию»^[69].

Искажением христианства, незнанием его азбуки Сергей Фудель считал попытки Леонтьева подменить любовь страхом или послушанием. И в этом отношении он порой ставил отцовского друга на одну доску с Ферапонтом из «Братьев Карамазовых» Достоевского. В ответ на леонтьевскую критику так называемого «розового христианства» Достоевского, якобы оторвавшегося от святоотеческих корней, Фудель приводил излюбленные слова Отцов Церкви: «Только те знают, что значит веровать в Бога, которые любят Его» (Блаженный Августин). «Начало и конец всякой добродетели — любовь» (святой Иоанн Златоуст)^[70].

Обширная антология «Путь Отцов», над которой С. И. Фудель трудился долгие годы, станет апологией напоенного светом и радостью пасхального христианства, как бы отповедью на то угрюмое представление, которое Леонтьев пытался дать своим читателям о православной аскетике, «очень недостаточно зная ее и выбирая из ее

сложного контекста только то, что ему было понятно — послушание, дисциплину, чинопочинение, страх»^[71].

«Леонтьев бесплоден для религиозного познания»^[72] — таков суровый приговор, вынесенный в одной из последних работ Фуделя. Прямо противоположным было впечатление Сергея от знакомства с о. Павлом Флоренским, другим прославленным другом его отца.

Первая встреча состоялась, когда Сереже было одиннадцать или двенадцать лет. Отец взял его с собой, поехав к Флоренскому в Сергиев Посад. Мальчик притомился во время долгой беседы двух священников «о какой-то евгенике, потом о Бердяеве». Запомнился стол, освещенный керосиновой лампой, за ужином красное вино в стаканчиках, особенный в своем роде «строгий обиход» дома Флоренских... «что-то не от нашей истории». А потом — дорога в гостиницу Троицкой лавры, «снега и тишина той, такой далекой теперь России», да услышанный сквозь дрему на ходу обрывок разговора взрослых о символике цвета на иконах Богоматери. Едва ли смысл его той ночью был внятен для ребенка. Но семь лет спустя, когда открыли реставрированную «Троицу» преподобного Андрея Рублева и «тихие краски божественного творения засияли миру огнями Невечернего света, света божественного Троиединства», юноша вспомнил этот разговор «как ночное предобручение, как напутствие радости на всю жизнь»^[73].

Еще более значительной оказалась для Сергея встреча с богословской мыслью Флоренского после выхода в 1914 году его знаменитой книги «Столп и утверждение истины». Удивительными словами Сергей Фудель передавал свое тогдашнее впечатление от первого знакомства с ней: «“Начинается весна, — говорили мы себе. — Церковь и есть эта вечная Весна. Теперь на всю жизнь все ясно”.<...>Через семь печатей ученого труда мы вдыхали благоухание Церкви. Нам открылась небесная лазурь богосознания под темными и такими родными сводами старого храма. Конечно, мы получили Церковь с детства, с того времени, когда с матерью и отцом шли в ночь Великой субботы со свечами, погребая тело Христово. С тех самых пор мы узнали, что на земле живет “Песнь песней”. Но потом были годы рассеяния и забвения, и Флоренский сумел как-то напомнить эту субботнюю ночь»^[74].

Отец Иосиф не выражал своих оценок столь восторженно, но, как вспоминает Сергей, и ему книга Флоренского помогла освободиться от пережитого в те годы душевного кризиса, связанного с разочарованием в прежней вере в высокое историческое призвание русского народа как хранителя Православия. «Я хорошо помню какую-то особенно радостную улыбку отца, когда он говорил о нем или когда при нем произносилось его имя»^[75].

Вот еще одна попытка Сергея Фуделя передать, что значило для него и его молодых друзей вхождение в мир богословской мысли отца Павла: «Стены Успенского собора в Лавре имеют больше метра толщины. Внутри круга мышления Флоренского люди ощутили себя в такой же безопасности, как за такими стенами.<...>За его учеными словами всегда ощущалась простая и понятная сила, созидающая жизнь, — сила, ведущая в жизнь вечную»^[76].

Любовь к Богу и любовь к миру Божию, верность церковноаскетической традиции и увлечение пестрым многообразием культурной среды боролись в душе молодого Сергея. Флоренский как никто другой из встреченных им в жизни людей помог преодолеть это противоречие. «Ум наконец нашел свою потерянную родину, то теплейшее место, где должно быть его стояние перед Богом. Мысль оказалась живущей в какой-то клетке сердца, где в углу, перед иконой Спаса, горит лампада Утешителя.<...>Здесь мысль, восходя на крест подвига воцерковления, охватывала все благое, что было в мире, как *свое*, как принадлежащее Премудрости Божией, Богу — Творцу и твари, и мысли. Стало понятно, что борьба за крест есть борьба не только за личное спасение,<...>но и борьба за любимую землю человечества, спасаемую и освящаемую благодатью»^[77]. Флоренский сумел привнести в интеллектуальную жизнь предреволюционного времени как будто забытое и подавленное мертвыми томами семинарских учебников ощущение достоверности религиозного опыта, «озарение святых средних веков», легко и радостно охватывавшее душу. Апостолы и подвижники, тайнозрители откровений и творцы древних икон, явившие в красках сокровенное богопознание, казались собеседниками этого человека, погруженного в «тишину слушания вечности»^[78].

Михаил Александрович Новоселов, строгий ревнитель чистоты Православия, в разговоре с отцом Иосифом Фуделем однажды выразил

сомнение в церковной ценности трудов Флоренского.

— Как вы можете так говорить! Отец Павел открыл нам Церковь, — возразил семнадцатилетний Сергей.

Седой и длиннобородый «Авва», как полушутя называли Новоселова друзья, посмотрел на юношу с удивлением, сменившимся смущенной улыбкой; наконец, на его лице отразилось и явное одобрение: «Точно он только и ждал этого моего молодого протеста»^[79], — вспоминал Сергей Фудель полвека спустя.

Общение Сергея с Флоренским продолжалось и после смерти отца Иосифа. Летом 1918 года Сергей Фудель принимал деятельное участие в организации курса лекций отца Павла о философии культа в переполненных аудиториях гимназии на Остоженке, слушал его беседы в московских храмах, в 1921 году посещал его лекции в возобновившей ненадолго свою деятельность и кочующей с места на место Московской духовной академии. Флоренский с терпеливым смирением выслушивал и комментировал литературные проекты своего молодого друга.

Их разлучил арест Сергея. Тем временем побывал в заключении и отец Павел. После долгого перерыва последний раз на земле они увиделись в начале 30-х годов. Флоренский стоял уже далеко от активного участия в церковной жизни и погрузился в инженерную работу; в момент встречи он был занят способами электрозапайки консервных банок. Разговор, однако, шел именно о Церкви, о захлестывающей ее стихии мира сего, о бессилии догматической веры, не обретающей воплощения в жизни.

Прошло немногим более двадцати лет со времени первого памятного свидания в вечернем Сергиевом Посаде, но времена той, прежней России были отделены пропастью. Все меньше несломленных христиан оставалось в тоталитарном атеистическом государстве. Под неусыпным его контролем находилось церковное руководство. Митрополит Сергей, возглавлявший Русскую Церковь после смерти патриарха Тихона и тюремного заточения патриаршего местоблюстителя митрополита Петра, уже подписал свое интервью, в котором был вынужден отрицать очевидное для всех существование религиозных гонений в Советском Союзе. Подвижничество уходило в катакомбы, иным казалось, что только втайне от мира, в бегстве из него можно будет сохранить чистоту Церкви и верность Христу,

однако ряды «непоминающих»^[80] все более редели в результате новых арестов.

— Но, несмотря на это, таинства в Церкви совершаются, — сказал Сергей, видимо, желая поделиться своей последней надеждой.

— Это-то и страшно, что они совершаются, — печально возразил Флоренский^[81].

Вскоре Сергей был вновь арестован. Через короткое время недра ГУЛАГа поглотили и отца Павла — уже без возврата. Но спустя десять лет после его смерти Сергей Фудель, переживавший отчаянную тоску в одиночестве своей сибирской ссылки — подобно Флоренскому накануне его последнего ареста — увидел во сне отца Павла вместе с отцом Иосифом в алтаре разрушенной к тому времени Николо — Плотниковской церкви. Отец протянул сыну пузырек с лекарством; на этикетке было одно слово: «Терпение». И отступила апокалиптическая «смерть вторая», казалось, уже готовая объять застывшую душу.

«Два ближайших мне духовно человека пришли и сказали, что прошлого нет, — что они не в прошлом, а в настоящем и будущем, что надо все больше жить тем миром, в котором живут они»^[82].

Дружба с С. Н. Дурылиным

В молодости Сергей Фудель мечтал о священстве. «Священник есть священнодействователь святилища, в котором для него вся полнота Жизни, вся его мудрость, вся правда и вся красота. Он знает всем своим умом и сердцем, что здесь, в Церкви, он нашел все, что кончились его богоискания, что он уже не искатель Жизни, а ее теург»^[83].

Каковы пределы и сроки богоискательства? Фудель задумывался об этом в молодые годы, глядя на продолжительные искания своего друга Сергея Дурылина (1886–1954). Можно ли искания Бога превратить в вечное и единственное занятие? Скорее всего — нет, отвечал на свой же вопрос Фудель: вечность искания есть болезнь души, знак бессилия в достижении великого и смиренного житнетворчества. Плодотворное искание должно неминуемо приводить к обретению, иначе приведет в тупик.

Талантливый искусствовед, знаток театра, публицист, С. Н. Дурылин был, казалось, именно таким вечным богоискателем. В отрочестве он потерял веру в Бога, ушел из пятого класса гимназии — и не только потому, что считал школу тюрьмой, местом долгих мучений, истязаний, скуки, тоски и гибели^[84], но и потому, что ему было стыдно пользоваться привилегиями, даваемыми образованием. Затем, под влиянием брата — анархиста, он сблизился с революционным подпольем и участвовал в нелегальной печати. Учился в университете, познакомился с Л. Н. Толстым и испытал сильное влияние толстовства, ездил по русскому Северу и старообрядческому Заволжью. Изучал народные аспекты православия, писал стихи в духе «русского францисканства», сближался с московскими неославянофилами и, наконец, в 1920 году принял священство. «Вся религиозная сила его, — напишет Фудель о Дурылине, — была тогда, когда он был только богоискателем, а поэтому, когда он, все продолжая быть им, вдруг принял священство, он постепенно стал отходить и от того и от другого»^[85]. Признаком слепоты назвал Фудель состояние человека, который продолжает

искать золото, стоя у золотой россыпи; и только безумцем можно назвать того, кто кричит, будто умирает от жажды, стоя перед чашей с ключевой водой.

Свое посвящение в сан Сергей Дурылин переживал как этап, когда «кончилась жизнь и начинается житие». Самым трудным для священника Дурылина оставался вопрос — можно ли брать с собой в Церковь, в которой для него должна быть вся полнота Жизни, Пушкина и Шопена, Диккенса и Эдгара По, Гогена и Иннокентия Анненского. Можно ли сохранить в своей душе искусство, живя целиком в Церкви? Фудель вспоминал, как с великой грустью отвечал на этот вопрос его друг: «Нельзя на одной полке держать Пушкина и Макария Великого». Дурылин, имевший большой талант художественной прозы и уже издавший к моменту своего рукоположения цикл сонетов, считал, что священнику продолжать подобные занятия не должно. Священство оказывалось для него, таким образом, некой жертвой. Но если священство есть не обретение сокровища, а жертва, то, полагал Фудель, «тоска о пожертвованном будет неисцелима и воля в конце концов не выдержит завязанного ею узла... Ни истина, ни красота не разрываются в вере, но всякая искра света на темных тропинках мира воспринимается ею как отсвет все того же великого Света, у престола Которого она непрестанно стоит. Человек полный веры, наверное, ничем не жертвует, отходя от мира с тайным вздохом о своей жертве, так как, наоборот, он все приобретает: он становится теперь у самых истоков музыки, слова и красок»^[86].

Именно так и обстояло дело с Дурылиным, который в процессе долгих духовных поисков вступил в священство, но и сам же, продолжая искать свой путь, отказался от принятого на себя служения. Опыт Дурылина навсегда остался для С. И. Фуделя одним из самых поучительных примеров — как томится сердце человека в попытке совместить несовместимое. Ключом к пониманию этой сердечной тоски были стихи Зинаиды Гиппиус:

Покой и тишь во мне.
Я волей круг свой сузил...
Но плачу я во сне,
Когда слабеет узел!

Ибо вступление Дурылина в священство сопровождалось для него «плачем во сне» — о поэзии, театре, литературе, обо всем том, что, как ему казалось, он принес в жертву Церкви.

Сближение Фуделя с Дурылиным произошло весной 1917 года. «... Помню, как 33 года назад, — писал С. И. Фудель сыну в декабре 1951-го, — я пришел впервые в комнату к Сергею Николаевичу. Помню тишину комнаты и везде книги, — на полке, на столе, на полу, — и свою жажду познания, но не отвлеченного, а радостного, как молодая жизнь. Книги представлялись окнами, в которые проходят лучи незримого солнца»^[87]. К тому времени Дурылин был уже автором известных книг «Рихард Вагнер и Россия» (1913), «Церковь Невидимого Града» (1914), искусствоведческих и этнографических очерков — о древнерусской иконописи, об Олонецком крае, о Франциске Ассизском, о Лермонтове, о Русской Церкви и церковном соборе. Он писал легко, стремительно и много и мог работать одновременно над несколькими темами. Фудель вспоминал маленькую комнату во дворе Обыденского переулкa, где квартировал Дурылин. В большой стопке книг лежали вперемешку романы, стихи, богословие, книги по искусству, стихотворные сборники, журналы. Над столом находилась одна — единственная икона — старинное, шитое бисером «Благовещение», а над кроватью висела единственная картина, акварель Машкова, иллюстрация к «Бесам» Достоевского: Шатов провожает ночью Ставрогина. «Это была бедная лестница двухэтажного провинциального дома, наверху, на площадке, стоит со свечой Шатов, а Ставрогин спускается в ночь. В этой небольшой акварели, — вспоминал С. И. Фудель, — был весь “золотой век” русского богоискательства и его великая правда»^[88].

В маленькой комнате своего друга, засидевшись за полночь, С. И. Фудель часто оставался ночевать и ложился на полу, на какой-нибудь старой одежде, и тогда начинались «русские ночи» — все те же старые разговоры шатовской мансарды. Вольно или невольно Фудель и его избранные собеседники читали и жили будто по нотам Достоевского и, конечно, ощущали себя все теми же «русскими мальчиками», которые, едва познакомившись, заводят бесконечные разговоры о путях к Богу и от Бога, забывают о еде и сне и жаждут знать друг о друге только одно: «Како веруеши али вовсе не веруеши».

Фудель не уставал удивляться, что его друг, который вел вполне аскетическую жизнь («вольное монашество в миру, с оставлением в келье всего великого, хотя бы и темного волнения мира»), мог одинаково увлеченно рассказывать о посещении Оптиной пустыни и об опере «Русалка»; или в момент сосредоточенного молитвенного состояния вдруг начать читать отрывки из «опиумных» новелл Клода Фаррера. Во всем его поведении чувствовалось не дешевое любопытство зла, а душевное соучастие в тоске этого зла по добру; и любимый поэтический образ Дурылина был тоскующий лермонтовский демон. Фудель видел в этом духовном феномене какое-то особое, русское тоскующее любопытство.

В 1918-м С. Н. Дурылин написал рассказ «Мышь беготня», который посвятил своему другу Сергею Фуделю: о призраках ночи, о темном хаосе образов, тоске и наваждениях, которые исчезают в лучах света, в звоне колоколов к ранней обедне у Илии Обыденного. «Борьба духа, — писал в этой связи С. И. Фудель, — есть постоянный уход от постоянно подступающего зла, в какой бы врубелевский маскарад это демонское зло ни наряжалось. Уход и есть уход, движение по пути, странничество, и в этом своем смысле духовное странничество, то есть богоискательство, присуще всем этапам веры. Оно есть побег

С. Н. Я.

Я вспоминаю двор уютный
И камень грязный у перил,
Там где над домом и над шумом
Московский ветер проходит.

Там в этом доме, гостем новым,
Таволо я коимайчу узнаю...
Простите меня за это, что снова
Сегодня я заисковал.

Тоска глупа. Любовь глупа.
Но там ли в них искать врагов!
Я там когда-то уж влюбился,
Познав напавший пепел слов.

Была весна и мир был молод
И наши зрели вечера,
Когда во сне метался город
В молоте свершений до утра.

Там был менз, и ладенца, дра
Вскрылась в тогочевский плен,
И в черном хаосе Рувэра
И в крике Брюсовских сирен.

Стихотворение С. И. Фуделя, посвященное С. Н. Дурылину. 16
апреля 1934 г. Автограф. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ed. хр. 276. Л. 167

Я там слышал твои "Четыре"
И, сердцем новым выйдя в день,
Снижал мечтой безумной в мире
На тело брошенную тень.

Когда ж, в гасах полнокровия зрела,
Торела намать тишиной,
И я, бессонницей бочась,
Томился мыслями белыми.

И в той же комнате, за шторой,
Где выходил Сивавроши в ночь,
Мы про Камчатские прощоры
Мечты не смели превозмочь.

Что сердце верило неверно?
Но ведь тогда ж, как введишь сон,
Являлись Светлой Неверности
Мне красны тихия ином.

Прости же меня, что я стихами
Пиревожу в сердце след огня...
Твоими меня овладевают ногами
Все та же мысль белая.

16 IV 84.

Стихотворение С. И. Фуделя, посвященное С. Н. Дурылину. 16 апреля 1934 г. Автограф. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ed. xp. 276. Л. 168

от зла»^[89]. Фудель и считал Дурылина таким странником по духовным мирам, русским путником, искавшим потонувший в озере Китеж, а в нем — Церковь Невидимого Града. Но путником крайне торопливым, который, находясь в плену своего большого и стремительного литературного таланта, спешит говорить и писать, доказать, убедить, — прежде чем созреет в нем полное внутреннее понимание.

Фудель на всю жизнь запомнил, как он провожал своего друга к диким северным озерам, в «край непуганых птиц», и потом встречал его и слушал рассказы про эти озера, про диких лебедей и колдунов и про старые северные деревянные церкви. Его впечатления о поездках и путешествиях (например, об Оптиной пустыни) казались Фуделю преувеличенными, мечтательными, полными восторгов, но далекими от реальности: им трудно было верить. «В нем был какой-то мистический гиперболизм, который давал неверный тон исполнению даже и совершенно верной музыкальной вещи»^[90].

Не раз, однако, Фудель благодарно вспоминал, с какой любовью и знанием дела открывал ему Дурылин смысл древней русской иконы, как водил своих друзей в Кремль показывать фрески Благовещенского собора. Были они и в Лавре, чтобы видеть освобожденную от золотой ризы и позднейших записей рублевскую «Троицу»: горели золотые лампы и светила икона немерцающим светом. Дурылин сказал тогда, что испытывает «почти страх». Они одинаково чувствовали, что «икона — это видение святости, видение святого тела тех, кто озарен до конца благодатью. Лицо, озаренное Невечерним светом, дается в ней не в анатомической записи тленной плоти, а в молитвенном прозрении его еще непостижимой славы»^[91].

Дурылин водил своих друзей на теософские собрания, в Щукинскую галерею, на свои чтения о Лермонтове. Те университеты, которые Фудель проходил под влиянием Дурылина, он позже определял как познание Церкви через единый путь русской религиозной мысли. Дурылин открывал своему младшему другу и мир русской культуры. Именно он впервые повез Фуделя в Абрамцево,

чтобы вместе погрузиться в теплый воздух «аксаковского гнезда». Тогда это был еще не музей, а большой дом, полный личной жизни живущих в нем обитателей — Фудель запомнил уже совсем старого Савву Ивановича Мамонтова, сидящего за чаем на террасе. «Я впервые попал в этот мир уходящей эпохи и полюбил его навсегда. Я ходил по дому и буквально нюхал необъяснимо милый мне запах какого-то навсегда теряемого покоя»^[92].

Радовался С. И. Фудель и тому сердечному доверию, которое почти сразу установилось между С. Н. Дурылиным и отцом Иосифом. Любовь Дурылина к отцу Иосифу имела веские причины — он видел в нем духовного отца, который сочетал подлинную религиозную жизнь с русской культурой XIX века. Через отца Иосифа Дурылин прикоснулся к Оптиной пустыни отца Амвросия, а значит — и к Оптиной Достоевского и Толстого.

В работе «У стен Церкви» сказано несколько выразительных слов о феномене непродолжительного священства С. Н. Дурылина. Он служил на Маросейке, у знаменитого московского пастыря отца Алексия Мечёва (f 1923)^[93], куда любил приходить и С. И. Фудель. «В Сергее Николаевиче была большая личная любовь к Христу, именно та личная любовь, которая светит нам в жизни и в писаниях святых отцов и о которой так вовремя и так хорошо напомнил Достоевский»^[94]. Но, несмотря на уже принятое священство, вопреки отцу Алексию, который не благословлял Дурылина на священнический путь, тот отошел в конце концов от Церкви.

И Фудель точно понял причину такого шага: *вследствие того*, что Дурылин принял священство, он и отошел — бремя оказалось непосильным для его плеч. Любящему, искреннему, но слабому духом человеку невыносимо увидеть на Тайной вечере зло и предательство, трудно преисполниться смирением и продолжать трудный подвиг веры. Дурылин увидел в Церкви неверующих под видом верующих и решил, что дело Христово не удалось. Ему чудилось, что за видимой оболочкой Святой Церкви прячется область неверия и нелюбви, демонстрируется внешность без содержания, и все пронизано лицемерием, тщеславной пустотой, душевным холодом, равнодушием. И этот «призрак» Церкви, ее обманный «двойник» совершает страшную провокацию, ибо рождает ощущение, что нет на свете Христовой правды и нет истинной Церкви. «Обман действовал всегда,

но более крепкие люди, противодействуя ему, всегда искали и всегда находили истинную Церковь: шли в глухие монастыри и леса, к старцам и юродивым, к Амвросию Оптинскому или Иоанну Кронштадтскому, к людям не только правильной веры, но и праведной жизни. Они-то и есть истинная Церковь, живущая и в городах, и в пустынях, а всякое зло людей, только причисляющих себя к ней, есть, как говорил отец Валентин Свенцицкий, зло или грех не Церкви, а *против Церкви*»^[95].

С. Н. Дурылин не выдержал испытания. Ни от веры, ни от Церкви он не отрекся; он просто не мог преодолеть раздвоенности души, той самой немощи веры, боящейся идти до конца, то и дело оглядывающейся назад. Фудель, глядя и на свой собственный опыт, честно писал: «И Сергей Николаевич, и я, и многие из моих современников оказались не готовыми к тому страшному часу истории, в который она тогда нас застала и в который Бог ждал от нас, чтобы мы возлюбили Его больше своего искусства, своего страха, своей лени и своих страстей. Тогда решались какие-то судьбы, определялись какие-то сроки, и можно ли было особенно тогда путать Евангелие с другими книгами?»^[96] Их разделили годы одиночества на разных путях, хотя путь неволи начался одновременно: Дурылин был арестован тоже в 1922–м, отбывал ссылку в разных местах, в ссылке же отказался от дальнейшего служения и, судя по его последующим писаниям, отдалился от Церкви^[97].

Дурылин попытался жить выше своей меры, выше того, что достигла душа, но не смог и остался лишь «очарованным странником». И хотя Фуделю всегда было тяжело вспоминать время своей юности — «блоковские годы раздвоенности и измен», — Дурылин все же существовал в его памяти как учитель, с которым вместе был пройден большой и светлый путь. Много лет спустя он писал о нем сыну, помня человека, не имевшего никакого диплома, но любовью охватившего всю необъятность русской литературной культуры. «Знакомство с ним расширяет горизонт внутренней жизни, толкает на то, чтобы с такой же страстью и любовью погружаться в область своего знания, искать его дна и его границы»^[98]. В 1952–м, недавно освободившись из третьей ссылки, С. И. Фудель писал Дурылину из Усмани: «Я очень дорожу связью дружбы между нами, которая прошла испытания наших десятилетий. Каждое ваше слово ко мне драгоценно для меня. Я

бы хотел сейчас, когда вы больны, сидеть около вашей постели и не говорить, а что-нибудь читать вам, или, может быть, писать под вашу диктовку, или же молчать, зная, что все уже прочтено и написано.

Не только воспоминания сильнее меня, но сильнее меня и вера в будущую жизнь, а так как эта вера неразрывно связана у меня с вами, то мне бывает всегда так радостно, когда я сердцем слышу вас»^[99].

Фудель отчетливо сознавал, какое страшное, трудное, одинокое время им досталось. Он имел мужество признать — болезнь, которой был болен его друг, С. Н. Дурылин, это в какой-то степени и его собственная болезнь. Он был готов разделить ответственность своего друга, который однажды написал ему: «На Страшном суде мы с тобой будем расплачиваться по одному векселю».

Философское общество.

Правдоискатели и праведники

Пятнадцатилетним, в ноябре 1916 года, Сергей Фудель впервые пришел вместе с отцом и Дурылиным в Мертвый переулок, где в доме Маргариты Морозовой, вдовы богатого промышленника, проходили заседания Религиозно — философского общества памяти Владимира Соловьева. Отец Иосиф бывал здесь нечасто, а выступал с докладами лишь дважды, оба раза — на заседаниях, посвященных памяти Константина Леонтьева. Дурылин же с 1912 года был секретарем Соловьевского общества до самого его закрытия, которое последовало через полтора года после большевистского переворота.

Религиозно — философское общество было учреждено в конце 1905 года, в разгар революционных волнений в Москве. Четырьмя годами раньше подобный опыт был предпринят в Петербурге. При помощи чиновника синодальной канцелярии Валентина Тернавцева Д. С. Мережковскому и В. В. Розанову удалось добиться разрешения обер — прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева на проведение религиозно — философских собраний. Правда, потом Победоносцев запретил продолжение встреч и публикацию их протоколов, но за полтора года своего существования собрания успели стать ярким событием русской общественной жизни и положили начало открытому диалогу между Церковью и интеллигенцией. По словам Мережковского, «впервые русская Церковь<...>встречалась лицом к лицу со светским обществом, с культурой, с миром<...>для внутреннего свободного общения»^[100]. Вячеслав Иванов считал, что интеллигенция «растревожила и, быть может, отчасти разбудила церковь»^[101].

Изменившаяся за несколько бурных лет политическая обстановка позволила москвичам обойтись без дозволения Ведомства православного исповедания. Впрочем, в период «освободительного движения» получить разрешение, наверно, не стоило бы большого труда: обер — прокурором Синода на смену Победоносцеву недавно был назначен друг и почитатель Владимира Соловьева князь Алексей

Оболенский, который и сам иногда принимал участие в заседаниях Общества.

Среди основателей Религиозно — философского общества — профессор правоведения Московского университета, религиозный философ и общественный деятель князь Евгений Трубецкой; экономист и философ, в недавнем прошлом марксист Сергей Булгаков; религиозный мыслитель Владимир Эрн; публицист Валентин Свенцицкий, основатель (вместе с Эрном) «Христианского братства борьбы» — то был «странный опыт религиозно — мечтательного революционерства», по выражению отца Георгия Флоровского; Павел Флоренский, тогда еще студент Московской духовной академии; его друг Александр Ельчанинов. Все они испытывали сильное влияние многогранной мысли Соловьева, хотя одних увлекала по преимуществу соловьевская метафизика всеединства, других — учение о Софии, третьих — теократическая социальная идея русского философа. Позднее к обществу присоединились Николай Бердяев, Вячеслав Иванов и Андрей Белый. По воспоминаниям Булгакова, организаторы этих собраний видели свои задачи в «светском пастырстве», «проповеди веры в среде одичавшего в безбожии русского общества». Позднее четверо из первоначальных учредителей — Флоренский, Булгаков, Свенцицкий и Ельчанинов — примут священнический сан и посвятят себя пастырству духовному.

Незаменимым председателем этого собрания столь ярких и столь разных творческих личностей был Григорий Рачинский, который, по словам Сергея Фуделя, умел «объединять трудно- объединяемое и премудро сглаживать ненужные углы». Рачинский был человеком, глубоко преданным Церкви. После революции этот знаток японской поэзии и исследователь творчества Ницше стал одним из руководителей возглавлявшегося А. Д. Самариним Союза объединенных приходов. Власть расценила организацию как контрреволюционную, и Рачинский дважды, в 1919 и 1931 годах, подвергался арестам. «Он очень уважал моего отца, — вспоминал Сергей Фудель, — и я помню его фигуру с седой, коротко остриженной головой на чтении Великого покаянного канона в Николо — Плотниковском храме на первой неделе Великого поста».

Вместе с председателем и секретарем за столом президиума Соловьевского общества обычно сидели Бердяев, Булгаков и

Трубецкой. Несмотря на миротворческие усилия Рачинского, споры принимали иногда бурный характер. Сергею Фуделю запомнилось, как при обсуждении доклада Вячеслава Иванова «О границах искусства» Андрей Белый «даже не говорил, а выкрикивал свои возражения, как-то иногда подпрыгивая вслед за словами»^[102]. Поэт, в то время уже увлеченный идеями Р. Штейнера, был склонен видеть художника — а еще точнее, самого себя — в роли демиурга. Поэтому смиренное признание Иванова, что человеческое творчество отнюдь не всесильно, поскольку неспособно, в отличие от акта Божественного творения, к реальному одушевлению мертвой природы, Белый с негодованием воспринял как предательство, как акт отречения от великого предназначения искусства. Юному Фуделю Андрей Белый с его лихорадочно блестящими глазами «представлялся искусным мистическим фокусником: что только ни вынимал он из своего цилиндра, поставленного на стол, — и Канта, и Ницше, и Гёте, и Штейнера». Вместе с тем, вспоминает Фудель, поэт, казалось, уже далеко отошедший от традиционного христианства, искренне жалел, когда новые правители страны приказали срубить на фронтоне Московского университета, там, где размещалась домовая церковь, сиявшую золотыми буквами надпись со словами из литургии Преждеосвященных Даров: «Свет Христов просвещает всех»^[103]. И еще — Фудель не упустил упомянуть, что Белый одним из первых заметил и публично приветствовал дарование Флоренского.

Отец Павел, встреча с которым оставила такой яркий след в жизни Сергея Фуделя, явился для него некоторым мерилom подлинности и глубины мысли. Описывая свои впечатления от знакомства с Вячеславом Ивановым, Фудель отмечает: «Вячеслав Иванов был во многом родствен Флоренскому, их объединяла какая-то онтологичность мышления и еще, может быть, общая “предыстория” их христианства: Древняя Греция и Восток в своем ожидании Нового Завета. У него была книга под названием “По звездам”, и в моей памяти он сохранился как волхв евангельского рассказа, медленно, на верблюде приближающийся к тому месту, где лежал Младенец, спеленатый в яслях»^[104].

Поиск религиозного смысла истории и оправдания культуры был одной из главных тем Религиозно — философского общества. Именно в этом ключе обсуждались здесь творчество Лермонтова и

Достоевского, наследие Владимира Соловьева и Константина Леонтьева. Фудель вспоминает, как при его первом посещении Общества Сергей Булгаков в своем докладе «Победитель — побежденный. Судьба К. Н. Леонтьева» настойчиво («так же страстно, как всегда он и мыслил, и говорил») искал религиозную правду в творчестве писателя, во многом чуждого ему по духу. Булгаков, с которым Сергей Фудель часто виделся в те годы, запомнился ему как человек, всем сердцем полюбивший свет Христов и вырвавшийся из тупиков позитивизма на свободу неумирающей мысли и жизни христианства, а вместе с тем — как автор острых и умных статей, как «сплав всех трех братьев Карамазовых», в котором Алеши тогда было все же меньше, чем Ивана. Полвека спустя, как тихий прощальный привет, Фудель получил весть об обстоятельствах кончины отца Сергия от вернувшейся в Россию его духовной дочери, иконописицы инокини Иоанны Рейтлингер: «Он умер как праведник, весь потянувшись к уже ему зримому горнему миру»^[105].

В отличие от петербургских собраний, на которых сходилось немало ярких представителей духовного сословия, в московском Соловьевском обществе священники были скорее редкими гостями. «Москва продолжала быть твердыней так называемого “филаретовского духовенства”, в общем безмятежно спящего в своих приходах»^[106], — вспоминал Фудель. Зато здесь собирались беспокойные искатели правды Божией из числа мирян — вроде Николая Прейса, оставившего яркий след в памяти Сергея Фуделя. «Праведник, любивший мир Божий и прошедший по нему, не запятнав ничем своей любви»; «чистый и странный для мира человек, не вмещавшийся в нем»^[107] — так вспоминал о нем Фудель многие годы спустя после смерти Прейса в голодные 20-е годы в психиатрической лечебнице родного городка Венёва в Тульской области.

«Я не представляю себе весенней Москвы 1917–1918 годов без его небольшой сутуловатой фигуры в черном пальто или в длинном черном сюртуке, золотых очках и какой-то маленькой старой фетровой шапочке». В черной клеенчатой сумке с деревянной ручкой он всегда и везде носил с собою Новый Завет, несколько книг святых отцов и поэтов. За последних, как было известно Сереже, Прейс усердно молился Богу. Юношу, который в то время мучительно пытался соотнести в своей душе верность строгой церковности «оптинского»

образца с увлекавшей его стихией литературного и вообще культурного творчества, где нет ничего раз навсегда ясного и решенного, поразило «само явление Прейса, этот живой факт того, как человек веры может любить мир, эту теплую землю человечества, настолько любить, чтобы собрать ее в свою котомку, как драгоценное бремя страдания и любви. В этом был символ, но этим символом был живой человек, появлявшийся среди нас<...>и нас иногда не замечавший, всегда погруженный в свою тревожную думу, всегда куда-то спешащий — то в церковь, читать шестопсалмие, то на философский диспут в Мертвый переулок<...>, то в Данилов монастырь, на могилу Гоголя»^[108].

Явившись однажды к Дурылину в Обыденский переулок, Прейс застал там В. В. Розанова, по характеристике Фуделя — «маленького старичка с зорким взглядом», укрывающегося в особом «самозатворе» за облаками табачного дыма, яркого представителя целой эпохи русской интеллигенции, в которой сочетались «и настоящий ум, и пустая болтовня, и искренность о людях, и занятость только собой, и отрицание атеистического тупика, и нежелание настоящего подвига веры». «Прейс вошел со своей котомкой, остановился над ним и громко и грозно сказал, точно пробиваясь сквозь дымовую завесу интеллигентности: “А ведь Христос-то действительно воскрес!”»^[109].

В послереволюционном будущем, когда большевики одну за другой разорили и опустошили дорогие для Сергея Оптину и Зосимову пустыни, Троице — Сергиеву лавру, да и все остальные обители «организованного» русского монашества, тема праведников в миру (а также *монастыря в миру*, о чем речь пойдет далее) приобрела особое значение для Сергея Фуделя. Его воспоминания наполнены свидетельствами об этих людях веры, живущих в мире, но «не вмещающихся в нем», а прорастающих в вечность уже здесь и сейчас, *странниках и пришельцах на земле* (Евр. 11, 13). Из них особенно дороги Фуделю те, кто, подобно Прейсу, на свой особенный лад продолжавшему давнюю русскую традицию *юродивых Христа ради*, умели любить мир — но любовью, просвещенной знанием Царства Божия.

Другие, более традиционные образы юродивых тоже присутствуют в воспоминаниях Сергея Фуделя. Это, например, Гаврюша, живший

при Оптиной пустыни и почитавшийся ее старцами. В 1921 году, в период трудноразрешимых сомнений, Сергей спросил его:

— Гаврюша, — что мне? Идти в монастырь или жениться?

Ответ прозвучал с неожиданной досадой:

— А мне что! Хоть женись, хоть не женись!

И после некоторой паузы:

— А в одном мешке Евангелие с другими книгами нельзя носить ^[110].

Вопрос оказался праздным: Сергей был еще не готов ни к монашеству, ни к браку. Осуждая немощь своей тогдашней веры и непреодоленную раздвоенность души, он принял близко к сердцу и другой упрек странника. Не о том ли говорил недавно и его старший друг Сергей Николаевич: «Нельзя на одной полке держать Пушкина и Макария Великого».

Дурылин кончил тем, что убрал с полки Макария. А Фудель, вполне усвоив, что Евангелие с другими книгами путать нельзя, сумел показать всем своим дальнейшим опытом, что в любящем сердце можно уместить и Евангелие, и суровых Отцов пустыни, и, вместе с тем, Пушкина и Тютчева, Бориса Пастернака и Вячеслава Иванова, Достоевского и Метерлинка, Экзюпери и даже Рэя Брэбери, — все они оказались в каком-то смысле спутниками на трудном скитальческом пути... Главное в том, что «Христа в душе уже нельзя ни с чем путать, да и невозможно, ибо если увидишь, что Он — Солнце, то как же Солнце спутаешь с фонарем» ^[111].

Фудель прожил свою жизнь не «по Гаврюше», а, скорее, «по Прейсу» с его многое вмещающей клеенчатой сумкой. Вот и во Флоренском Сергея так привлекало это смешение неотмирности даже во внешнем облике с увлеченностью вполне земными техническими вопросами и погруженностью в глубину мирской учености.

Свидетельство Сергея Фуделя оказалось дорогим для многих в современной России. Отмечая присущую Фуделю «безмерность человеческой широты», Майя Кучерская пишет: он «вовсе не был между ими и нами, между Церковью и культурой, он умел оставаться вместе с тем и другим» ^[112].

«Русский Апокалипсис». Новоселов и Тихомиров. «Филадельфийская эпоха» и «церковь — блудница»

Апокалиптическое настроение, связывавшееся как с ожиданием нового излияния Святого Духа, так и с ощущением надвигающейся катастрофы и конца истории, составляло один из основных мотивов интеллектуальной жизни предреволюционной эпохи. «Мы стоим на краю истории», — говорил Тернавцев на петербургских религиозно — философских собраниях еще в самом начале XX века. Летом 1917 года, уже на пороге большевистской революции, он выступал с чтениями на тему Апокалипсиса и в Москве. Здесь слушал его Сергей Фудель — вероятно, вместе с Дурылиным, который примерно в то же время читал в морозовском доме доклад «Апокалипсис в русской литературе». Толковали в те годы и о реабилитации хилиазма, древнего верования в наступление тысячелетнего Царства Божия. К хилиастическим чаяниям подталкивало все более очевидное крушение надежд на создание в истории подлинно христианской государственности. Причем напряженный интерес к апокалиптической тематике присутствовал не только на интеллигентских встречах в салоне Маргариты Морозовой или на «вторниках» у Бердяева в Малом Власьевском переулке, куда тоже ходил Сергей Фудель, но и в других московских кружках, более тяготеющих к традиционному Православию.

Среди них особенно следует упомянуть «Кружок ищущих христианского просвещения в духе Православной Христовой Церкви», основанный Михаилом Новоселовым — бывшим толстовцем, который затем стал православным церковным писателем и издателем популярной «Религиозно — философской библиотеки». Издававшиеся в этой серии книжки многим помогли найти «забытый путь опытного богопознания»^[113]. После революции кружок, который Флоренский называл «московской церковной дружбой», продолжал действовать нелегально. Новоселов несколько лет успешно скрывался от властей,

вел обширную переписку с друзьями. Этот светлый человек с темпераментом неутомимого борца «сам собою каждый день доказывал не книжное, а реальное существование Церкви Святых», — вспоминала о нем знавшая его в 20-е годы В. Д. Пришвина, жена известного писателя^[114]. Новоселов неоднократно подвергался арестам и был расстрелян в 1938-м, а в 2000 году причтен к лику святых Архиерейским Собором Русской Церкви. В предреволюционные годы на собрания кружка в квартире Новоселова приходили отец Павел Флоренский, Сергей Булгаков, Владимир Кожевников, Федор Самарин. Отец Иосиф Фудель бывал здесь намного чаще, чем в морозовском доме. Членами кружка были также Сергей Дурылин, Павел и Сергей Мансуровы, Николай Прейс, с которыми дружил Сережа Фудель. Он тоже не раз присутствовал на чтениях в квартире Новоселова на углу Обыденского переулка (совсем близко от Дурылина и неподалеку от арбатского дома) и вспоминал потом длинный стол для заседаний в просторной комнате, на стенах которой висели большие портреты трех великих мирян Русской Церкви XIX века: Достоевского, Хомякова и Соловьева^[115].

Приходил на новоселовские собрания и не слишком общительный Лев Тихомиров (1852–1923) — бывший революционер, в 1870-е годы видный деятель террористической партии «Земля и воля» (позднее — «Народная воля»); после нескольких лет жизни в эмиграции он вернулся в Россию убежденным монархистом и стал главным редактором проправительственной газеты «Московские ведомости». Сережа Фудель с детских лет нередко бывал в гостях у Тихомирова — друга и единомышленника отца Иосифа; жена Тихомирова Екатерина была крестной матерью Сергея. Мальчику запомнилась холодная, скучная пустота огромной и неуютной редакторской квартиры. «Лев Александрович<...>был человек, отрешенный от обыденной жизни и погруженный в жизнь мысли, — жизнь горячую и живую, но замкнутую в себе и часто не замечающую живых людей.<...>Впрочем, даже этот холодок в его доме я любил и люблю за какую-то его особенную тихомировскую неотмирность. Он воевал за то, что он понимал как христианскую государственность, и свою жизнь воспринимал как жизнь в окопах этой войны»^[116].

За десять лет до революции Тихомиров уже сознавал, что не дождется осуществления своих надежд. В это время он опубликовал

статью «Апокалиптическое учение о судьбах и конце мира», где развивал мысль, что семь церквей из первых глав Откровения представляют семь периодов развития Церкви, от ее основания до Второго пришествия Христова. Современная эпоха упадка веры («Сардийская церковь») сменится завершающей «Филадельфийской» эпохой торжества христианства.

Над той же темой Тихомиров работал и в последние годы жизни, проведенные в Сергиевом Посаде, близ Троицкой лавры. Здесь его навещал Сергей Фудель и слушал в авторском чтении новую «эсхатологическую фантазию» Тихомирова «В последние дни»^[117]. Многие детали повести (не чуждой, конечно, влиянию «Краткой повести об антихристе» из «Трех разговоров» Владимира Соловьева) живо напоминают приметы быта советской России, причем иные из них автор провидчески описал еще прежде реализации большевицких планов: площадь Христа Спасителя, переименованная в площадь Великого Устроителя, то есть антихриста; тайные аресты христиан, скрывающихся в убежищах; попытки тоталитарной антихристовой власти бороться с христианством не только полицейскими мерами, но и при помощи «переделки душевных настроений»; кресты на храмовых зданиях, замененные красной пятиконечной звездой. Все храмы конфискованы и обращены в театры, музеи, цирки или клубы; иконы сжигаются на кострах, священные сосуды и драгоценные ризы отданы на Монетный двор. Господствующую Универсальную лжецерковь, созданную на развалинах разгромленной Церкви Римской, ушедшие в подполье христиане называют «вавилонской блудницей». Во главе Филадельфийской Церкви, противостоящей этому творению антихриста, — два старца, папа Римский Петр и патриарх Василий. «Христиане мало — помалу стали сближаться и разделяться между собой не столько на основании обряда и формул догмата, как по своим духовно — религиозным настроениям». Своего рода лидером готовой к мученичеству христианской молодежи является главная героиня повести Лидия Лучицкая. «Это душа драгоценной силы. Она чуть было не поколебала моей решимости начать борьбу против Христа», — говорит влюбленный в нее в молодости Антиох — антихрист.

Десятилетия спустя Сергей Иосифович помнил не столько сюжет повести, сколько обстановку чтения: «Мы сидели в столовой,

угощением были какие-то не очень съедобные лепешки и суррогатный чай без сахара. Лев Александрович почему- то пил его с солью.<...>Горели две маленькие самодельные коптилки, освещая на столе больше всего рукопись. Апокалипсис был не только в повести про Лидию, но уже и в комнате»^[118].

Не один Тихомиров — все или почти все старшие друзья Сергея Фуделя в предреволюционные годы жили ожиданием явления духоносной «Филадельфийской Церкви» после окончания эпохи, ассоциировавшейся у многих христиан того времени с «Церковью Сардийской», о которой в Апокалипсисе сказано: «Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3, 1). Признаки мертвенности видели в порабощении Церкви казенной государственной опекой, в замене благолепной внешностью иссякающего духовного подвига, иначе говоря — в обмирщении церковной жизни.

Октябрьская революция настала вскоре после открытия в августе 1917 года Поместного Собора Православной Российской Церкви, — Собора, которого Церковь по вине государственной власти православной Российской империи не могла созвать более двух веков, со времен Петра I. Собор, над подготовкой которого в течение последних двенадцати лет напряженно трудились лучшие творческие силы Русской Церкви, стал великим событием, но решения его большей частью не удалось реализовать из-за беспрецедентных по остроте гонений на христианство, воздвигнутых в советской России. В Москве гремели пушки. На улицах лежали убитые. В эти страшные дни и был избран святой патриарх Тихон. На сессиях Собора, продолжавшего свою работу до осени 1918 года и закрытого преждевременно в результате натиска большевиков, обсуждались планы назревших реформ в церковном управлении и жизни приходов, в области проповеди, христианского просвещения и церковного богослужения. Как писал один из членов Собора, несмотря на острые споры относительно конкретных преобразований, «горячее желание послужить миру церковному, спасению родины, взаимное уважение ослабило остроту этого несогласия, открыло возможность не парламентским только большинством подчинять волю одних другим, а<...>приходить к единодушному решению»^[119].

«Церковному сердцу забрезжила заря первохристианства»^[120], — писал потом Сергей Фудель, молившийся в жаркой толпе народа на

всенощной в древнем кремлевском храме накануне открытия Собора. В эту теплую московскую ночь уже так явственно ощущалось, что начинается новая и, как думалось, может быть, последняя, столь похожая на первую эпоха церковной истории, в которой откроется долгожданное торжество «филадельфийства». Удушающая зависимость Церкви от государства осталась позади. Начавшиеся преследования верующих воспринимались как приход весны, возрождающей атмосферу первоначального христианства. Вопреки страху перед гонениями и несмотря на крайнюю материальную скудость, доходившую до нестерпимого голода^[121], чающие духовного обновления ощущали неведомую прежде легкость и «вдыхали полной грудью великую церковную свободу»^[122]. Среди великой темноты «освещенный своими огнями плавал свободный корабль Церкви»^[123].

«Что-то в истории Церкви возвращалось к первоисточной чистоте и простоте, освобождаясь от вековых пут, от тяжелых риз обмирщения, внешности и лицемерия. С “Троицы” Рублева сняли тогда годуновскую ризу. Сердце человеческое вновь обретало счастье своей забытой “первой любви”. Над Церковью восходила заря жертвенности. Было тогда нам, молодым, и страшно и радостно»^[124].

От первоначальных как бы случайных арестов и расстрелов духовенства коммунистические власти в 1922 году переходят к осуществлению тщательно продуманного плана уничтожения веры в России. Одним из его этапов было внесение разделений в Православную Церковь. Для этого было использовано открывшееся еще в 1917 году явление так называемого «церковного большевизма», то есть бунта низших клириков против архиереев под революционными лозунгами. Фудель объяснял эти действия неверием в Церковь и вспоминал слышанные им в революционное лето слова Сергея Булгакова о мрачной стихии «черной соборности». Дискуссии о создании реформаторской «советской» Церкви, как показывают опубликованные теперь документы, активно велись уже в 1920 году среди видных партийных вождей (в них участвовали, в частности, Ленин, Луначарский, Дзержинский, Лацис и многие другие функционеры компартии и ВЧК). При деятельной поддержке новой власти на пятом году революции формируются так называемые «Союз общин древле — апостольской церкви» и «Живая церковь». Их лидеры, священники Александр Введенский и Владимир Красницкий,

становятся главными идеологами «обновленчества», в котором радикальный разрыв с канонической традицией Церкви совмещается с бесстыдным воспеванием «социальных завоеваний» Октябрьской революции.

«Обновленцам», в отличие от представителей Патриаршей Церкви, предоставляется возможность публично высказывать свои взгляды. При этом партийные вожди руководствуются предложением Л. Д. Троцкого в его записке для Политбюро (март 1922 года): «Нет более бешеного ругателя, как оппозиционный поп. Уже сейчас некоторые из них в наших газетах обличают епископов<...>Попутно расправимся вечекистскими способами с контрреволюционными попами»^[125]. Интересно, что Троцкий в той же записке не скрывал последующих планов уничтожения временных союзников из числа «живоцерковного» духовенства, — но лишь после того, как их руками и при помощи их осведомительской деятельности будет уничтожена «тихоновская» церковная организация. В апреле шифротелеграммой за подписью Сталина на места отправляется специальная директива Центрального комитета партии партийному и советскому руководству: «Надо всемерно подталкивать лояльных попов на лозунг нового поместного собора для смещения контрреволюционного патриарха и его клики»; однако необходимо, чтобы внешне инициатива исходила «от демократических попов и верующих мирян»^[126]. Вскоре группа вошедших в тайное соглашение с ВЧК священников обманным путем захватила канцелярию находившегося под домашним арестом Патриарха Тихона. В мае 1922 года было образовано всецело подконтрольное властям «обновленческое» «высшее церковное управление». Раскол в Церкви стал свершившимся фактом.

Власть всеми доступными средствами — чаще всего посредством арестов и ссылок несогласных — стремится побудить большинство епископов и священников признать власть «высшего церковного управления». Затем последовал санкционированный властями и созданный из тщательно отобранных кандидатов (в недрах ГПУ работала специальная комиссия по подготовке!) «собор» «обновленцев» в апреле — мае 1923 года, который, по заранее разработанному плану, «лишил сана и монашества» святого патриарха Тихона. Незадолго до того находившегося под домашним арестом патриарха переводят в камеру внутренней тюрьмы ГПУ на Лубянке,

откуда на некоторое время вновь перевозят в Донской монастырь лишь с тем, чтобы делегация «обновленцев» сообщила ему о решении своего собора; полным ходом идет подготовка «показательного» судебного процесса над предстоятелем Русской Церкви. И только благодаря колоссальному международному давлению заинтересованная в дипломатическом признании и развитии торговых отношений советская власть принимает решение отложить суд «на неопределенный срок».

После освобождения патриарха в конце июня 1923 года становится очевидным, что надежды Троцкого остались во многом тщетными: несмотря на все усилия чекистов, православный народ в подавляющем большинстве остается верным своей Церкви и своему Первосвятителю; немногие «староцерковные» храмы переполнены молящимися, а в многочисленных «обновленческих» — гулкая пустота.

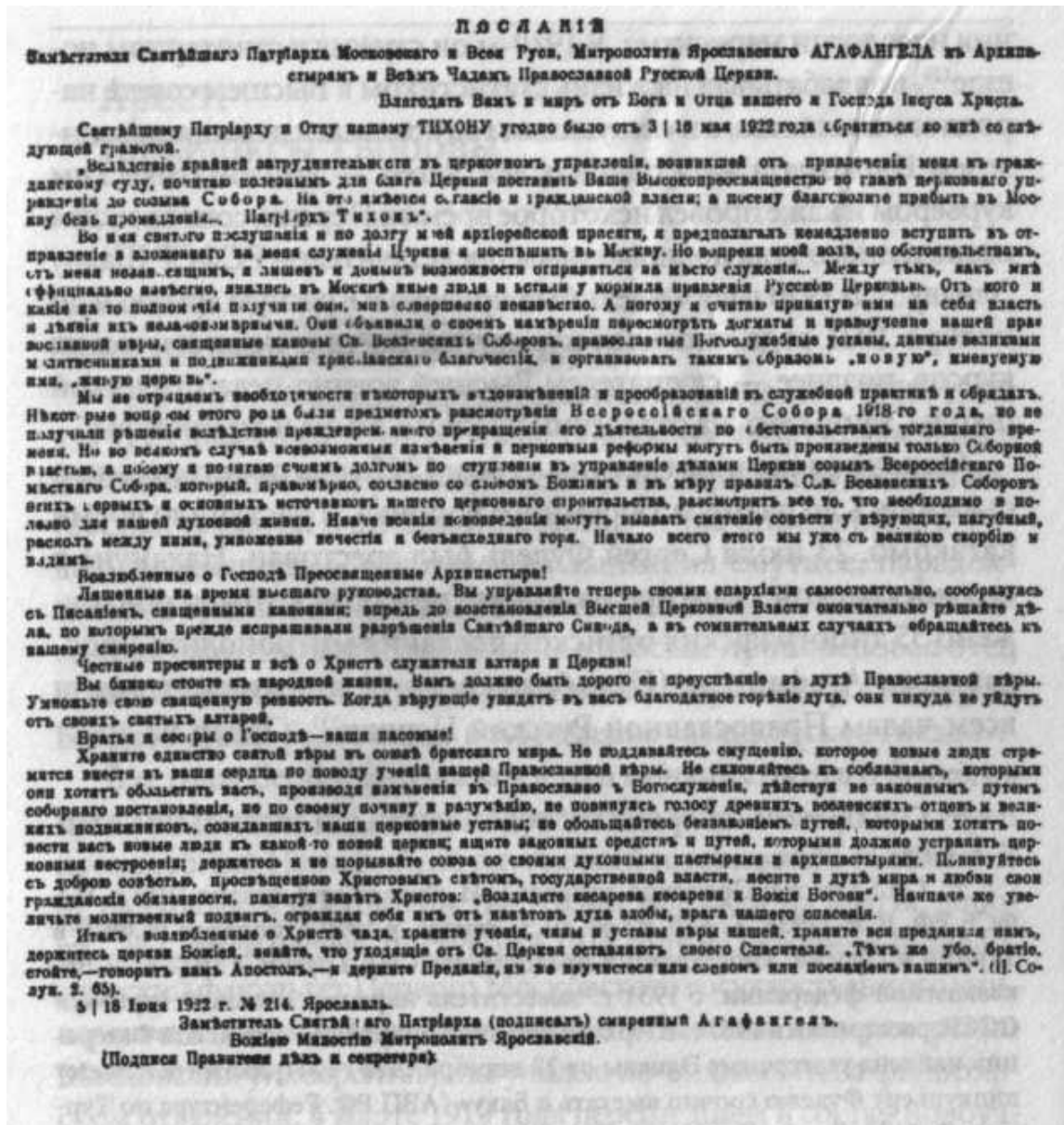
Тем не менее противостояние «обновленчеству» и стоящей за его спиной машине государственного террора во многом определяет церковную жизнь в России на долгие годы. В этой борьбе принимает участие и Сергей Фудель вместе с друзьями и (большей частью старшими) современниками. Все они разглядели в соблазне красного «живоцерковничества», переносящего в Церковь идеи и методы революции, апокалиптическую «церковь — блудницу».

Арест. Парадоксы свободы

Тем, кто не пережил этот исторический момент — 1917, 1918, 1919, 1920-й годы, трудно представить, из чего складывалась жизнь тогдашней церковной молодежи. Время скудости и богатства, темноты и духовного счастья — так определит его Фудель впоследствии. Он навсегда запомнил смутное, парадоксальное время в судьбе России начала 20-х годов, когда у самого края уже открывшейся бездны в Москве проповедовал отец Павел Флоренский, в университете читал философские курсы Бердяев и еще было живо в Абрамцеве «аксаковское гнездо».

В те годы Сергей задумывался то о монашестве, то о браке; на путь священства его благословлял последний оптинский старец преподобный Нектарий, но внутренней готовности в тот момент не оказалось, а обстоятельства жизни увлекали на другие дороги...^[127] Сергей Фудель поступил в 1918 году на историко — филологический факультет Первого Московского государственного университета (так в это время именовался бывший императорский Московский университет), где учился, по — видимому, на философском отделении, в марте 1919 года перешедшем в состав новоучрежденного факультета общественных наук. В 1920-м, закончив лишь один полный год обучения, Фудель оставил университет — возможно, вследствие усиливающегося там в это время насаждения идеологии марксизма. В 1919-м он служил в санитарном поезде^[128], подрабатывал на жизнь статистиком в Высшем совете народного хозяйства, а в следующем году оказался делопроизводителем Наркомата иностранных дел, затем — дипломатическим курьером и даже провел некоторое время в Персии, сопровождая назначенного туда полномочным представителем РСФСР Шалву Элиаву^[129]. В 1920 году Фудель был призван в Красную армию и до ноября 1921 года числился курсантом Военно — педагогических курсов, позднее — слушателем Высшей военно — педагогической школы, занимаясь на отделении русского языка и литературы.

Однако солнечным летним утром 1922 года просторы мира съезжились до размера тюремной воронки, и наступило время катакомб. 23 июля Сергей Фудель был арестован. Накануне в его московской квартире на Арбате при обыске было обнаружено 35 типографских оттисков послания митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) к архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви^[130].

Послание митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского) к архипастырям и всем чадам Православной Русской Церкви. 18 июня 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-4606

Ордер на арест С. Фуделя был выписан 21 июля, а после обнаружения экземпляров «нелегального воззвания Агафангела», уличающих юношу в «причастности его к антисоветской деятельности высших церковных иерархов»^[131], последовало совершенно секретное поручение: «Задержать и доставить в Г. П. У. Лубянка гр — на Фудель Сергея, где бы таковой ни оказался»^[132].

«Было шесть часов утра в середине июля, когда я вышел из дома, стоявшего в старом парке под Москвой, чтобы ехать к себе на Арбат. Цвели липы, и воздух был полон покоем и чистотой Божьего утра. Я уже с вечера знал, что в Москве у меня на квартире “засада”, что мой арест за выступление против живоцерковников неизбежен»^[133]. У стены старинной усадьбы Солнышково, принадлежавшей до революции семье его невесты^[134], он увидел человека в черной гимнастерке с наганом в руке, и даже не сразу смог связать события — настолько вопиюще не соответствовало происходящему тихое летнее утро. «Сердце заныло от боли по уходящей свободе. Из-за угла вышла вторая фигура, тоже с наганом, и меня вполне драматически повели на вокзал»^[135].

Арестованного отвезли в Москву, во внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке, где еще сохранялось «древнее простодушие»: взятый при выходе из дому кожаный портфель — в котором, вопреки буквальному смыслу предостережения Гаврюши, оказались как маленькое Евангелие на церковнославянском языке, так и книги по русской филологии, — не был отобран. С этим крамольным багажом Фуделя ввели в «предварилку» — камеру предварительного заключения. «“Предварилка” — это нечто вроде проходной комнаты. Люди приходили и уходили, редкие оставались дольше двух дней, никто не успевал ни с кем сблизиться, все были растеряны, старались говорить о посторонних вещах и как можно больше спать, подложив под голову кепку, — сон был единственным способом бегства от действительности»^[136]. Тем не менее арестованный запомнил и какого-то поэта с длинными ногтями, которые мешали есть ложкой тюремную баланду, и взятого врасплох, прямо с дороги, русского посла в Китае князя Н. А. Кудашева, и знакомого по Толгскому монастырю митрополита Агафангела — автора того самого послания, за которое Фудель и оказался на Лубянке. Однако все арестанты

чувствовали себя пока почти спокойно — ведь считалось, что период террора окончился, и ВЧК была недавно переименована в ГПУ.

Времена действительно были по — домашнему стародавние: можно было упротить у дежурного гпэушника разрешения выйти из своей камеры и зайти в соседнюю, где сидел отец Владимир Богданов (1865–1931), только что арестованный священник церкви Преподобного Серафима на Сивцевом Вражке, со Святыми Дарами. «Это был человек, точно сбросивший какое-то бремя и нашедший наконец свое истинное место»^[137]. В камере, при полном попустительстве дежурного, стоявшего на дверях, совершалось таинство причастия... Причастившийся Святых Таин арестант мог спокойно вернуться в свою камеру. Вскоре, однако, Фуделя перевели — наступал черед настоящей внутренней тюрьмы. Но опять-таки при обыске ему оставили и книги, и Евангелие. И хотя прогулок не полагалось, книг не давали,

ОТДЕЛ Секретный

Гор. Москва,

24 / VI

1922г.

4

ПРОТОКОЛ

допроса, произведенного во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии
по борьбе с контр.-рев., сабот. и спек. _____

по делу за № _____

Я, нижеподписав _____ допрошен _____ в качестве Обвиняемого показываю:

1. Фамилия Фурцев

2. Имя, отчество Сергей Степанович

3. Возраст 21 год

4. Происхождение сын сына с. ессентуки

5. Местожительство Москва. Арбат 48 кв. 2

6. Род занятий Учащий в Высшем педагогическом институте

7. Семейное положение св.

8. Имущественное положение своего дома

1922
21
1901

Протокол допроса С. И. Фуделя от 24 июля 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-46067. Л. 76

9. Партийность Безпартийный

10. Политические убеждения Крестьянский.

11. Образование: { общее окончил 7 кл. школы
специальное нет

12. Чем занимался и где служил:

а) до войны 1914 года Учился в Баловской школе

б) до февральской революции 1917 года там же.

в) до октябрьской революции 1917 года там же.

г) с октябрьской революции до ареста 1 1919 г. служил в 1-м
полку, в В. Кавказской дивизии. Ротный в. Керемет. в
Хасанской Роты - командир роты. 1920 г.
с 1920 г. служил в 1-м Кавказском Кавказском
полку. Там же.

13. Сведения о прежней судимости

Не судим.

Протокол допроса С. И. Фуделя от 24 июля 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-46067. Л. 76 об.

UNCLASSIFIED

... в Копенгаге
... Мюнхене.

Во. С. Харуш, мит
интересно захранува
А. Харуш, мит

the evidence

хлеб. Это есть
с Прозвучанием.
словами. И сама
словами. Словами
словами.

предназнач. о сущности
охраны водных ресурсов
и о состоянии
природы орудий /

нога на м
мне Юсупов
сказал.

группа

egy

но можно было целый день лежать на своей койке и, уткнувшись носом в стенку, читать свое и быть наедине с собой.

Особенно часто читал он шестую главу Евангелия от Марка — о том, как Христос призвал учеников, дал им власть над нечистыми духами и заповедал ничего не брать в дорогу, кроме одного пояса, — «ни сумы, ни хлеба, ни меди в поясе». Через ткань этих слов ему все яснее чувствовалось, что при любви ко Христу нельзя служить двум господам, что душа должна сделать выбор. «И таким простым тогда казался мне этот выбор! Душа так легко уже шла по дорогам и проселкам Галилейским, ища даже не учения, а только зримый образ Учителя и Бога»^[138]. Свое душевное состояние арестант внутренней политической тюрьмы на Лубянке называл кризисом и выздоровлением после долгой и тяжелой болезни молодости. «Мне был тогда только 21 год, но мне<...>было до очевидности ясно, что происшедшая катастрофа — это Божие возмездие. Я понимал, что когда верующий человек отказывается от подвига своей веры, от какого-то узкого пути и страдания внутреннего, то Бог — если Он еще благоволит его спасти — посылает ему страдание явное: болезни, лишения, скорби, чтобы хоть этим путем он принес “плод жизни вечной”»^[139]. Тюремный крест Фудель воспринял и как закон христианского пути, и как выход из духовного тупика. «Я понимал, что к прежней жизни я просто не смею вернуться, выйдя отсюда, и мне казалось, что мне легко это будет сделать. Дверь камеры была заперта, но во мне внутри ощутимо открылась тогда какая-то дверь, и я выходил через нее на большую и радостную дорогу»^[140].

Через два месяца после ареста, во второй половине сентября, Фуделя перевели в Бутырки — тогда еще просторные и тоже совсем патриархальные. В центре четвероугольника тюремных корпусов стояла, хоть и закрытая, та самая милая сердцу арестанта церковь, где в течение пятнадцати лет служил тюремным священником его отец — Иосиф Фудель, где был крещен сам арестант и где маленьким ребенком стоял он свою первую пасхальную заутреню. Из тюремного коридора, куда, вместе с другими заключенными, его водили на прогулку, он мог видеть верхушку дома, где прошло его детство.

Там, в родных с младенчества стенах Мертвого дома, С. И. Фудель понял самое главное: тюрьма — это хоть и принудительная, но все же

школа общения с людьми. Здесь, конечно, можно было потерять голову и совсем пропасть, но можно было и постичь невероятную сторону любви к человеку, научиться дорожить хоть самой малой бесхитростной приязнью к товарищу по несчастью. Малейшее проявление любви со стороны случайного соседа ощущалось здесь как прикосновение к току и убеждало лучше любых слов.

Первые Бутырки запомнились дорогими сердцу подробностями. Из двух окон камеры, еще не закрытых щитами, можно было видеть кусочек улицы с проезжавшими извозчиками. Сокамерники весело и шумно уходили на долгую, двадцатиминутную прогулку, а в опустевшей камере отец Владимир Богданов ставил на тюремный стол чашу для причастия. «Я стоял рядом и читал благодарственные молитвы. Вот где источник осеннего солнца, светящего в окна»^[141]. В камере, кроме длинного общего стола, стоял маленький столик в простенке между окнами, служивший престолом для совершения литургии. Здесь были антиминс и жестяные сосуды, несколько маленьких икон, свечи, настоящее кадило и ладан. «Забота о кадиле лежала на мне, и вот, пристроившись к коридорным дежурным по раздаче утренней или вечерней еды, я спускаюсь с ними и с кадилом в тюремную кухню, и кто-нибудь из поваров, с особым каждый раз удовольствием на лице, вытаскивает мне из громадной печи самые отменные угли»^[142].

Имелось и холщовое священническое облачение. Почти каждый день были службы, — в камере всегда находилось по несколько священников и архиереев. На служение пускались гости из других камер — и почти все пели: под каменными сводами старой тюрьмы церковное пение было слышно далеко.

Несомненно, в тюремном застенке богослужение не было привычной данью обряду. Было единство устремления людей к Богу, и было двое священников, у кого это устремление ощущалось особенно ярко. Сергей Фудель вспоминал отца Валентина Свенцицкого, в ком чувствовалась мощь духовного борца, находящегося в смертельной схватке. «Он был именно устремлен ко Христу: наверное, и он увидел Его где-то, может быть тоже на пути, и эта устремленность устремляла других»^[143]. Дань памяти отдал Фудель и другому батюшке из первых своих Бутырок — отцу Василию Перебаскину, простому вятскому

попу, говорившему просто, грубо, но безошибочно попадая собеседнику в душу.

По вечерам служили всенощную. «Камера освещена пыльной лампочкой; кругом постели, обувь, чайники, “параша”, тяжелый воздух ночлежки — все здесь непохоже на привычное в долгих веках благолепие храма, где и стены помогают молиться. Здесь надо ничего не видеть, кроме маленького столика в простенке с горящей на нем свечой»^[144]. Как благодарен был С. И. Фудель тихому вятскому авве — за его красивый мягкий тенор, за поющее счастливое лицо, за спокойные ласковые глаза, за то, что и в темной пыльной камере он учил своих сотоварищей идти по узкому Христову пути.

В Бутырках Сергей Фудель пробыл до ноября 1922 года. Утром, просыпаясь на рассвете и видя одну и ту же пыльную лампочку, которая, согласно тюремным правилам, горела всю ночь, он наблюдал, как поднимаются со своих постелей два священника, отец Валентин и отец Василий. «Вдруг стену внутреннего холода пробивает, как луч, теплая победоносная мысль: да ведь сегодня будут служить литургию! Сегодня там, на маленьком столике у окна, опять загорится огонь, и через все стены и холод опять поднимется за всех людей, за всю страдающую землю жестяная тюремная чаша»^[145].

Ни на одном из трех допросов Сергей Фудель так и не дал «признательных показаний». На вопрос о политических убеждениях отвечал: «Православный»^[146]. По поводу обнаружения в квартире экземпляров послания митрополита Агафангела — «сказать ничего не могу». В организациях политического характера — «не состоял и не состою». Кто принес «воззвания» — «не знаю»^[147]. Лицо, предупредившее об аресте, — «называть отказываюсь»^[148]. Попытку арестованной на Лубянке после допроса 12 августа 1922 года сестры Марии^[149] взять на себя ответственность за появление посланий в арбатской квартире^[150] Сергей решительно отвергает, как на собственном допросе, так и на очной ставке с сестрою^[151]: «Показания, данные моей сестрой по этому поводу, считаю неправильными, так как послания вряд ли ей кто-либо мог передать ввиду ее малоизвестности в религиозном мире»^[152]. На допросе «Фудель отказался указать ту нелегальную типографию, где эти воззвания печатались»^[153]. Заявленное по итогам предварительного

следствия дело о «контрреволюционной» организации, противодействующей в контрреволюционных] целях нормальной деятельности РСФСР»^[154] явно не клеилось, а «лепить» такие дела из воздуха

ОТДЕЛ _____

Гор. Москва, 12 августа 1922 г.

ПРОТОКОЛ № _____

допроса, произведенного во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контр.-рев., сабот. и спек.

по делу за № _____

Я, нижеподписавшийся, допрошен с в качестве адвоката, показываю:

1. Фамилия Фудель

2. Имя, отчество Мария

3. Возраст 44 года

4. Происхождение дочь священника, урож. гор. Москва

5. Место жительства Арбат 47 кв. 2

6. Род занятий машинистка Сельского союза

7. Семейное положение девница

8. Имущественное положение ничего не имеет

1922
30
1832

Протокол допроса М. И. Фудель от 12 августа 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46066. П. 7[а]

9. Партийность Безпартийный

10. Политические убеждения Никаких

11. Образование: { общее Среднее (кончил школу)
специальное

12. Чем занимался и где служил:

а) до войны 1914 года
занимался в гор-башне
Туркской губ.

б) до февральской революции 1917 года
заним. хозяйством

в) до октябрьской революции 1917 года
тоже

г) с октябрьской революции до ареста
служил в качестве командира
в РКК. в Сельско-хозяйств. отд.

13. Сведения о прежней судимости не судим

Протокол допроса М. И. Фудель от 12 августа 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46066. Л. 7[6]

Показания по существу

Центральная
архивная
карточка № 105/100

Обнаруженные при этом в архиве
ваши митрополита Афанасия
принадлежат мне. Получил их
за 2 недели до моего приезда
от" акти. Старушка Богомолова
по имени, Дарованка? Да, да, да
мне их на хранение ввиду ее
отъезда во Владимир. гуд. В книге
то монастырь, фамилии ни оди
са указанной старушки не было
а равно: у меня нет с ней
других знакомых. Показанные воз
вратил я ей адресом краткий до
вод приезд, а сама она вер
нулась в Москву. Известно по
стали. Своего адреса, старушка, мне
не оставила, а я только при следующей
встрече мы бы условились как ей
вернуть эти послания. Передача
она мне послания при ^{судебном} ~~судебном~~
на Николаевской улице, там мне
показали ничего не знаю. Простите
прямой мне и записи гра
фическо.

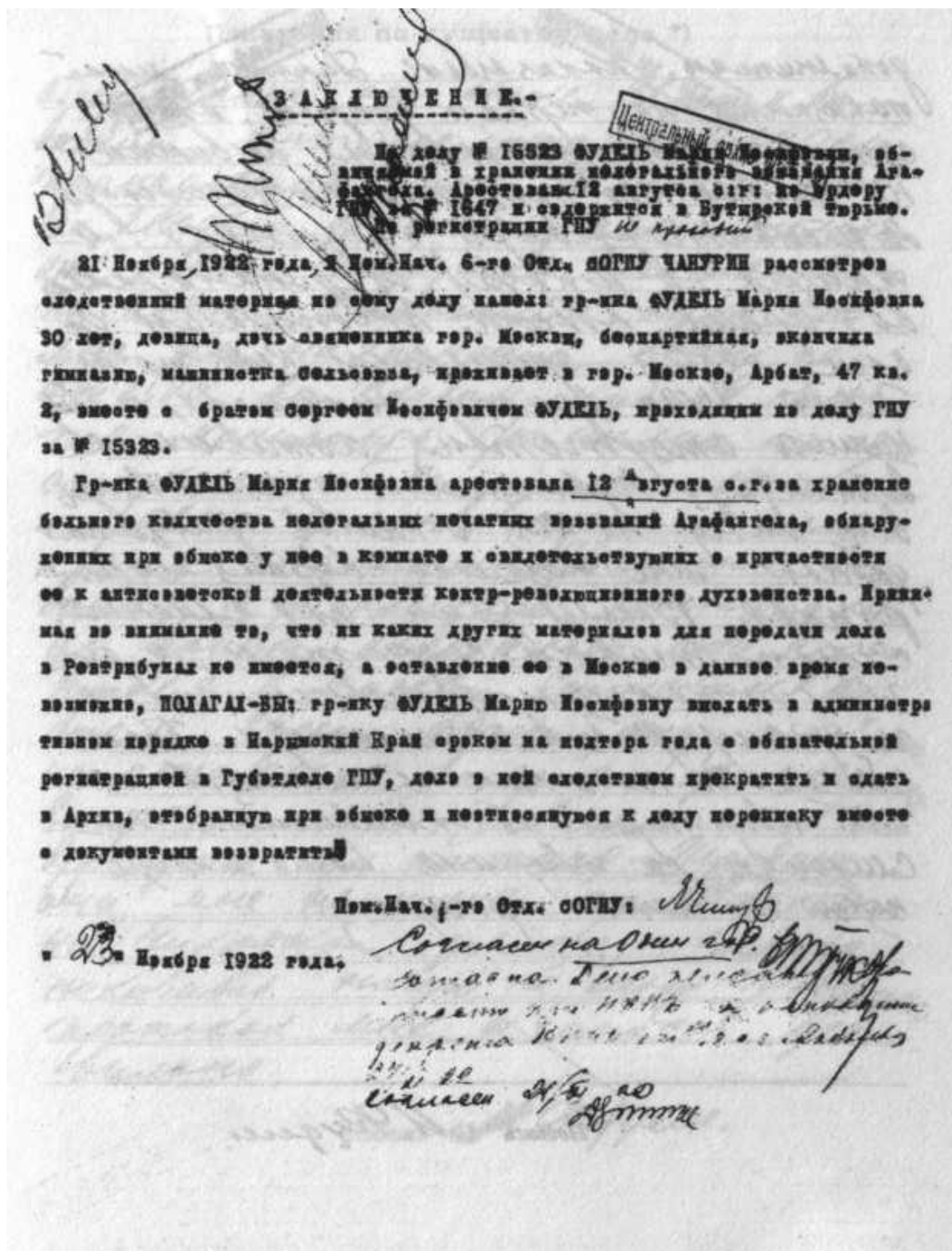
Подпись Кудеев.

дополнительно показывал: Санитарный указ
показаний на первом допросе, отнюдь
существенно характеризующий возбудивший
не соответствующий действительности.
В действительности, отчаявшись, я
попытался в швейцарии, я узнала раньше
во Франции агента. Предполагая что
они были принесены кем то из
наших друзей братья знакомых, и были
нашего отсутствием агента.
В швейцарии, первоначально и решила взять
всю книгу на себя и самой правдопо-
добной мне казалась версия состав-
ленная. Владелец под влиянием
личной ставки с братом, я ре-
шил и показания изменить в
сторону действительности. После
этого я ни с кем не встречал на-
шей квартиры об оказавшихся по-
сле этого на свободе, больше никаких
наших не имел прочее.

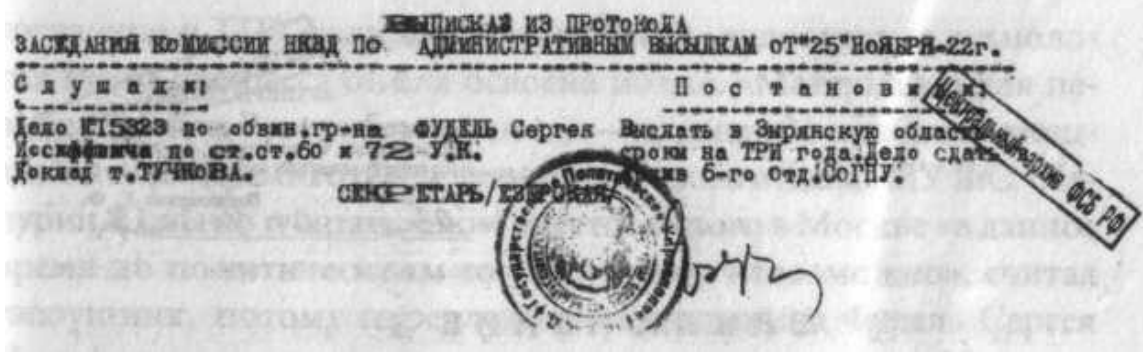
Подпись

М. И. Фудель.

Протокол допроса М. И. Фудель от 12 августа 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46066. Л. 7[2]

Заклучение по делу М. И. Фудель. 23 ноября 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46066. Л. 18

Выписка из протокола заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 25 ноября 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. М. 23

Выписка из протокола заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 25 ноября 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46066. М. 17

Выписка из протокола заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 9 декабря 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46066. 71. 23

Помощник Генерального прокурора
Российской Федерации
старший советник юстиции

Вешковская Г. Ф.

03. 04 1997 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Фудель Марии Косировны
по материалам уголовного дела арх. № Н-1781
Фамилия, имя, отчество Фудель М. И.
Год рождения 1892.
Место рождения г. Москва
Место жительства до ареста г. Москва, Арбат, 47 кв. 8
Место работы и должность до ареста машинистка Сельсоюза

(Дата ареста, каким органом осужден (репрессирован), за что и на каких статьях УК, предъявленное обвинение (инкримпированные действия), последующие изменения состоявшегося решения по делу и мера наказания)
арестована 12.08.22 Комиссией НКВД по административным
делам, 25.11.22 по ст.ст. 60 и 72 УК РСФСР (п.д. 1922.)
наслана в Хиву на 1,5 года. Во исполнение прежнего решения
Тел. из органов, 09.12.22 наслана в Заирянский край.
Обвинялась в краже и незаконном возмездии заграница.
Виновная себя признала. Однако других доказательств,
таких как и самого возмездия, в деле не имеется.

На Фудель Марию Косировну
Фамилия, имя, отчество

распространяется действие ст. 3, ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

Данные о реабилитированном и его родственниках роковым образом

в реабилитированной и ее родственниках не имеется.

Справка о реабилитации приобщена к делу

Прокурор отдела Игуданов

А. И. Виханов

Заключение по делу М. И. Фудель. 3 апреля 1997 г. ЦА ФСБ РФ

тогда еще в ГПУ толком не научились, чудовищная технология этого процесса была освоена позже. «Материалов для передачи дела в Ревтрибунал нет», — признал 21 ноября помощник начальника 6-го отделения секретного отдела ГПУ Я. С. Чапурин. Однако и оставление арестованного в Москве «в данное время по политическим соображениям невозможно», считал гэдэушник, потому предложил: «Гражданина Фудель Сергея Иосифовича выслать в административном порядке в Нарымский край сроком на полтора года» под надзор местного отделения ГПУ. С этим предложением согласился начальник Чапурина, тогдашний вершитель церковных дел и секретарь антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) Е. А. Тучков^[155]. Такой же срок высылки в Нарым был рекомендован комиссией и для Марии Фудель^[156]. 25 ноября комиссия НКВД по административным высылкам постановила С. И. Фуделя «выслать в Зырянскую область сроком на три года»^[157]. Нарымский край сменили на Зырянский, возможно, в связи с тем, что в тот же день к ссылке в Нарым приговорили митрополита Агафангела, автора того саМога «крамольного» послания. А вот предложенный Тучковым при его докладе срок увеличили вдвое. Марию Фудель в тот же день приговорили к высылке в Хиву сроком на полтора года^[158].

Евгения Сергеевна Фудель обратилась к Е. П. Пешковой в организацию «Помощь политическим заключенным» (ранее — «Политический Красный Крест») с просьбой ходатайствовать о том, чтобы высылка ее детей состоялась «не в порядке этапа, а на собственные средства», иначе она не сможет с ними даже проститься, а также о том, чтобы им предоставили возможность жить вместе и в более мягком климате, поскольку Сергей «страдает уже 2 года туберкулезом, и неподходящие климатические условия грозят ему смертельной опасностью»^[159]. Просьба не осталась без последствий. Комиссия по высылкам, заслушав «ходатайство гр. Фудель о высылке ее в одно место с гр. Фудель», постановила: во изменение прежнего решения «выслать обоих в Зырянский край»^[160]. Е. А. Тучков даже распорядился предоставить высланным свидание с больной матерью, для чего конвоиры должны были на час доставить Сергея и Марию в арбатскую квартиру, после чего вновь отвести их в Таганскую и Новинскую тюрьмы соответственно. Однако выяснилось, что Сергей

уже неделю назад, 7 декабря отправлен в Зырянскую область с вологодским конвоем, а Мария находится в больнице при женской тюрьме в Новинском переулке и «по состоянию здоровья идти не может»^[161].

Сергей Фудель в это время был уже на дороге в Вятку. Узкий Христов путь, после Лубянки, Бутырок и Таганки, предстояло познать на этапных дорогах, в маленьких и больших камерах необъятного тюремно — лагерного Мертвого дома. Террор не закончился, как по наивности думали свежие арестанты внутренней Лубянской тюрьмы. Он только начинался.

Время испытаний. Тюрьмы и ССЫЛКИ

Кто бы еще мог назвать «выздоровлением после долгой и тяжелой болезни молодости» многолетнее испытание Мертвым домом — аресты, тюрьмы, допросы, духоту и грязь камеры, этапные путешествия среди уголовников в товарном вагоне, ссылки и лесозаготовки?

«Выздоровление» С. И. Фуделя длилось без малого тридцать лет, с короткими перерывами. Первый этап был самым тяжелым испытанием для начинающего зэка. Рождество застало его в маленькой, затхлой, полной клопов камере вятской тюрьмы. С ним вместе — отборнейший состав заключенных: митрополит Казанский Кирилл (Смирнов), архиепископ Астраханский Фаддей (Успенский), секретарь патриарха Тихона архимандрит Неофит (Осипов)^[162], а еще — эсер да врангелевский офицер. У каждого арестанта этой блестящей компании была своя собственная история ареста, но объединила их общая участь.

Высокий, величественный, необыкновенно красивый владыка Кирилл, который в завещании патриарха Тихона был назван первым из возможных местоблюстителей патриаршего престола, был арестован еще в 1920-м и расстрелян в 1937-м; семнадцать лет он нес свое величие и светлость по тюрьмам и этапам России и был за эти годы на свободе всего несколько месяцев. «Это был Илья Муромец, принявший под старость священство»; в присутствии такого митрополита предаваться унынию даже и в клопиной камере было совершенно невозможно. «Теперь мы совсем по — иному должны сознать свои задачи. Довольно мы ездили в каретах и ничего не знали»^[163], — вспоминал Фудель слова преследуемого и гонимого владыки.

Архиепископ Фаддей, арестованный в 1921-м, в течение следующих шестнадцати лет арестовывался и ссылался множество раз и в 1937-м тоже был расстрелян. Архимандрит Неофит в том же 1937-м скончался в лагере. Эсер оказался прекрасным церковным певчим,

врангелевский офицер успел побывать в Константинополе и освоить ремесло сапожника. Рождественская всенощная была отслужена в клопной камере походным образом, без облачений; все шестеро стояли перед голой стеной, но праздничный канон звучал мощно и убедительно. «Сидеть там было хорошо ...»^[164] Настолько «хорошо» после мучительных трудностей этапа, что Фудель даже обращается в местное отделение ГПУ с просьбой ввиду подорванного здоровья оставить его в вятской тюрьме до открытия навигации, чтобы путь до места назначения оказался более легким. Кроме замечательного общества, собравшегося в нашпигованной клопами камере, к такой просьбе располагала и надежда дожидаться в Вятке прибытия из Москвы замедлившей в связи с болезнью сестры Марии. «Красный игумен» Тучков и на сей раз дает разрешение: «церковное» 6-е отделение секретного отдела ОГПУ позволило оставить ссыльного до открытия навигации «в Вятском Губисправдоме», после чего все же «немедленно выслать в Зырянский край»^[165].

Однако еще до получения этого ответа шестерых заключенных перевели в тюрьму при управлении ГПУ, в громадный сарай позади особняков на центральной улице Вятки, где они оказались в большой компании эсеров и эсдеков. «Совершать службу стало уже как-то затруднительно: кругом были, так сказать, не Мити Карамазовы и даже не Смердяковы, а просвещенные потомки Чернышевского, вежливо, но чуть презрительно поглядывавшие на попов и совершенно не понимающие, почему они, собственно, оказались вместе под тюремной крышей»^[166]. Держаться за неудобное сидение в вятском сарае не было уже никакого смысла; вскоре, однако, оно и закончилось: всех сидельцев вызвали на этап, построили и повели на вокзал. И тут Фудель вынужден был признать, что недооценил «потомков Чернышевского»: все как один эсеры сдержанно и тихо, но стройно запели: «Динь — бом, динь — бом. Слышен звон кандалный. Динь — бом, динь — бом. Путь сибирский дальний...» Их всех посадили в один вагон, но дороги расходились: эсеров везли в Котлас, а «церковников» высадили на станции Мураши, откуда еще 300 километров санного пути до пункта назначения — Усть — Сысольска.

Тихая станция Мураши показалась церковным ссыльным новообретенной свободой: не было больше ни тюремной камеры, ни гэпэушников — сторожей. Тишина, снег, лес, глушь, дым из труб,

великий избыток радости. На станции Фуделя ждал сюрприз — знакомая, духовная дочь отца Владимира Богданова, прибывшая за ним в ссылку, передала от невесты из Москвы образок Божией Матери «Отрада и Утешение». Невеста, Вера Максимовна Сытина, не оставляла заботами своего жениха и в Бутырках — писала длинные письма, посылала книги, продуктовые передачи. Старшая дочь Фуделя, Мария Сергеевна Желновакова, вспоминала впоследствии, что ее отец, арестованный впервые и еще не женатый, сумел передать о себе весточку на волю. Его невеста Вера, которую это известие застало в Оптиной пустыни, спешно вернулась в Москву и спросила у своей матери — как быть дальше. И та ответила: он был тебе хорош, когда все было в порядке, что же изменилось теперь?^[167]

Путешествие до Усть — Сысольска (нынешний Сыктывкар) было неспешным, с частыми остановками для обогрева — стояли январские морозы, и ссыльные путешественники замерзали в санях. «Мы были, наверное, одной из первых партий массовой ссылки и уже несомненно первой церковной, потому на всех остановках и ночлегах к нам в избу сходилась удивленный народ»^[168]. Жители Зырянского края, тогда еще совсем глухого, патриархального (по избам пряжи пряли при березовой лучине), не могли надивиться прелюбопытным фигурам архиереев. Уж не «за золото» ли сослали величественных старцев?^[169] Другие причины не приходили в голову никому из обитателей здешних мест. Явление ссыльных архиереев было неслыханным и для местного начальства. Даже начальник Усть — Сысольского ГПУ считал своим долгом, приосанившись, по — военному четко представиться владыке Кириллу. «О, русская земля!» — не единожды воскликнет С. И. Фудель на страницах своих «Воспоминаний». Многие в этой первой ссылке казалось романтическим путешествием, — церковные ссыльные в то время еще могли чувствовать себя вольными путешественниками XIX века, следующими по каким-то своим личным делам. В мае с первыми весенними пароходами по Вычегде прибыли в зырянскую ссылку епископ Ковровский Афанасий (Сахаров), епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), епископ Петергофский Николай (Ярушевич), епископ Звенигородский Николай (Добронравов), епископ Староуфимский Аввакум (Боровков). В тогдашнее «усть — сысольское братство», воспоминаниями о котором святитель Афанасий умилялся и много лет спустя^[170], входили также

епископ Кинешемский Василий (Преображенский), епископ Каневский Василий (Богдашевский), епископ Барнаульский Владимир (Юденич), епископ Вязниковский Корнилий (Соболев), епископ Новоторжский Феофил (Богоявленский), епископ Коломенский Феодосий (Ганецкий), епископ Белоцерковский Димитрий (Вербицкий). Находясь в полном одиночестве в своей ссылке в Тюменской области, епископ Вязниковский Герман (Ряшенцев), друживший с семьей Фуделей, писал близким ему людям: «У меня из области Зырянской очень хороший корреспондент, из места, где Маруся Фудель. Вот бы мне хоть немного от богатства того жития, каким живут они там. Как это утешительно...»^[171]

Весной 1923 года в Усть — Сысольск к Сергею Фуделю приехала его невеста, и 23 июля — в годовщину его ареста — они обвенчались в пригороде Усть — Сысольска Искаре, на квартире ссыльного епископа Афанасия (Сахарова). Выйдя под конец жизни на свободу, тот вспоминал, что из тридцати трех лет своего епископства только первые три года был свободен и руководил епархией — остальное время провел в лагерях и ссылках; и ссылки, в промежутках между лагерями и тяжкими общими работами, были, как говорил епископ, «для некоторого отдыха». Тогда, в 1923-м, Афанасий был еще совсем молодым архиереем, очень живым и веселым человеком. На богослужении у владыки Афанасия собирались только свои, ссыльные по делам церковным, и служил он довольно часто, так как в местный храм никто из ссыльных не ходил: там обосновались «обновленцы — живоцерковники». Владыка жил вместе со своим келейником иеромонахом Дамаскином в большой светлой комнате, где стояли стол, два диванчика спинками друг к другу за занавесками; в углу, у икон, — небольшой столик, служивший престолом для литургии.

В этой комнате и состоялось венчание С. И. Фуделя. Импровизированные венцы были сплетены из прутьев ивы. «Венчать нас должен был митрополит Кирилл, но его за неделю до этого дня неожиданно перевели в другой городок^[172], где он жил потом вместе с епископом Николаем Петергофским, будущим известным митрополитом Николаем Крутицким. Но зато “Исаия, ликуй” пел нам владыка Фаддей, а напутственное слово сказал, кроме венчавшего нас священника, владыка Николай (Добронравов)^[173], причем оно

состояло всего из четырех слов по — латыни: “*Per crucem ad lucem*” (“Через крест к свету”)^[174].

Вскоре С. И. Фудель поступил на работу в городе, в двух верстах от жилья. 26 мая 1924 года в московском родильном доме имени Грауэрмана появился на свет его первенец Николай. Ради малыша Вере пришлось временно расстаться со своим ссыльным супругом. Однако его северное житие скрашивалось общением с людьми высочайшего духовного горения. Рядом с ними становилось ясно, что есть один лишь простой и верный евангельский путь. «Как бесплодные стручки опадают сомнения, отходит туман нерешительности. Усыхает в душе *сладость мира*» и хочется лишь «всецелого погружения в<...> Церковь, для безоговорочного отдания себя ей»^[175], — писал Сергей из Усть — Сысольска своему старшему другу. Бесконечно далекой, рассеянной, мелкой казалась теперь прежняя московская жизнь. И когда судьба ссыльного забрасывает Фуделя еще дальше на север и дальше от дружеского человеческого общения, в село Княжпогост Усть — Вымского уезда, он вновь пишет Дурылину: «Впервые за свою жизнь дышу полной грудью, впервые за всю жизнь начинаю эту жизнь понимать, или не понимать, но любить такой любовью, которая дает силы и радость»^[176].

В Княжпогосте помощник бухгалтера С. И. Фудель жил до весны 1925 года, когда, после его ходатайства, был освобожден от ссылки на несколько месяцев раньше истечения ее срока^[177].

Ссылки и тюрьмы были не только трудной школой общения с людьми. Они стали также хорошей школой изучения русской жизни. Первый арест и первая ссылка — это было общение прежде всего с людьми, глубоко и искренне верующими, пострадавшими за свою веру: недаром тот первый ссыльный этап назывался архиерейским. Конечно, и среди архиереев попадались разные люди. «Были такие, как Кирилл Казанский, — светлые и верные Христовы рабы. Были добрые, искренние и простые. Были усталые старички, которые, думаю, были бы не прочь сыграть в преферанс. Были такие, которые не знали, что такое Оптиная пустынь, про Флоренского не слыхали и в тайне

Мой дорогой и любимый С. Н.

Зашел в верный откупной магазин
 друзей от друзей. Скоро придет зима
 и начнутся страшные свирепые морозы,
 бесконечные снего, дальние ночи,
 ночи и вьюги. И тогда-то и когда-то будете
 вы проводить их, с какими думами
 с какой радостью? Теперь наши миссии
 как год, как долгие годы, и тогда
 год, который прошел с нашей ра-
 душкой как время. Поэтому
 и не знаем-какие Ваши дни
 каковы, Ваша радость; или все так же
 только углубленные и оживленные.
 Очень хотелось бы быть с Вами, сус-
 лавой ~~вашей~~ ^{вашей} ~~вашей~~ ^{вашей}, сядете с Вами,
 а еще больше хочется с Вами. Вспомните
 тогда-то в маленькой церкви.
 О, сколько прошло жизни за эти
 миссии, за этот год. Каково-то
 время легла между временем до июля
 1922. и июля.

сидит образ какой-то дороги, пути.
А в ушах все время звучит голос
— не то тревоги, не то радости.
Ах, как иногда ясно видны эти дороги,
как иногда глубоко слышны эти
голоса (не то тревоги, не то радости).
Один путь, один путь.
Как будто из структур отпадают
самолеты, отходят туманы нер-
вного дыхания. Ускоряется в душе
сладость мира. Все упрощается,
нет, (точно ей удается найти своего
первоначального простоту, упрощение
и тишину, и без ишины, для всего
и упрощения в нее, в Церковь, ~~и~~
без поворота отдают себя, со всею
мыслью, словом, устремлением, вкусом,
трудом, волей, упрощением дороги
и пути и тогда только для разоблаче-
ния сложностей, которого маскирует
сложность. Ах, как.
Давно, давно, как подались мы, приве-
за из Оптиной Малой кресты.

называлась она "Странница" и начинала
словами апокалипса "се мово время"
диалогическое, ее была "женщина".
Вот звучит все слово в духе
слово; и опять эта дорога вступает
и по дороге идти, идти уже некуда
не ~~не~~ не обидывалась, да еще на некое
логию своей души, и на ~~на~~ "отлет" и
идти куда-то все дальше и дальше.
И здесь, в образе этой дороги, я вдруг
почувствовал прелесть, потому что
идти и идти и тем самым жить есть
решение, и потому разрушаю. Это было
извая радость моя.
Улыбаюсь в душе сладость мира. Как
будет, что будет дальше - не знаю;
наша только, что все это и будет
будет на той же дороге, на той же
пути. На той дороге, на которой
Тосподь так давно советам нашим
сердца и мысли. Так бы хотелось видеть
и Тосподь и Сердце и Кольцо. Думаешь, много
лет, пролетают года и года наскоро
еще не подвиги друг к другу Тосподь.
Ему же слава да все, всегда, аминь.
и и и и и, и и и и и, и и и и и

Письмо С. И. Фуделя С. Н. Дурылину. 14 сентября 1923 г. РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1. Ed. хр. 869. Л. 2 об.

Выписка из протокола Особого совещания при коллегии ОГПУ от 24 апреля 1925 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 37

были уверены, что скоро опять будут ездить в каретах и носить ордена. Но я тогда не встречал среди них нового, современного нам архиерея, старающегося уверить нас, что Христос приходил на землю не для спасения человека от греха и смерти вечной, а для улаживания социальных конфликтов. Такие тогда были только у живоцерковников, думающих, что лукавым камуфлированием или маскировкой христианства под современность они сумеют кого-то обмануть»^[178].

Мертвый дом стал еще и школой понимания Церкви. Не все то Церковь, напишет С. И. Фудель в «Воспоминаниях», что именуется ею. Всякий нераскаянный грех, особенно прямой грех против любви, отводит человека от Церкви, делает чуждым ей. «Даже самой благообразной и правоверной не — любви нет места в святом бытии Церкви», — писал Фудель, вспоминая молодого и «иконописного» по внешнему облику архиерея, который спокойно заявил своему

сокамернику — обрусевшему немцу — лютеранину: «Поскольку вы не в Церкви, вы и не христианин, вы для меня то же, что язычник». «Существует только одна — единственная Церковь, Православная Церковь, — продолжал Сергей Фудель, пересказывая Хомякова, — но ее незримые связи с христианами Запада, в частности с лютеранами, нам непостижимы, а они действительно существуют, и мы знаем, что на Западе есть христиане, гораздо более находящиеся в Церкви, чем многие из нас»^[179].

Вопрос о границах Церкви приобретал в те годы особенную остроту и надолго занял одно из центральных мест в раздумьях С. И. Фуделя.

Семь с половиной лет после зырянской ссылки, которые он провел с семьей в московской квартире в Гагаринском переулке, были внешне, может быть, одним из наиболее спокойных периодов в его жизни. 11 ноября 1931 года у Фуделей родилась дочь Мария. Удалось благополучно устроиться на должность бухгалтера — экономиста — сначала в одно из учреждений потребительской кооперации, потом в Институт плодоовощной промышленности, где судьба на короткое время вновь свела его с отцом Павлом Флоренским. Однако обстановка московской церковной жизни за прошедшие годы успела сильно измениться. Позади осталось время первых послереволюционных лет с их неповторимой атмосферой внутренней свободы, так напоминавшей первохристианскую эпоху. Плановмерно, один за другим закрывались храмы. Особенно те, в которых служили любимые москвичами пастыри. В 1931 году был закрыт, а вскоре и разрушен любимый с детства приходской храм Сергея Иосифовича на Арбате — Николо — Плотниковский. «Я ходил и целовал иконы, как живых людей.<...>Из мира уходит лик Христа<...>В этом есть нестерпимая скорбь», — вспоминал С. И. Фудель свое прощание с опустевшей церковью, где когда-то так вдохновенно служил его отец.

В борьбе за выживание Церкви в преследующем ее безбожном государстве путь компромиссов стал казаться неизбежным еще в последние годы жизни святого патриарха Тихона, скончавшегося незадолго до возвращения Фуделя из ссылки. Тягостные уступки советской власти усугубились после ареста патриаршего местоблюстителя митрополита Петра и вынужденной декларации о лояльности, подписанной в августе 1927 года его заместителем

митрополитом Сергием. Образовалось движение «непоминающих»: многие иерархи и священники прекратили поминовение митрополита Сергия за богослужением и перестали признавать его главой законной церковной власти. Среди них были и глубоко почитаемые верующими митрополиты Кирилл и Агафангел (последний перед кончиной в 1928 году примирился с митрополитом Сергием). Со временем все «непоминающие» были вынуждены покинуть открытое церковное служение: в начале 30-х годов их храмы были закрыты один за другим, а священники надолго оказались в заключении или ссылке. Кто-то еще продолжал тайно совершать богослужения и духовно окормлять узкий круг близких людей по домам. Другие, не разделяя компромиссных политических заявлений церковного руководства, умалявших доверие к нему, в то же время считали жизненно важным сохранение открыто действующих храмов и были убеждены, что нельзя допускать новый раскол в Церкви, который ослабит ее и будет на руку только ее гонителям.

Угроза захвата всех остававшихся церквей «обновленцами — живоцерковниками», за борьбу с которой Фудель получил свой первый срок, в основном отошла в прошлое. Однако семена приспособленчества и компромисса как будто все больше прорастали и в Патриаршей Церкви. Теперь казалось счастливым то время, когда так четко и ясно виделась грань между Церковью и теми, кто к ней не принадлежит или изменил ей.

«Весь ужас нашего положения состоит в том, что даже в Церкви (разумею, конечно, видимое общество людей и внешнюю ее сторону) оскудели и иссякают сейчас любовь и чувства братства и единения. Но как радостно бывает сейчас собраться вместе людям, могущим с чистой совестью облобызать друг друга и сказать: “Христос посреди нас”», — писал к духовной дочери близкий С. И. Фуделю пастырь ^[180].

Дышать воздухом *тайной свободы* было возможно теперь лишь в узком кругу родных по духу людей. Но таких очагов света и тепла становилось все меньше, даже в огромной Москве. В стране продолжалось *погружение во тьму*. Друзья юности и совсем «свои», казалось, люди неожиданно оказывались тайными осведомителями. А технология «шитья» групповых дел была теперь освоена специалистами Лубянки в совершенстве; разоблачение «антисоветских

организаций» стало рутинным занятием, не требовавшим каждый раз особенной изобретательности.

В этих условиях новый арест С. И. Фуделя становился неизбежным. Это случилось 1 января 1933 года^[181]. Обстоятельства долгого ночного обыска в квартире на Гагаринском переулке запомнились восьмилетнему Николаю Фуделю. «Я помню сквозь смутный полусон каких-то чужих дядек, шастающих ночью по комнате, и свою бабушку — Зинаиду Александровну Сытину (Свербееву), всегда невозмутимо спокойную, сидящую как бы в тихой колыбелке своих седин и серебряных очков в изголовье детской кровати: моей и двухлетней сестренки Маши. Шел обыск, а она усыпляла нас, заслоняла, успокаивала так непрерывно и несокрушимо, что я и в самом деле заснул и ничего не видел. На другой день мама, посадив меня на каретный сундук XIX века — горбатый и твердый, — приблизила ко мне свое застывшее лицо и, углубляясь сухими глазами в мои глаза, сказала, что папа надолго уехал и я никому не должен об этом говорить. Тогда впервые я понял одно: папа не такой, как все, папа — в опасности»^[182]. Отец появлялся в жизни сына всегда неожиданно, как бы из морозной мглы этапов и ссылок, и опять исчезал надолго — промежутки между ссылками были кратки.

Второй арест и вторая ссылка отмерили следующее десятилетие и новое лицо России. В 1933 году повторились и Бутырская камера, и этап, и новая ссылка. Сидение 1933 года в Бутырках — это испытание тюремной камерой, рассчитанной на 30 человек, но заполненной двумястами буйных уголовников. Темная толпа, запертая в клетку, куда без особой нужды не входили надзиратели. Все держались особняком — кроме тех случаев, когда избивали вора, укравшего хлебную пайку; и тогда вспыхивало общее чувство — объединявшая всех «черная соборность»: камера гудела, орала, визжала. Но и в «тихое» время камера бурлила, томила, не находила себе места. Скрыться можно было разве только под нарами. Эту камеру С. И. Фудель назовет безотрадной: священников в ней уже не было, молиться сообща, церковно, здесь было невозможно. По вечерам, после поверки, проходили камерные собрания — рассказывание похабных анекдотов и даже антирелигиозные лекции, которым ни у кого не было сил противиться. Фудель молился тайком, шепотом или про себя, и вспоминал слова, когда-то и от кого-то услышанные: будет время,

когда людям не останется ничего, кроме имени Божия. Месяцы этих мрачных испытаний давались, считал Фудель, для того, чтобы оценить свет Церкви, чтобы из глубины соборности черной затосковать о соборности церковной — «в которой, собственно, тоже толпа людей, но людей, стоящих перед Богом с горящими свечами в руках»^[183].

Шин 193 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

об избрании меры пресечения и предъявлении

Центральный архив ФСБ РФ

Гор. *Москва* 1933 г. *Января* 9-го дня. Я, *опр. Шин*

Уд. ст. 101 отп. *Шлюшенин* и и

рассмотрев следственный материал по делу № *399* и приняв во внимание, что гр.

Фрудин Сергей Фроисович

достаточно изобличается в том, что *зная о связи Волковой с.р.*
с сотрудниками греческой милиции, и о получении
его материальных пособий - не только не сообщил
об этом органам отп., но и вел с ней разгово-
ры на антисоветские темы, давая Волковой
материал для информации посольству

2

ПОСТАНОВИЛ:

гр. *Фрудин С. И.* привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. *58^а и 58^б* УК,

мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать *содержание по с.р.*

опр. уполномоченный Шин

„Согласен“

Настоящее постановление мне объявлено *9 Января* 1933 г.

Подпись обвиняемого

Фрудин

На первом и, судя по материалам дела, последнем допросе арестованный старший научный сотрудник Института плодоовощной промышленности, успевший за 1932 год выпустить в печать научные труды о пользе дикорастущих ягод, о борьбе с потерями плодоовощей и о их стандартизации, состоявший членом месткома и Всесоюзного штаба по борьбе с потерями, узнал, что обвиняется в преступной антисоветской связи с троюродной сестрой его жены Софьей Всеволодовной Волковой^[184]. Внучка Саввы Мамонтова была женою известного впоследствии писателя Олега Волкова^[185], в 1924–1928 годах служившего переводчиком в греческом посольстве и арестованного за отказ от осведомительской работы на органы ГПУ. Ко времени ареста Софьи Всеволодовны он успел отбыть уже два срока на Соловках и находился в ссылке в Архангельске. Жена его, под давлением показаний доносчиков и натиска следователя вынужденная подписаться под словами, что является «сторонницей либерально — буржуазного строя», воспитанной в имении дворян Свербеевых «в религиозно — монархическом духе»^[186], обвинялась в том, что после ареста мужа продолжала поддерживать связь — конечно, контрреволюционную — с дипломатами посольства Греции, где тот работал, переправляла письма брату, находившемуся в эмиграции в Югославии, получала от греков деньги и продукты, а при этом «давала информацию о положении русской интеллигенции, о положении церквей при советской власти, о гонениях на Церковь», причем «преподносила все это в антисоветском разрезе»^[187]. Мало того, считала, что «обновленческая церковь преступила церковные догматы, и больше прав имеет сергиевская Церковь», и даже взялась составить некий конспект «о положении церквей», в котором были бы приведены «факты, что “красные” церкви поедают сергиевские, а только последние закрываются и сносятся в большом количестве»^[188]. Конспект, правда, так и не был передан консулу и дальше в деле не упоминался, но и всего остального вполне хватило на пять лет исправительно — трудовых лагерей^[189].

Хотя С. И. Фудель признался лишь в «обывательских пересудах вопросов текущего порядка»^[190] и больше ничем не помог следствию, оперуполномоченному ОГПУ И. И. Илюшенко этого было довольно, чтобы признать: арестованный «достаточно изобличается в том, что,

зная о связи Волковой С. В. с сотрудниками греческой миссии и о получении ею материального пособия, не только не сообщил об этом органам ОГПУ, но и вел с нею разговоры на антисоветские темы, давая Волковой материал для информации посольству»^[191]. Вскоре «сына попа», ранее уже ссылавшегося «за активную борьбу против соввласти»^[192], приговорили с еще семьёю однодельцами «выслать через ППОГПУ в Севкрай, сроком на три года»^[193].

Февральской ночью его вызвали с вещами на этап до Вологды. Однако в городе Фуделя не оставили, а перебросили сначала в Вожегу, затем на станцию Явенга Северной железной дороги, между Вологдой и Архангельском. Только успел ссыльный немного освоиться на новом месте, как 30 мая его под конвоем направили в далекий от населенных мест барачный лагерь на Вельской ветке, на лесозаготовки, с невыполнимой нормой выработки, от которой зависел хлебный паек, а значит, и жизнь. Фудель попробовал было работать, но до нормы не дотянул и половины^[194]. Тогда он решил, что лучше сохранять силы и лежать на нарах в ожидании чуда. Всех, кто отказался работать, перевели в смертный барак, именно так откровенно он здесь и назывался. От голодной смерти С. И. Фуделя спасла жена, приехавшая туда к нему вместе с няней детей инокиней Матроной (Матреной Петровной Лучкиной). Но больше месяца он оставался в смертном бараке — видел, как голод отнимает у несчастных разум, был «наблюдателем смерти» и рыл ямы в сосновом лесу для усопших, «не дождавшихся хлеба». И чудо все же свершилось — Фуделя и двух его товарищей по ссылке благодаря хлопотам Анны Ильиничны и Софьи Андреевны Толстых, внушек Льва Николаевича, вызвали по телеграфу в ссылку в Вологду, то есть вырвали из смерти^[195].

Копия

ПРОКУРАТУРЕ ПО ДЕЛАМ
г. КАТАНЬЕ.

Центральный архив ФСБ РФ

Вешегодокое Отделение ОГПУ /Севкрай/ ЭС/У о/г отправиле меня
на Явентя на лесозаготовки /Вельская район, I участок ЛЕХ Мос-
гортона, барак № 5/.

Я должен работать 12 часов в день в солоте на той работе, ко-
торая мне совершенно не под силу. Я большой и истощенный человек
Я при всех моих стараниях не могу заработать более 100 грамм в
день и больше ничего. Почтовой связи нет, письма доходят плохо
Я чувствую, что уже в ближайшие дни я смогу только лежать и
ждать смерти. У меня жена и двое детей, которые не в состоянии
меня прокормить, ни приехать. Я живу в бараке в антисанитарных
условиях. Приговор по моему делу не имел определения меня в то,
в чем я сейчас нахожусь, он не определял мне немедленного умир-
ания. Если же определял, то прощу заменить его и приговорить к
немедленному потреблению. Это легче.

Я не знаю, дойдет ли это заявление до прокуратуры. Если дой-
дет, прощу ее чтонибудь сделать.

4/51

Подпись Сергей Фурден

Вельский Леспромхоз Мосгортона I протек.уч.

Ау

Заявление С. И. Фуделя помощнику прокурора РСФСР по надзору
за органами ОГПУ Р. П. Катаняну. 4 июня 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-27938. Л. 176

Центральный архив
5-6970
11/11/1932
15.11.1932
от Анны Ильиничны и Софии Андреевны Толстых, прож. Остоженья, Померанцев пер. д. 3, кв. 8. Тел. Г-3-85-87

Сосланные на три года в Вологду Долинины-Иванские, Владимир Иванович и Вера Ивановна, Фудель, Сергей Иосифович не были сосланы в распоряжение Вологодского ГПУ, а для жительства в городе лишь с обязательством регистрации и явки в местном ГПУ.

Тем не менее они были двинуты дальше - сначала в Вожегу, затем в Явенгу Вожегокого района. Уже и эта отправка была признана т. Катыльником незаконной.

30 мая Долинины-Иванские и Фудель под конвоем отправлены в глубь Вельского района на лесоразработки при первом участии Мосгортопа.

Неприспособленные к физической работе, они не могут выработать нормы, почему и получают такую дозу пайка, которая уже теперь привела всех троих к полному истощению.

Мы хорошо знаем этих трех лиц. Долинин-Иванский - внучатый племянник Л.Н.Толстого. Все сосланные лица непрерывно состояли на советской службе, премировались, честно работали, по работе не были запятнаны никакими подозрениями и продвигались в своей квалификации.

Просим Вас содействовать установлению законности и правосудия в данных обстоятельствах: 1/ точному выполнению постановления коллегии ОГПУ о ссылке, - оно не совместимо с дальнейшим распоряжением местных органов ГПУ, превращающими ссылку в определенное место в попытку под страхом на принудительные работы без гарантии пропитания, т.е. ставящими в условия более тяжкие, нежели содержание в конц-лагере; 2/ предотвращению таких условий отбывания наказания, которые связаны с мучительством, что противоречит всему строю нашего законодательства и предпосылкам уголовного кодекса.

11/11-332

Анна Ильинична Толстая. София Андреевна Толстая.

Заявление А. И. и С. А. Толстых прокурору РСФСР
А. Я. Вышинскому. 11 июня 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938. Л. 175

В Вологде С. И. Фудель снимал маленькую холодную комнатку, где зимой в углу всегда намерзал снег. Здесь были им написаны строки стихотворного послания С. Н. Дурылину:

Мне тяжело.
Со мной отныне
Ты — одиночества горчайший хлеб!
Когда и комната — пустыня,
И каждый час жесток и слеп^[196].

Зимой 1936 года с ним жил сын Коля, учился в четвертом классе, и школьные учителя очень скоро объяснили ему, что он совсем не такой как все, а «вражина», сын «врага народа». «Может, и папу я начал по — особому любить именно с этой вологодской бесконечной зимы»^[197]. В Вологде С. И. Фудель сблизился и подружился — на всю жизнь — со ссыльной семьей старого нотариуса, выпускника императорского Училища правоведения Евгения Григорьевича Полуэктова (в 1937 году его арестовали в седьмой раз, и он окончательно исчез в пустынях лагерного архипелага). «К ним папа ходил в гости и брал меня с собой»^[198]. Здесь же, в Вологде, Сергей Иосифович общался с замечательным московским священником Сергием Успенским из расположенного неподалеку от Арбата храма Спаса на Песках. Это был подвижник, оказывавший большую помощь репрессированным собратям и их семьям. По возвращении из вологодской ссылки в Москву он был вновь арестован и в 1937 году расстрелян.

В 1936 году, когда окончилась вторая ссылка^[199], С. И. Фудель уже не мог найти себе работу в Москве: получить паспорт с пропиской в родном городе было теперь невозможно для репрессированного «контрреволюционера». Весной 1937-го он устроился наконец неподалеку от станции Хотьково бухгалтером в кустарной артели, производившей резные деревянные изделия. Некоторое время жил в Хотькове на даче у приобретенных в Вологде друзей — его приютили дочь К. Н. Полуэктовой Татьяна и ее муж А. С. Некрасов. Здесь же Сергей Иосифович познакомился с кругом духовных чад архимандрита Серафима (Битюгова), священника из

«непоминающих», который с 1928 года жил «в затворе» на нелегальном положении, совершая по домам тайные богослужения для своей небольшой общины (бывали такие службы и на даче Некрасовых в Хотькове). Личное знакомство со старцем состоялось позднее, в 1939 году. Однако именно желанием быть ближе к этому сокровенному сообществу, находившемуся под духовным водительством хорошо знакомого по зырянской ссылке владыки Афанасия (Сахарова), было во многом обусловлено переселение семьи Фуделей в Сергиев Посад (тогдашний Загорск), где еще недавно жили и угасали «последние могикане» христианской культуры из мира друзей отца Иосифа.

В марте 1938 года Сергей Фудель устроился в Загорске бухгалтером на местном заводе; на участке дочерей Льва Тихомирова удалось построить домик. В это строительство были вложены все средства, по копейке собранные друзьями и вырученные от продажи старинной мебели. Все дома, и квартиры, и комнаты, и углы до сих пор в его жизни были временными пристанищами между тюрьмами и ссылками. Несмотря на это, Фудель надеялся, что все же обретет семейный приют, построит родовое гнездо, которое оставит детям. «Домик вышел уютным, чистым, в нем стоял свежий запах сосны, краски и пирогов — предстояло отпраздновать новоселье»^[200]. Но накануне намечавшегося семейного торжества, в ночь на Успенье 1938 года дом, вследствие случайной неосторожности с огнем, сгорел дотла. «То, что не смогли истребить лагеря, конвои и допросы, едва не погубило это немыслимое крушение уже вроде бы осуществленного домашнего очага. Я помню зарево до самых звезд, обугленные кроны лип и безумное обожженное лицо отца. В одной рубахе, оборванный и страшный, он воздел руки в багровое небо и крикнул: “Бери, бери все!”»^[201]

Все же через год, в канун войны, он построил другой дом на окраине Загорска — в районе Козьей Горки, возле железной дороги на Александров и неподалеку от Черниговского скита. За домом начинались леса, которые шли на север. Через этот дом проходила русская катакомбная Церковь — затравленные, обложенные кругом священники, их жены и дети. В этом доме, который так и не успели утеплить, временами жили выдающиеся, многими любимые священники — духовник семьи Фуделей архимандрит Серафим

(Битюгов), отец Владимир Криволицкий, отец Петр Шипков, отец Алексей Габрияник. Имена иных гостей были неведомы даже детям Фуделя, ибо действовало твердое правило у опальных людей — своих детей в опасные дела не втягивать, не называть фамилий, не рассказывать о судьбах тех, кто появлялся и пропадал в ночи. Люди, приходившие в дом на Козьей Горке, совершали тайные богослужения, и в этой «катакомбе» многие из них получали последнюю возможность подготовиться к лагерным страданиям и мученической смерти.

Отец Серафим, летом 1939 года освятивший этот дом, а впоследствии проживший в нем около года, звал к подвигу веры, учил твердой жизни в ней, и подле него Сергей Фудель чувствовал в себе силу и решимость. «Около тепла святой души тает лед сердца. Мне трудно в каком-то смысле быть рядом со старцем, и в то же время около него я снова точно в материнском лоне.<...>Бесконечность человеческой заботы о всяком, кто к нему подходит или кто нуждается в духовной помощи, в сочетании с уже не человеческой, но сверхъестественной силой иного, духовного зрения»^[202] — так, много лет спустя, Фудель описывал открывшееся ему в предвоенное время в Загорске особое обаяние своего духовного отца. «Совершая богослужение в своих “катакомбах”», батюшка выполнял какую-то большую историческую миссию: «“он охранял чистоту православия”<...>он не выжидал, а творил, он трудился не для этой только узкой группы людей, которые могли видаться с ним в этих условиях, но для Церкви, для будущего»^[203], — писала другая его духовная дочь.

Торжественно и спокойно стоя перед образом Божией Матери, архимандрит Серафим иногда совершал ночные службы в крошечной комнатке на Парковой улице шепотом, по памяти, вспоминала более чем через полвека дочь Фуделя Мария. «Окна были наглухо закрыты, огонек едва мерцал.<...>Пели выгнанные из монастырей инокини, а среди них наши родители и няня (инокиня Матрона). Иногда увлекались и начинали петь уже вполголоса. Очень красиво пели, а потом кто-то спохватывался и останавливал остальных. И опять шепот. Время от времени кто-нибудь подходил к выходной двери и прислушивался, затем, вернувшись, подавал знак, что все спокойно, и служба продолжалась»^[204]. Молясь, отец Серафим порой крестил кого-то в пространстве перед собой, посылая свое благословение

отсутствующему духовному чаду, а иногда вдруг замолкал надолго... «И мы молчим и ждем, зная, что его молитва именно сейчас не молчит, но кричит к Богу.<... >С ним нам могло быть, так сказать, неудобно молиться, так же “неудобно”, как не умеющим плавать идти за умеющим в глубокую воду»^[205], — писал об этих службах хозяин дома, где они совершались, — Сергей Фудель.

Загорский период остался в памяти детей Сергея Иосифовича как время неустроенности, холода, голода и постоянного ожидания ночного стука в дверь. Но для самого Фуделя здесь был не Загорск, переименованный в честь убитого революционера, а Посад преподобного Сергия. Лавра стояла как инвалид, но все же напоминала ему то время, когда в ее стенах обитали подвижники веры, великие люди Церкви. Для него и поруганный Сергиев Посад оставался священным. Да и эти годы поругания и гонения Мария Фудель вспоминала потом как «прекрасное время, чистое как снег»^[206], когда в тесноте той самой маленькой комнатки, обращенной в катакомбную церковь, совершалось «собрание и служение Богу истинных христиан, праведников, готовых к мученичеству.<...>Какая-то сила невидимая исходила ото всех этих бедных, запуганных, согнанных со своих мест, лишенных всего людей. Они были стеснены, но не согнулись, они были лишены всего, но не озлобились»^[207].

С октября 1941 — го по январь 1942 года у Фуделей жил скрывавшийся от преследований друг и духовный сын архимандрита Серафима отец Владимир Криволучкий с тремя сыновьями и больной женой^[208]. Одновременно здесь же проживали — только дольше, начиная с 1939 года — духовные чада отца Серафима архитектор Владимир Закатов и его жена Мария. А ведь кроме Фуделей с детьми (третья дочь Варвара родилась 11 июля 1941 года) и их старенькой няни инокини Матроны в маленьком этом домике жили то монахини из разоренного монастыря, то еще какие-то старушки «из бывших»^[209] ... Как они там все уместались? Отец Владимир, вспоминал потом С. И. Фудель, весь день «был на людях, среди нас: мирил, спорил, радовался, ужасался. И только ложась спать, он брал в руки дивеевские четки и закрывался с головой одеялом. Очевидно, и он наконец уходил “во внутреннюю пустыню”»^[210]. Однако скоро пришлось перебираться в новое временное пристанище — Фуделя вызвали в местное

отделение НКВД и стали допытываться, не знает ли он, где проживает священник Криволуцкий. Конечно, Сергей Иосифович не признался, а поспешил через жену немедленно уведомить отца Владимира о розысках. В тот же день священник с семьей покинул их дом. Еще четыре года ему удалось укрываться от ожидавшего его третьего ареста^[211].

Отца Серафима чудом не нашли до самой его смерти, наступившей 19 февраля 1942 года в доме бывшей дивеевской монахини Сусанны (Ксении Гришановой), где он большей частью жил и служил литургию в последние годы^[212]. Вечером накануне кончины С. И. Фудель простился со своим духовником и принял последнее его благословение. А на следующий вечер он в числе семи самых близких духовных чад старца участвовал в его отпевании и погребении, которое отец Петр Шипков^[213] тайно совершил в подвале того же дома, под местом, где на крохотной кухнеке располагался престол катакомбного храма^[214].

Осенью 1943 года тайна была раскрыта органами НКВД. В ноябре последовал арест отца Петра, К. И. Гришановой и других духовных чад отца Серафима; тело его было извлечено из подпольной могилы и секретно перенесено в общее захоронение на загорском кладбище. Тогда же был арестован в Ишиме и осужден на свой последний восьмилетний срок заключения епископ Афанасий (Сахаров), обвиненный в руководстве данной группой «антисоветского церковного подполья».

С. И. Фуделя от начавшейся череды арестов на время уберегла война. Он был мобилизован 6 марта 1942 года, через две недели после кончины отца Серафима, и служил рядовым в роте охраны при поездах, перевозящих боеприпасы, на Волховском направлении и под Сталинградом переживал бомбежки и налеты немецких бомбардировщиков. В свои редкие посещения дома в Загорске он «появлялся обычно ночью, тайно, без всякого разрешения, с полным рюкзаком, в котором было все, что ему удавалось сэкономить»^[215], — вспоминала дочь Мария. Сын Николай дополняет эти воспоминания рассказом о единственной официальной побывке отца: он приехал «в шинели, пилотке, с винтовкой, грязный, небритый. Разворачивал на столе какие-то тряпочки и извлекал, к всеобщему восхищению,

затертые кусочки сала и горсточки сахара, которые где-то в пути выменял на мыло и табак. Он был доволен солдатской судьбой — потому что солдат это не “зэк”. Он был свободен внутренне, он мог и умереть, но не в застенке, а под открытым небом»^[216]. Позже он признался: самое страшное это не тюрьма, а непрерывное ожидание ее.

Участие в войне казалось своего рода реабилитацией, дававшей возможность уйти от «зэковской» судьбы. Демобилизованному в звании младшего сержанта Фуделю, награжденному медалью «За победу над Германией», удалось осенью устроиться на работу в Москве секретарем кафедры английского в Военном институте иностранных языков. Однако проработать пришлось лишь полгода. В марте 1946 года началась новая волна арестов среди духовных чад отца Серафима, и вскоре следствием была сфабрикована впечатляющая картина разоблачения «антисоветского церковного подполья» с умершим архимандритом во главе.

Роль активного члена «монархической организации, ставившей своей целью вести подготовку к свержению советской власти», была отведена и С. И. Фуделю. В постановлении о его аресте подчеркивалось, что якобы «часть участников этой организации стояла на позиции террористических методов борьбы с советской властью». Личная же вина недавнего военнослужащего усматривалась в следующем: «На протяжении ряда лет Фудель связан с руководителями организации архимандритом Серафимом Битюговым (умер), священниками В. В. Кривоуцким (арестован), П. А. Шипковым (арестован), находившимися свыше 10 лет на нелегальном положении. Этих нелегалов Фудель скрывал у себя на дому и оказывал им материальную помощь. Дом свой представлял под сборища участников организации, где намечались и обсуждались формы и методы борьбы с советской властью»^[217].

Выписанное 14 мая 1946 года постановление на арест С. И. Фуделя было на следующий день утверждено первым заместителем министра госбезопасности генералом С. И. Огольцовым — тем самым, что впоследствии прославился личным участием в убийстве С. М. Михоэлса и был одним из главных авторов «дела врачей». По свидетельству дочери Фуделя, кто-то из еще не схваченных друзей дал знать ему о том, что «арест дело даже не дней, а часов», — и он успел

приехать в Загорск проститься с семьей^[218]. Беда настигла Сергея Иосифовича 16 мая в арбатской квартире сестры Марии. После проведенного здесь обыска всё повторилось в загорском доме: трое гебистов сдирали ризы с икон, потрошили убогий скарб, рылись в ящиках, вспарывали обивку стульев — якобы в поисках «немецких листовок»^[219]. Листовок не нашли, изъяли письма, стихи и «рукописные материалы религиозного содержания»^[220].

17 мая Фудель был доставлен в знакомую внутреннюю тюрьму на Лубянке, и в тот же день состоялся первый допрос. На протяжении следующих четырех месяцев были задокументированы еще 12 многочасовых допросов (часто — ночных) и шесть очных ставок, хотя уже 29 мая следователь майор Карпов постановил, что С. И. Фудель «достаточно изобличается в том, что являлся участником монархической организации, по заданию которой на протяжении ряда лет проводил организованную вражескую работу»^[221].

По тому же делу «антисоветского церковного подполья» были арестованы в марте, апреле и мае священник Владимир Кривоулицкий и его двадцатидвухлетний сын Илья, студент авиационного института; работник НИИ Министерства авиационной промышленности Маргарита Тыминская, на квартире которой отец Владимир и был арестован после совершения им пасхального богослужения; священник Алексей Габрияник; священник Димитрий Крючков; капитан Красной армии военный переводчик Николай Романовский, после возвращения с фронта работавший вместе с Фуделем в Военном институте иностранных языков, тайный инок с 1933 года; Мария Закатова, до войны проживавшая с мужем в доме Фуделей; библиотекарь Лидия Андреева, духовная воспитанница скончавшегося 15 лет назад отца Владимира Богданова; Иван и Вера Корнеевы, на даче которых в Лосиноостровской была устроена на чердаке тайная домашняя церковь; Александр Некрасов, у которого Фудель жил в Хотькове в 1937 году; монахиня в миру Серафима (Ольга Сахарнова), духовная дочь владыки Афанасия; зубной врач Мария Тепнина, прихожанка архимандрита Серафима еще в период его открытого служения в московской церкви Святых Кира и Иоанна; художник Алексей Арцыбушев; московская учительница Пелагея Литвиненко; хирург Тамара Жилина — Евзович, мать семимесячного на момент ареста сына. Их было семнадцать человек, и не все они знали друг

друга лично, но все были объединены принадлежностью к тайной, катакомбной Церкви не поминавших митрополита Сергия, к кругу епископа Афанасия (Сахарова) и архимандрита Серафима (Битюгова).

Следствие велось с изощренной жестокостью, далеко превосходящей всё, что уже довелось испытать при первых двух арестах. Отец Владимир Воробьев свидетельствует, что за время их общения лишь однажды С. И. Фудель на краткий миг дал ему понять, сколь невыносимы были те бесконечно долгие месяцы 1946 года, проведенные на Лубянке, как мучительны были воспоминания о них и много лет спустя. «Сергей Иосифович не мог говорить об этом, настолько трагично было все... Мы даже не можем представить себе ужаса того, что пришлось пережить ему, его семье и всем, кто был арестован по этому делу»^[222]. Однодельник Фуделя А. П. Арцыбушев, записавший свои воспоминания об этом следствии, подтверждает, что в ходе его многократно применялись избиения и физические пытки^[223]. Даже в этих условиях С. И. Фудель до конца отказывается дать показания о том, от кого получил «рукопись антисоветского содержания, изъятую при обыске»^[224], пытается исключить из фабрикуемых следователем протоколов наиболее тяжкие обвинения в адрес его друзей. Так, в перечислении богословских работ отца Владимира Криволицкого он вычеркивает слово «антисоветский» из определения майора Карпова: «“О мироздании”, антисоветский документ, направленный против материализма и дарвинизма»^[225]. О важности, которую гебисты придавали делу об «антисоветском церковном подполье», свидетельствует личное участие в одном из допросов Фуделя печально известного по многим эковским воспоминаниям зловещего душегубца, прокурора отдела по спецделам Прокуратуры СССР Дорона^[226].

Допрашивали в МГБ и жену Фуделя Веру Максимовну. Дочь запомнила ее лицо по возвращении домой помолодевшим и торжествующим: Бог услышал молитвы и дал силы устоять, никого не выдать. «Это была победа»^[227].

21 сентября следствие было закончено. Обвиняемый Фудель расписался в ознакомлении с 22 томами добытых «доказательств». 30 сентября сын священника, начальник второго (контрразведывательного) главного управления МГБ СССР генерал —

майор Е. П. Питовранов (1915–1999) утвердил обвинительное заключение по следственному делу группы семнадцати арестованных, в которую входил и Сергей Фудель^[228]. Она квалифицировалась как «возглавлявшееся нелегалами — священниками антисоветское церковное подполье, участники которого, будучи враждебно настроены к советской власти и не признавая легальную церковь, создавали на квартирах своих единомышленников подпольные церкви, где кроме тайных богослужений проводили антисоветскую агитацию». Дополнительную тяжесть обвинению должно было придать заключение следствия о том, что «в период Отечественной войны участники подполья, рассчитывая на поражение Советского Союза, разрабатывали планы своей практической деятельности при немцах и активизировали враждебную работу»^[229]. Абсурдность этого обвинения по отношению, например, к С. И. Фуделю и Н. С. Романовскому, находившимся во время войны в действующей армии, очевидна. Архимандрит Серафим, по воспоминаниям В. Я. Василевской, говорил о нацистской свастике: «Ни один христианин такого креста не примет»^[230]. По его благословению три женщины из числа его духовных чад в сентябре 1941 года обнесли Державную икону Божией Матери вокруг Кремля, молясь за весь народ Богородице о спасении Москвы от надвигающейся вражеской угрозы^[231]. Следователи выдвигали и еще более нелепые обвинения: так, Т. Е. Жилиной — Евзович вменяли «готовность совершить террористический акт против главы советского правительства». Женщина — врач якобы «имела намерение вступить в антисоветскую организацию, которая была бы способна вооруженным путем ворваться в Кремль и уничтожить советское правительство»^[232]. А это уже — покушение на терроризм, статьи 19–58 п. 8 сталинского Уголовного кодекса. Другому участнику «преступной организации», И. А. Корнееву, также приписывалось подстрекательство к акту террора (статьи 17–58 п. 8). Обвинения, предъявленные остальным членам группы, были более банальными: «в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. п. 10, часть II и 11 УК РСФСР»^[233], то есть в пропаганде или агитации, содержащих призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти с использованием религиозных предрассудков масс, в

направленной к этому организационной деятельности или участия в образованной для этих целей организации.

Даже доставка продуктов священникам — нелегалам рассматривалась как соучастие в преступлении. Фудель же дополнительно обвинялся в том, что в его доме отец Владимир Криволицкий скрывался «в период наступления немцев на Москву», встречался здесь с другим «нелегалом — священником Габриэликом А. И. и руководителем подполья Битюговым» и «зачитывал свои антисоветские рукописи, которые содержали установки церковного подполья»^[234]. Стало быть, хозяин

Выписка из протокола № 1

Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР

г.г. от 30 ноября 1946 г.

СЛУШАЛИ

ПОСТАНОВИЛИ

40 Дело №- 8303/2 Главное
Управл. МГБ СССР по обвин.
З.БУДЕЛЬ Сергея Иосифо-
вича - 1901 г.р.ур. г.Москвы
русский; гр-н СССР, б/парт.,
до ареста секретарь кафедры
военного ин-та иностранных
языков Красной Армии:

Обвин. по ст.ст.58-10 ч.2
и 58-11 УК.

БУДЕЛЬ Сергей Иосифовича,
за участие в антисоветской
церковной организации и
антисоветскую агитацию
сослать сроком на ПЯТЬ лет,
считая срок с 17 мая 1946 г.

Нач. Секретариата Особого Совещания

Handwritten signature

С постановлением Особого Совещания МГБ ознако-

мился

Handwritten signature
(подпись)

14. декабря 1946 г.

Постановление Особого совещания объявил:

Зам. Нач. МГБ СССР
Handwritten signature
(должность, звание и подпись)

14. XII 1946 г.

Handwritten signature

Large handwritten signature
Вышеуказанным
14.12.46
Handwritten signature

Выписка из протокола № 1 Особого совещания при министре государственной безопасности СССР от 30 ноября 1946 г. ЦА ФСБ РФ

дома, будучи активным участником «антисоветского церковного подполья», наряду с другими обвиняемыми принимал участие в «сборищах, организуемых нелегалами — священниками», вел враждебную агитацию, укрывал «нелегалов — священников», в период Отечественной войны стоял на «пораженческих позициях» и ожидал прихода немцев, соблюдая строгую конспирацию и проводя враждебную работу до последнего времени^[235].

30 ноября Особое совещание при МГБ СССР, в соответствии с предложением следствия, «учитывая преклонный возраст и состояние здоровья»^[236], постановило: «Фудель Сергея Иосифовича за участие в антисоветской церковной организации и антисоветскую агитацию — сослать сроком на пять лет»^[237]. Другие арестованные получили от десяти лет исправительно — трудовых лагерей (главный обвиняемый, отец Владимир Криволицкий) до трех лет ссылки (О. И. Сахарова).

После объявления заочно вынесенного приговора 14 декабря С. И. Фуделя перевели на «вокзал» — в этапную камеру Бутырской тюрьмы, уже третьей по счету — спустя двадцать четыре года и четырнадцать лет. Можно было сравнивать режим и порядки тюрьмы, настроения узников, состояние общества — Бутырки были вернейшим учебником истории России в XX веке. В 1946-м тюрьма задыхалась от людей, ожидающих отправки на этап. Ночью, для того чтобы повернуться на Другой бок, надо было будить соседа и поворачиваться вместе.

25 декабря начался этап в Минусинск, где в январе 1947 года удалось устроиться на временную работу юрисконсультom сразу в нескольких учреждениях. Однако такая жизнь ссыльного показалась чересчур благополучной для надзиравшего над ним местного управления МГБ, и в сентябре 1948 года последовал перевод в отдаленное от крупных дорог село Большой Улуй (в полусотне километров к северу от Ачинска, ближайшей станции железной дороги), где Фудель находился до окончания срока.

Единственным утешением был здесь открывшийся в 1947 году после многолетнего запустения храм Святого Николая, куда на службу по воскресеньям приходили не только местные православные, но и ссыльные крестьяне — католики из Литвы, которых в поселке было немало^[238]. Молитва приносила чувство единства с родными людьми и всем, что было дорого сердцу: «Скажи тете Марусе, что в Страстную неделю и на Пасхе я часто буду с нею и сам буду чувствовать ее любовь»^[239], — писал Сергей Иосифович сыну.

Полжизни проведя в неволе, Фудель имел право сказать, что тюрьма открыла ему истинный и очень простой жизненный смысл: стараться всегда и везде сохранять тепло сердца, зная, что оно будет нужно кому-то еще. После прожитого и пережитого в качестве узника Мертвого дома он смог подвести общий итог главного, что было в его жизни. «Есть вера — обычай, и есть вера — ощущение. Нам всегда удобнее пребывать в первой, каков бы ни был в нас этот обычай — бытовой или рациональный, как у сектантов. Обычай ни к чему духовно трудному не обязывает. Вера — ощущение требует подвига жизни: труда любви и смирения. И только она дает ощущение Церкви, которого в нас так ужасно мало, о котором мы часто даже и не слышали<...>. Вот только к этому ощущению реальности святой Церкви, к ощущению ее святого пребывания в истории и вели многих из нас годы тюремной и ссыльной жизни»^[240].

Конец ссылки и административный минус. Усмань

Одиночество, оторванность от родных и скудость жизни в далекой сибирской ссылке Сергей Фудель пытался преодолевать самым достойным, самым верным способом — эпистолярным. Сын С. И. Фуделя был главным адресатом писем отца начиная с 1947 года и сохранил их в семейном архиве — эти письма составили большой корпус.

«Для меня время тянется долго, но это понятно. Мне надо совершенно свыкнуться с мыслью о том, что я должен жить один, и не год, и не два, а может быть, и до конца жизни. Если эту мысль принять как естественное, как нечто такое, что находится в каком-то плане жизни, то можно не замечать времени и здесь», — писал он сыну еще из Минусинска. Вскоре с Минусинском («горы, арбузы, пески, дикая жара, ветры, степь») пришлось расстаться, и ссылка продолжилась уже вдалеке от городских центров. «Грязная большая деревня над большой рекой, лес, озера, болота, мошкара» были вполне надежно отрезаны от крупных населенных пунктов, так что весенняя, равно как и осенняя, распутица приостанавливала даже почтовую связь по причине отсутствия мостов.

Сибирская ссылка требовала здоровья и сил — нужно было работать и зарабатывать хотя бы на самый скромный угол и кусок хлеба. Ведь в отличие от тюрьмы — в ссылке человек должен содержать себя сам. Ни на какую более или менее интересную работу ссыльный поселенец претендовать не мог. С большим трудом нашел он в Большом Улуе место конторщика — счетовода в пункте по заготовке зерна, дававшее мизерный заработок. «Попал я на такую службу, где работают и днем и вечером, возвращаюсь домой к 12 ночи, так что нет времени

Иван Дмитриевич Фудель с женой Марией Червинской и детьми Павлом (*сидит*), Николаем, Иосифом (*стоит, в центре*), Иваном. Конец XIX в

Сережа Фудель в арбатской квартире. Москва. Середина 1900-х гг.

Сережа Фудель. Москва. 1901

Священник Иосиф Фудель и его жена Евгения Сергеевна в первые годы семейной жизни

Конец XIX в Церковь Св. Николая Чудотворца на углу Арбата и Никольского пер. (ныне Плотников), настоятелем которой с 1907 г. до своей кончины был протоиерей Иосиф Фудель

Отец Иосиф Фудел

Гимназист Сергей Фудель. Подмосковье. 1910–е гг.

Студент Сергей Фудель. Москва. Начало 1920-х гг.

1933

1946

Сергей Фудель. Фотографии из следственных дел

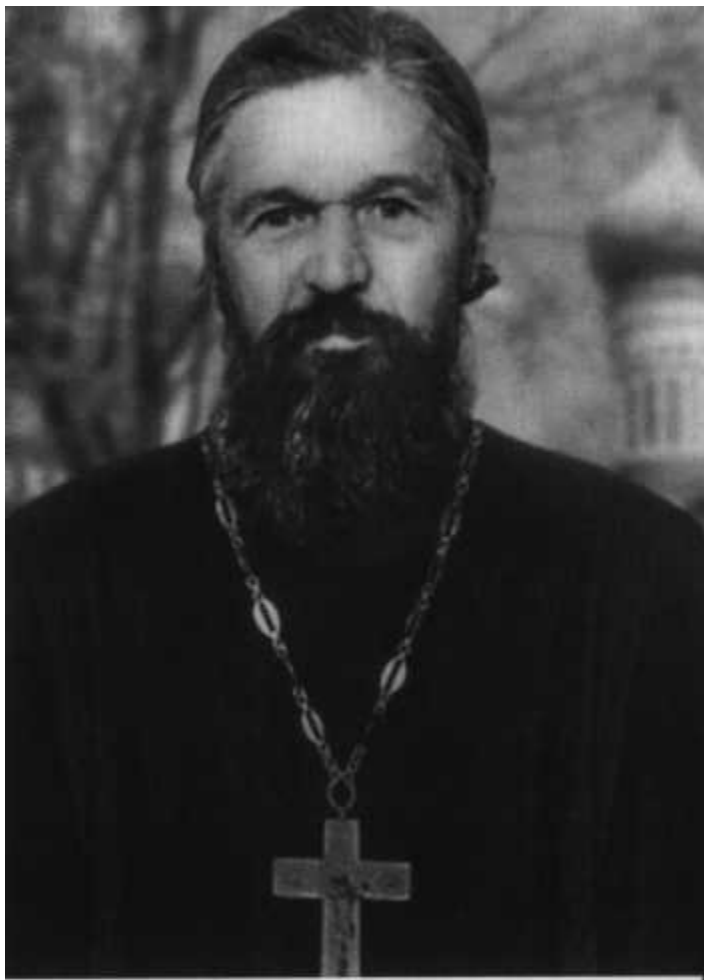
Священник Сергей Дурылин. Фотография из следственного дела.
1922

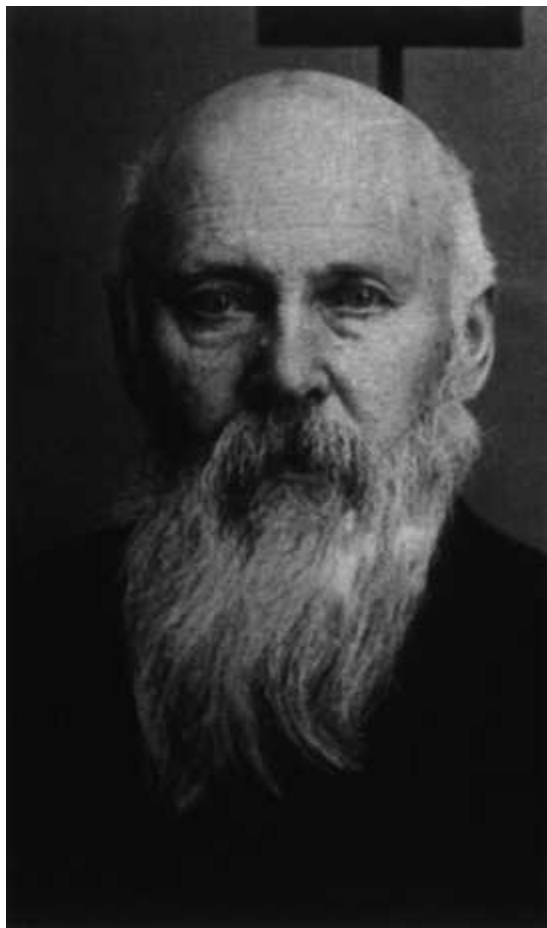
Мария Фудель. Фотография из следственного дела. 1922

Отец Сергии Сидоров 1937

Отец Николай Голубцов. Москва. 1950–е гг. (?)

Н А. Новоселов. Фотография из следственного дела. 1929

Епископ Афанасий (Сахаров). Владимир. Начало 1920–х гг.

Архимандрит Серафим (Битюгов). 1930–е гг

Епископ Афанасий (Сахаров). Петушки. 1962

Вера Максимовна Сытина, жена С. И. Фуделя 1930–е гг.

Военный билет С. И. Фуделя

С. И. Фудель в действующей армии (между двумя «отсидками»).
Загорск. 1941

на письма, и сейчас пишу во время ночного дежурства, сидя здесь,
в конторе. Но выбора здесь нет, можно остаться и совсем не у дел»^[241].

Труднее всего он переживал одиночество — мучила бессонница, порой настигали приступы тревожного беспокойства, когда ему казалось, что он может потерять себя. Крошечная мансарда, в которой он поселился, вмещала кровать, стол и табуретку; на столе стояли книги, над столом висели фотографии родных, из окна были видны лес и горы, «как раз для одинокого и неудачного философа».

Но этот немолодой, нездоровый физически человек все ссыльные годы оставался нестигаемым моральным стержнем своей семьи, опорой своим уже выросшим детям. Он не жалел ни сил, ни времени, чтобы писать обширные, почти трактатные письма студенту — сыну, насыщая их не жалобами на тяжкую долю, не просьбами о посылках или деньгах, а суждениями о прочитанных книгах, об искусстве, о вере и страданиях, об опытах прожитого и надеждах на будущее. В ссыльной переписке не столько родные поддерживали его, сколько он заботился о них и опекал, ухитряясь еще и выкроить из своего убогого жалованья хоть бы рублей сто, чтобы послать домой. Находясь в разлуке с женой не первый год, тоскуя от одинокого холодного существования, он писал, что чувствует недопустимость ее приезда сюда, в Сибирь, даже на короткую побывку: «Ведь это значит оторвать от дома массу денег, поставить под опасность огород, корову, да и здоровье Вареньки^[242], уже не говоря о здоровье самой мамы<...>. Платить такую цену только за то, что бедная наша мама, и так замученная и усталая до предела, недели две проведет в чужом доме, с своим нескладным мужем — нужно ли это?»^[243] В зрелом возрасте к нему пришло новое понимание истинных ценностей жизни. «Сейчас все больше уходит туман вокруг, и остаются на земле только живые и любимые люди, вот отчего стало страшно. Страшно: чем ближе человек к концу своей жизни, тем вся жизнь и все отношения в ней делаются для него не только все более драгоценными, но и все более реальными»^[244].

В письмах С. И. Фудель просвещал, наставлял, склонял к размышлению, делился воспоминаниями, боролся со своим «серым настроением» и внушал своим родным надежду и веру. В Москве умирала его любимая сестра Маруся, это была для него и для всех родных тяжелая утрата, но он старался писать о смерти с точки зрения жизни: смерть всякого любимого существа учит все сильнее и ближе искать источника жизни и бессмертия, точно после поражения искать

путей к мести. Как истинный философ, стараясь утешить близких в их скорбях, он выводил разговор на простор мысли — об умении жить, освобождаясь от рабского духа греха, о противостоянии равнодушию, о достижении внутренней свободы. О том, что смерть хочет безволия и небытия, потому легче всего умереть, труднее же всего — полюбить нескончаемость жизни. Он писал о самых сложных проблемах человеческого духа не отвлеченно, а вполне конкретно, и вопрос о «тесных вратах», ведущих в жизнь, был для него совершенно практическим. «Человек должен чувствовать себя всегда, как солдат на фронте. Враг — то есть духовное равнодушие к другим, отупляющее самомнение, самолюбование и самоуслаждение — не дремлет. В чем же внутренний огонь? Где источник силы терпения в ожидании грядущего в душу праздника? Где оружие против всякой самости?»^[245] На эти вопросы у Фуделя был один точный ответ: в кресте Христовом, в любви Его, в распятии вместе с Ним.

Последние годы таежной ссылки в селе, где «зимой волки бегали около самой почты, а летом расцветал шиповник», впоследствии вспоминались как время тайной радости, «как питание на будущее, как “обручение жизни вечной”»^[246].

Фудель надеялся тогда, что после ссылки еще поживет рядом с родными, наговорится с сыном, сможет хоть как-то обеспечить благополучие своих детей. Он усиленно штудировал английский, чтобы когда-нибудь, после окончания срока, жить в городе и заниматься переводами. Чем ближе был срок окончания ссылки, тем тяжелей он думал, как сможет устроиться на свободе — с семьей. Ведь жить в Москве — не разрешат. Как и чем зарабатывать на хлеб? «Многое беспокоит: возможности работы, прописки, переезда мамы^[247] и девочек, материальное обеспечение и еще многое. Иногда думается — не правильней ли будет уехать по договору года на три в Заполярье, откуда можно будет посылать маме ежемесячно рублей 500?»^[248]

Срок сибирской ссылки истек, справка об освобождении была выдана 17 мая 1951 года. Лишь в июле С. И. Фуделю выдали паспорт, были получены деньги на дорогу, но дорога эта вела все равно не домой, в Москву или Загорск. После ссылки С. И. Фуделю, как и всем репрессированным по 58 статье, полагался административный «минус»: не разрешалось проживать ближе чем в 100 километрах от

столицы. Это называлось «сто первый километр». Но надо было еще найти такое место, устроиться, найти жилье — то есть снять комнату или угол, прописаться, найти работу и решать, что будет с семьей. Все эти проблемы обрушились на С. И. Фуделя в начале июля, как только он вернулся из Красноярского края. Лишь несколько дней он рискнул провести в построенном им доме на Козьей Горке, пока соседка, муж которой работал в «органах», не пришла ночью с тайным предупреждением: «**Там** уже известно, что Сергей Иосифович приехал»^[249], — а это грозит новым арестом за нарушение паспортного режима. Ранним утром из Загорска пришлось уехать. В прописке в городе Александрове, расположенном хоть и за стокилометровой чертой от Москвы, но сравнительно недалеко от Загорска и Лавры, также было отказано.

«Итак, начинаю писать тебе из нового своего местожительства, — сообщает он сыну сразу по приезде в городок Усмань, между Липецком и Воронежем. — Я уже послал письмо маме, сообщил, что прописался, снял комнату и начал поиск работы. С работой здесь плохо. Вот уже 3-й день хожу всюду, и пока ничего нет»^[250]. За годы ссылки С. И. Фудель освоил профессию

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
УПРАВЛЕНИЕ МГБ
по Красноярскому краю
17 мая 1951 г.
№ 9/4-1107
г. Красноярск

Паспорт выдан 14/1-1951

Виден на жительство не служит.
При утере не возобновляется.

СПРАВКА

Выдана гражданину(не) Фудель

Сергею Иосифовичу

1901 год рождения, уроженцу(не)

гор. Москвы

гражданство СССР, национальность русский осужденному(ой)

Особоим. Совещаниями МГБ СССР по ст. УК

к ссылке на 5 лет, в том, что он (она) отбыл(ла) наказание и по отбытии срока

ссылки освобожден(а) 17 мая 1951 года. Следует избранному месту жительства

Зам. Нач. Отдела Управления МГБ
Калижан

(Тришин)

Зам. Нач. Отделения Управления МГБ
Муренко

(Зисман)

В уведомлении
г. Александров
отбыл
24/7/51

Справка об освобождении. 17 мая 1951 г.

На обороте: Отказ в прописке в г. Александрове. 24 июля 1951 г.
Семейный архив Фуделей

бухгалтера — счетовода, но найти в Усмани даже такую работу
было очень непросто, и получилось это далеко не сразу. Практическая

сторона жизни давалась ему с большим трудом, порой казалось, что он бьется в кругу бессилия. Надо было решать основной вопрос — как соединиться с семьей, с женой и дочерьми? Ведь запрет на прописку в Москве или вблизи от нее в 1951 году казался бессрочным.

«Последние три года я жил в глухой тайге, но не чувствовал одиночества, а теперь оно захлестывает меня как осенний ливень, — писал он в августе С. Н. Дурылину. — Трудно идти всегда одному, всегда практически ощущать пустыню. Я, как и прежде, верю только в Преображение<...>но я потерял что-то и сбился с пути. Наверное, Господь ищет от нас подвига “терпения и веры святых”, а мы тщательно закрываем в платок “серебро господина своего”. Может быть, опять придут силы и радость спасения, но сейчас трудно»^[251].

В том же году, осенью, было принято семейное решение о продаже дома в Загорске и покупке его здесь, в Усмани, или где-то поблизости, на станциях железной дороги Москва — Воронеж. Потянулись тяжелые хлопотные месяцы. Не так легко было продать дом в Загорске за приличные деньги, которых было бы достаточно, чтобы купить жилье в Усмани. Вырученные от продажи старого дома средства следовало вложить в покупку нового дома как можно быстрее, чтобы деньги не разошлись по мелочам. С. И. Фудель ежедневно обходил множество мест, где продавалось жилье, ездил на соседние станции, изучал объявления, вступал в переписку с продавцами. Длилось все это — и продажи, и покупки — страшно долго и проходило на фоне его безработицы — очень долго не удавалось найти хоть какое-то место. Теперь уже сын высылал ему ежемесячные сторублевки, и все небольшие запасы на черный день быстро таяли. Казалось, что этот черный день тут, в Усмани, как раз и настал. «На фоне безработицы внешней не работает, не трудится душа, а только изнемогает, устает и ленится».

17 VII. 51
④
Дорогой мой С. Н.

Если Вы живете и меня еще не за-
были, то напишите несколько строк
приветия, в которых я нуждаюсь.
Я живу в г. Усмань Воронежской
области Советская улица дом 56.
Я вернулся из Сибиря и живу здесь,
но не могу найти работу и думаю
о том, когда вернуться назад.
Но не только в этом моя нужда.
Последние 3 года я был в глухой
тайге, но не чувствовал одиночества,
а скорее оно захлебывалось меня
как осенний мелик. Тяжело
идти всегда одному, всегда практи-
чески ощущать пустыню. Я, как
и прежде беру толчок в Преображении,
праздник которого будет после завтра,
но я потерял что-то и сейчас, с
трудом. Наверное Твое письмо и твои
наши подвиги, терпение и вера святых

я им пытаюсь закрывать в тисках
"серебро гонимого на своего".
Нужно жить опять трудной жизнью
и радостью спасения, но сейчас
трудно. Я совсем не знаю как
Вы чувствуете, но как же все еще Вы
пересекли мою голову и мое сердце
1977г.

Дай Вам Бог всего сего Непокорного
- всего.

Ваш С. Ф.

Письмо С. И. Фуделя С. Н. Дурылину от 17 августа 1951 г. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ed. хр. 869. Л. 7–7 об.

Он чувствовал, что как-то весь обессилен и омертвел, не слышит своей внутренней жизни и совсем не справляется с «бытоустройством», настолько, что «бытие<...>надломилось, и смерть, как занавес, стала опускаться»^[252]. И это чувство выросло почти до обреченности, когда потерпела полный крах попытка устроиться в Лебедяни, городке Липецкой области, где жила его двоюродная сестра, врач местной больницы, пообещавшая продать часть дома. С. И. Фудель не раз ездил в Лебедянь, обходил лесные склады, много недель занимался ремонтом — подвал, крыша, печи; вложил много сил, трудов, а также денег в строительство, но все было напрасно: отремонтированный дом так и не был ему продан, он влез в долги, но так и не обрел ни гнезда, ни работы. Продолжались поиски дома и в Александрове, и в Боровске, но безуспешно.

Пришлось вернуться в Усмань, снова снять комнату и заняться поисками работы. В январе 1952 года он получил крошечную пенсию по инвалидности, с обязательными повторными комиссиями каждые шесть месяцев — так появился голодный прожиточный минимум. К нему на лето смогли приехать жена и дочь Варя, появилась надежда на семейное тепло. «Усмань, как и Лебедянь, — вспоминал Н. С. Фудель, — тоже степной городок, но рядом знаменитый Усманский бор — бобровый заповедник на реке Усманке, которая протекала по огородам на задах папиного дома. Он поселился там с мамой и дочкой Варей. Они делали ремонт, копались в огороде — саду, старались еще раз попытаться “свить гнездо”. Туда, в Усмань, приехала после института и сестра моя Маша с мужем, и много помогали им в этом. Папа стал отходить от ссылки: вижу — сидит в траве на берегу речки, улыбаясь зелени и теплу, а на коленях у него Машина дочка Верочка»^[253].

Только в 1953 году удалось устроиться в артель «Красное знамя» бухгалтером. Удалось наконец обзавестись® и собственным жилищем — домиком (точнее — одной третью жилого дома), холодным, ветхим, требовавшим починок каждое лето, а зимой заносимым снегом до самой трубы, с заботой о дровах, которых всегда не хватало. Одолевали болезни; к своим шестидесяти годам он был изможден и

надорван почти нищенской нуждой, недоеданием, нездоровьем, неустройством. Тягота труда, хлопот, беспокойства, неуют и холода порой казалась выше сил, выше меры, отпущенной одному человеку на одну жизнь.

Туда же, в Усмань, приехала умирать инокиня Матрона Лучкина, та самая, что в 1933 году отправилась в лагерь под Вожегу к С. И. Фуделю вместе с его женой, привезя запас сахара и сухарей, спасших арестанта от голодной смерти. Теперь она, уже неизлечимо больная, хотела быть вместе со своей церковной семьей.

«Спасает церковь, — писал С. И. Фудель сыну в конце 1958 года. — В 8 утра иногда (и часто) убегаем к будней обедне, когда в храме пустыня с горящими лампадками и полная достоверность Вечности. Там пьешь от источника и со страхом возвращаешься домой, со страхом, что по собственному бессилию не сохранишь полученное. Там же иногда узнаешь о страдании, которое безмерно больше нашего».^[254]

Начало литературной деятельности.

«Моим детям и друзьям»

Здесь же, в Усмани, на фоне «немыслимого быта» и тревожной неопределенности будущего, началась продолжавшаяся более двадцати лет подвижническая литературная деятельность Сергея Фуделя (от более раннего времени его жизни, кроме писем, остались только три десятка стихотворений).

«Я до того устаю, что просто не в силах написать тебе даже несколько связных слов»^[255], — пишет сыну в 1955 году бывший ссыльный, у которого никак не получается сносно устроиться в «вольной» жизни. Однако в том же году С. И. Фудель начал, а в пасхальные дни 1956 года завершил работу над первым своим литературным произведением, озаглавленным «Моим детям и друзьям». Это продолжение писем из ссылки — и вместе с тем что-то вроде исповеди или литературного завещания. Обычно подобные тексты создаются в конце творческого пути; Сергей Фудель, помнивший слова святых отцов о хранении *памяти смертной*, с этого начал. Двумя годами раньше в письме к невестке Лидии он писал о себе и Вере Максимовне: «Нашему браку 30 лет, и я благословляю Бога за этот путь. Теперь уже, как путникам, шедшим долго, виднеется конец пути, — конец радостный и вожделенный»^[256].

Первое церковно — литературное произведение Сергея Фуделя включало в себя все основные темы его последующего творчества, стало как бы конспектом будущих богословских работ. Впрочем, никогда сам автор не считал себя богословом и даже несколько отталкивался от этого выражения: «Только лишь “богословствующими” словами как передать наставление Господне?»^[257] Он же говорит о внушающих «благочестивую скуку» изданиях духовной литературы прошлого, благополучного времени христианства^[258], о «пустынях духовных училищ» и «кирпичах богословских трудов, книг, которые никого ни в чем не убеждали»^[259].

«Веру<...>можно только показать живым дыханием правды. Убедить можно только убедительностью своего личного счастья в ней, заразительностью своего божественного веселья веры. Только этим путем передается она, и для этой передачи рождаются слова духоносные»^[260]. Автор то и дело сетует на разрыв между доступными словесными средствами и трудно передаваемым опытом, внутренне пережитым и воспринятым от отцов и спутников на трудном пути, — опытом, который в эпоху оскудения веры грех таить в себе, а надобно все же передать хотя бы детям и близким:

«Я слишком много видел, чтобы ничего не узнать. У меня большой долг перед моими детьми, и надо попытаться его начать отдавать.<...>Мне трудно писать не потому, что я не знаю, о чем писать, но потому, что не знаю, **как** писать. Я умею писать только суконным интеллигентским языком, на котором как выразить неизъяснимые и божественные вещи? Мои слова подобны тени смертной, а нужно писать о нетлении»^[261].

И все же так велика выстраданная потребность поделиться радостным пасхальным опытом веры, что автор, то и дело запинаясь на ходу и смущаясь кажущимся своим косноязычием — «я пишу неубедительно и примитивно. Задача явно не по моим силам»^[262], — пускается в неизведанный ранее путь писательства, находя для себя извинение в том, что пишет ведь не статью, а только «записи» или «воспоминания», предназначенные для своих.

На помощь Фудель призывает сбереженные памятью «слова, идущие от Слова или от Его служителей», — слова живые и живоносные, которые «благоухают своей первозданной простотой», ибо «Дух дышит в их словесной плоти»^[263]. Вслед за апостолами Павлом, и Петром, и Иоанном, Макарий Великий и Исаак Сирин, Иоанн Златоуст и Тихон Задонский становятся как будто соавторами Сергея Иосифовича, — так органично вплетаются в ткань повествования их слова, на протяжении долгих и страдальческих лет благодарно носимые в сердце. Как пасхальными свечами озаряется душа изгнанника строфами гимнов Иоанна Дамаскина и прочих церковных песнописцев. Наряду с ними, Фудель извлекает из своей дорожной котомки и строчки Ф. И. Тютчева, которые в его интерпретации действительно «воспринимаются верующим сердцем

почти как речитатив псалма»^[264]. Выражение духовного опыта трагической эпохи видит Сергей Фудель и в строках «грешного писателя», которыми открывает свои записки:

Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят Царствие Твое!^[265]

Обилие цитат, свойственное и последующим работам С. И. Фуделя, не воспринимается читателем как нечто избыточное или искусственное. Автор словно продолжает свой долгий разговор с давними собеседниками, спутниками его заточения и изгнания.

Вместе с ними, в духе столь любимой им хомяковской соборности, охватывающей и живых, и уже отшедших членов Христовой Церкви, Фудель находит и собственные глубоко выстраданные слова, слова живые и горящие огнем причастия Духу для передачи своего сокровенного опыта: «Поиски преодоления смертности жизни на путях веры есть самое вдохновляющее чувство, которое может испытывать человек, возлюбивший жизнь»^[266]. Пылкая любовь христианского сердца к земле, согретой стопами ее Творца и Господа, согретой «дыханием Христовым, кровавым потом мучений Его»^[267]; благодарная память о «подлинно бывшей хорошей церковной действительности»^[268], связанной прежде всего с образом отца Иосифа, самого дорогого человека, вера которого оставалась опорой для сына в тяжкие времена искушений и душевных шатаний; драгоценные воспоминания о пасхальных ночах, когда великое прощение вновь возвещается тесной толпе молящихся, многогрешному городу и всему миру^[269], — все эти свидетельства «осуществления ожидаемого» (Евр. 11, 1), предошущения будущей жизни, начинающейся здесь, сплетаются в записях Фуделя с горечью и тревогой.

О чем? О том, что в ночи жизни так многие «не видят огней Воскресения»^[270]. О том, что самые слова «духовность» и «святость» остаются чуждыми для большинства современников, включая, возможно, и непосредственных адресатов записей — детей Сергея Иосифовича. О собственной жизни, которая — с исповедальной прямоотой говорит автор — была полна измен Жизни подлинной, так что в душе состояния радостной уверенности и благодатной

просветленности были редки как просветы лазурного неба среди греховных туч непонимания, скуки, соблазнов и раздражения. А оттого недостаточно убедительным кажется теперь всякое слово. И не так просто бывает порой опереться на помощь Церкви, ибо постижение ее сокровенной сущности само по себе требует глубокой веры, а на поверхности церковной жизни — столько соблазна и неправды.

От всего этого рождается горестное «ощущение конца христианства как общественной силы»^[271], подготовленного самым страшным бедствием столетий наружно благополучной казенной церковности — долгим, постепенно нараставшим разрывом между вероучением и подвигом очищения сердца. «Поколение за поколением мы теряли веру, со спокойным благодушием держась за внешние признаки религиозного состояния»^[272]. И это «теплохладное» состояние, обличенное в словах Откровения Иоанна Богослова (Откр. 3, 15), страшнее прямого неверия. Считающие себя верующими даже и не осознают оскудения своей веры, не ведая, что есть жизнь в невидимом мире Духа Божия, не зная вкуса вина бессмертия, которое начинает пить человек уже теперь на земле. Утратился водораздел между христианством и миром. А от того происходят утрата острого чувства греха и неспособность покаянием вступить во врата Царства Божия. Потому что только осознание реальности греха позволяет познать реальность огненного преобразования человека. «“Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их” (Мф. 7,14).<...>Века благополучия во внешнем христианстве приучили нас как раз к тому, чтобы не делать над собой никаких усилий, то есть не искать узкого пути. Отстоять часа два великолепное, многокрасочное богослужение, а потом ехать домой, чтобы есть пироги со всеми начинками, — для этого не требовалось большого усилия. Через это благополучие входило в открытую дверь неверие»^[273].

Фуделю особенно близки прозвучавшие еще в XVIII веке слова святого Тихона Задонского: «Всякая внешность без внутренности ничтоже есть». Не живущие жизнью Духа не являются гражданами Божия Царства и стоят вне Церкви. Они «хуже идолопоклонников», поскольку «солгали Богу, и обетов своих не хранят», хотя созидают храмы и ходят в них, молятся, приобщаются Святых Таин «и прочие христианские знаки показывают»^[274].

Однако и в следующем веке продолжался в Русской Церкви «процесс гниения»^[275], достигший предела накануне революции и приведший к ней. Оттого так неудержимо влечется сердце к эпохе «первой любви» (Откр. 2, 4) под «вечно голубым небом первохристианства»^[276], когда устремленность верою к Богу «была так неодолима, что совершаемые грехи как бы “не успевали” ее задержать»^[277]. Хочется вместе с Павлом и первохристианскими святыми «забывать заднее и простираться в перед (Фил. 3, 13–14). И передать грядущим поколениям пронесенные сквозь страшные годы «не самоуверенное знание богослова, а скорбь, воздыхание и чаяние сердца», при всем несовершенстве своем уязвленного любовью небесного Духа. Ощущающим себя еще не достигшими свойственно не гордое отгораживание себя, а «жадное вслушивание в каждого, чтобы найти нечаянную радость и друга»^[278]. Путникам к земле обетованной среди оскверненных храмов и руин наружной церковности безвозвратно ушедших времен по — новому открывается Церковь — как дружба и радость, как зеленеющий луг, которым внезапно расцветает пустыня:

«Как же я, возлюбив своего Учителя, не возлюблю Его учеников, как же рука моя в холодной и беспросветной ночи земного странствия не будет искать для опоры их теплой руки?<...>Церковь в ее<...>единственно реальном смысле есть вселенская дружба учеников<...>чем ближе люди к Богу, тем сильнее их дружба. Это все давно раскрыто в словах аввы Дорофея^[279].<...>“Вы други Мои” (Ин. 15,14), — сказал Господь при основании Церкви в последнюю ночь. Ночью была создана Церковь, долгая ночь — весь ее исторический путь до второго прихода Господня, и кто же среди ночи в трудной дороге не ищет спутников? Только гордое сердце, еще не имеющее Бога. Поверившему действительно в Бога, то есть уже реально полюбившему Его, пустыня пути расцветает Церковью. Нет большей радости для человека в пустыне увидеть, что он не один, что кругом по тропинкам, как после 12 Евангелий в Великий четверг, идут огоньки людей. Вот где радость и вечно весенний воздух Вечности — Церковь учеников Христовых!»^[280]

Святая Церковь создается святостью живущих на земле святых, «хотя бы их было два или три человека. “Где двое или трое собраны во

имя Мое, там Я посреди них” (Мф. 18, 20). Всякое наше святое действие и святое воздыхание созидают святую Церковь. Всякое наше зло выкидывает нас с корабля Церкви, причем при этом мы часто увлекаем за собой и других»^[281].

Но «не зная слова Божия, как может человек преодолеть соблазны, отовсюду находящие на него в церкви? Где Церковь святая и где просто люди, почему-то считающие себя церковью? Где Божие и где человеческое?»^[282] Оттого тяжким искушением для сердца искреннего, но еще не обогатившегося личным опытом познания Церкви, бывает «внешний двор храма», отданный язычникам (Откр. 11, 1–2), или «не святая, иногда очень темная и страшная церковь, — церковь тех, кто, по слову святителя Тихона Задонского, “хуже идолопоклонников”, церковь соблазняющая и отводящая от истинной Церкви, окружающая (или вкрапленная, как плевелы в пшенице на поле) святую и вечную Церковь Невидимого града»^[283].

«Врата адовы» (Мф. 16, 18) борются с Церковью не только извне, но внутри ее. Но так было с самого начала исторического ее бытия. Об этом всякий раз напоминает нам икона Тайной вечери, традиционно помещаемая над царскими вратами алтаря. Среди апостолов — предатель Иуда. «Века проходят, и ежедневно выносятся Чаша, а сверху всегда то же напоминание. Если Тайная вечеря, несмотря на присутствие Иуды, осталась для человечества началом Церкви, началом весны человечества, то что может быть большего у нас?! Все то же самое в меньшем размере. “Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство” (Лк. 12, 32)»^[284].

Исповеданием веры в несокрушимую святость Церкви станут многочисленные работы, написанные Сергеем Фуделем в последующие годы. Донести выстраданное трудным опытом — в этом видел он свою задачу, хотя прекрасно понимал: «В Церковь начинаешь верить и ею начинаешь жить, только почувствовав ее дыхание, — никакие статьи здесь не помогут»^[285].

Едва ли тогда, в 1956 году, Фудель мог знать, сколь многим читателям его трудов он поможет именно в этом: ощутить *дыхание Церкви* как глоток свежего воздуха в удушливой атмосфере тоталитарного государства, где и сама церковная организация так легко

могла восприниматься как всего лишь дозволенная часть всеобщей системы.

«Ищи Церковь! Ищи счастливое человечество. Оно начинается в духовном общении между двумя — тремя»^[286], — писал сыну С. И. Фудель. Он сумел указать путь многим. По скромным масштабам советского *самиздата*, широк оказался в будущем круг его *детей и друзей* — тех, кто воспринял слова его записей как лично обращенные к себе.

Выход в самиздат. «Путь Отцов»

Продолжением литературного труда стали завершённые к Троицкой субботе 1956 года воспоминания об отце Иосифе, многократно цитированные в начале нашей книги^[287]. Эта работа тоже предназначалась первоначально лишь для узкого семейного круга, включавшего, возможно, немногих друзей. С. И. Фудель хотел воздать долг памяти отцу, который так много значил в его жизни, мысленно воротиться в те годы юности, когда ему и его сестре Марии любовь Божия, неразрывно связанная с любовью родительской, открывала «столько света в жизни, столько тёплой земли и благоухания весны вечной»^[288]. Однако и эти воспоминания приобрели значение, выходящее далеко за рамки семейной хроники. В новой работе настойчиво повторялась мысль о том, как трудно было отцу Иосифу, при всем его даре созидающей веры, отстаивать верность церковному преданию и быть свидетелем чистого христианства среди, казалось бы, благополучного существования Церкви в «православном государстве». Воспоминания стали одним из ярких отображений духовного облика предреволюционной эпохи.

Законченная в первоначальной редакции к марту 1957 года работа «Путь Отцов» была изначально ориентирована на более широкий круг читателей. Однако и в этом случае Сергей Фудель не считал ещё, что приступил к какому-то особому «писательству». Свою задачу он понимал скромно: во времена почти полной недоступности святоотеческой литературы для большинства верующих в России поделиться хоть с кем-то теми золотыми словами святоотеческой мудрости, от которых загоралось огнем его собственное сердце. За первые годы после возвращения из ссылки он составил две толстые тетради, озаглавленные «Выписки из творений Отцов — подвижников». В основном они были почерпнуты из пяти томов «Добротолюбия» в русском переводе святителя Феофана Затворника. Кроме того, немало выписок было сделано и из других подвижнических творений: «вопросов-ответов» Варсонофия Великого и Иоанна Пророка, слов преподобного Симеона Нового Богослова, наставлений преподобного Серафима Саровского, изречений русских

подвижников благочестия XVIII и XIX веков, сочинений святителей Тихона Задонского, Феофана Затворника и Игнатия Брянчанинова, писем старца Амвросия Оптинского, дневниковых записей аввы Силуана Афонского. Ни одна из книг, прочитанных Фуделем, не возвращалась владельцу прежде, чем из нее извлекались обширные цитаты. Далеко не всегда для этого находилась новая ученическая тетрадка: нужда заставляла делать выписки на всевозможных клочках бумаги — обложках использованных детьми тетрадей, оборотных сторонах медицинских рецептов или каких-либо квитанций, пустых конвертах от писем...

Однако, несмотря на краткость авторских обобщений и комментариев, сопровождающих собрание более тысячи выдержек из библейских, литургических текстов и творений свыше семидесяти духовных писателей разных времен, «Путь Отцов» — много более, чем коллекция цитат. Любящее, понимающее сердце и выстраданный личный опыт открываются на каждой странице этой антологии. Сам автор позднее определял цель книги так: «Дать современному христианину, живущему “в миру”, сборник для чтения по монашеской аскетике, вне которой непонятно то первохристианство, к которому, очевидно, постепенно будет возвращаться ход церковной истории»^[289]. Ему хотелось таким образом попытаться «хоть как-то передать всю глубину, радость и премудрость Отческого пути»^[290], преодолеть привычное для многих раздвоение христианства на «жизнь духовную для монахов и жизнь недуховную для мирян»^[291] — раздвоение, доставшееся в качестве «самого тяжкого наследства» от ушедшей долгой эпохи церковного благополучия.

Первым же подступом к этой работе послужили попытки объяснить значение аскетического подвига для человека в миру, предпринятые Сергеем Фуделем еще в письмах из ссылки к сыну:

«Те, кто не хотят<...>подчинения плоти, вступают на путь больших мучений и длительного труда, иногда кажущегося совершенно безнадежным, но иногда вдруг открывающего внутри ума и сердца<...>такие голубые небеса и золотые солнца, что у человека замирает душа от предчувствия блаженства победы, и он готов трудиться еще 1000 лет.<...>Блаженство предощущаемое, счастье и тишина прозреваемая столь неизреченно велики, что они могут только как молния озарить на минуту душу, и вновь она остается в потемках. И

вот тогда начинается труд *не забыть*<...>, труд хранить в себе *память* тех мгновений озарения, труд искания их *вновь и вновь*, стучать перед захлопнувшейся дверью<...>как нищий перед дверью к сокровищам. <...>Тогда человек показывает, что он действительно возлюбил то, что он получил когда-то на минуту, и теперь хочет получить это навсегда. Он не может *быть* без этого, он задыхается вне этого, и он готов все отдать за однажды открывшееся перед ним сокровище.<...>Для меня самого здесь нет отвлеченности, все вполне конкретно. Всегда искать, всегда жаждать, всегда трудиться<...>. Это самоограничение<...>, это терпение чужих недостатков, это непрестанное трезвение, чтобы заслужить хотя бы грошек “того” вина, это постоянное “выхождение” из своей скорлупы к людям, на помощь к ним, на утешение к ним»^[292].

Позднее, из Усмани, Сергей Фудель писал о том же коротко, но не менее внятно: «Потому-то и пленителен так религиозный подвиг, что он упраздняет будни, утверждает непрестанную борьбу за праздник души»^[293].

Но то, что внутренне казалось таким ясным, нелегко было донести до выросших в условиях советского времени. Возникало ощущение, что драгоценные слова — «усилие», «подвиг» — будто обросли «грязным и скользким наростом столетий человеческого лицемерия и лжи». Потому и думалось, что «блаженнее всего говорить не от себя, а “искать следы Отцов”, отыскивать в забытых книгах золото слов»^[294]. И крепко выросшее еще в ссылке убеждение, что «не к XIX — му и не к XVIII — му веку зовет нас Бог, а сразу к первому: к первохристианству, к первоначальному теплу богообщения»^[295].

Тем не менее созданию книги предшествовали внутренние сомнения. Вспоминались уже изданные труды, «сплошь составленные из выписок, которые никого не убедили»^[296]; казалось, что всякое писательство о христианстве теперь бесплодно, и лишь живая личная вера может стать действенным свидетельством. Страшил «неумолимый закон Божьего осуждения», грозящего тем, кто говорит о заповедях, а не исполняет их. В ранних редакциях сохранилась авторская исповедь, не вошедшая в окончательный текст «Пути Отцов»: «Сознание двойной ответственности гнетет меня и, говоря искренне, я бы не стал писать, если бы не преследовала меня назойливая мысль о каком-то неизвестном друге, который, может быть,

недостаточно зная учение Церкви о сокровенной христианской жизни, что-то начнет узнавать через мои выписки»^[297]. Оправдание своей попытке дать читателям представление о пути Отцов — подвижников Фудель нашел наконец в словах преподобного Нила Синайского: «Говорить надлежит о хорошем и тому, кто не делает хорошего, чтоб, устыдясь своих слов, начал и он делать»^[298].

Действительно, «убеждает только дыхание уст»; и вот с любовью собранные Сергеем Фуделем «слова, приоткрывающие духоносную жизнь святых, как приоткрытые двери в их кельи»^[299], стали источником вдохновения для многих. Предчувствие автора сбылось: «Путь Отцов» стал первым его трудом, который начал широко перепечатываться в религиозном самиздате, несмотря на необычно большой для такого способа распространения объем в две с половиной сотни машинописных страниц. По словам отца Владимира Воробьева, «в то время, когда даже Евангелие найти было трудно, когда “глад слышания слова Божия”^[300] достиг небывалой силы», эта и последующие работы Сергея Иосифовича «жадно читались ищущими веры и духовной жизни»^[301].

В авторскую рукопись «Пути Отцов» вложена записка неизвестного современника: «Мне хочется как-то выразить, **насколько** мне дорог и как я глубоко ценю труд “Путь Отцов”. Стоит открыть его в любом месте, и в сердце входят “жизнь”, “тепло”, хочется плакать и читать, читать и проникаться»^[302].

Не доверяя себе, Фудель отдал рукопись на отзыв старому другу по первой Усть — Сысольской ссылке — епископу Афанасию (Сахарову), строгому подвижнику, архиерею традиционного склада, в чем-то даже чуждого Сергею Иосифовичу. С октября 1955 года владыка Афанасий, освободившийся наконец после тридцатилетнего скитания по тюрьмам и ссылкам, обосновался в поселке Петушки Владимирской области. Ненадолго он даже стал вхож в официальные круги Московской Патриархии, возглавив ее Календарно — богослужебную комиссию.

Суждение святителя о предложенной ему рукописи отличалось особой теплотой. Он писал: «Милость Божия буди с вами, милый и дорогой мой Сереженька!<...>Господь да поможет Вам шествовать “путем Отцов”<...>. Идея “монастыря в миру” для меня особенно дорога, и пропаганду ее я считаю существенно необходимой... Вы

знаете меня, что я не аскет- созерцатель... Я уставщик, обрядовер и, может быть, даже в некоторых отношениях буквоед. Я, говоря о “монастыре в миру”, стал бы говорить о внешнем поведении православных христиан — монахов в миру. Ваша книга прекраснейшее богословское обоснование возможности “монастыря в миру”, — что писания отцов — аскетов могут быть полезны не только монахам, но и мирянам.<...>Я очень бы хотел, чтобы ваша книга была напечатана. Знаю, что это теперь не легко. Но если вы разрешите, я попытаюсь нащупать почву»^[303].

Осуществить это намерение при жизни обоих, конечно, не удалось. Однако все советы владыки Фудель исполнил, дополнив свою работу ссылками на источники цитат, не указанные в первоначальном рукописном варианте. С этого времени что- то похожее на общепринятый научный аппарат стало появляться в произведениях С. И. Фуделя. В конце 50-х — начале 60-х годов автор неоднократно подвергал рукопись содержательной и стилистической переработке. Из другого письма владыки Афанасия^[304] известно, что работа получила также одобрение старцев знаменитой Глинской пустыни^[305], где в те годы жили уцелевшие многолетние узники ГУЛАГа схиархимандрит Андроник (Лукаш) и архимандрит Таврион (Батозский).

В наследии Отцов пустыни и последующих аскетических писателей Сергей Фудель искал для себя и своих современников не те уставные нормы и правила, которые были обусловлены монашеским строем жизни и условиями своего, столь далекого от советской России, времени. Попытка буквального следования многим предписаниям «Добротолюбия» в совершенно иных обстоятельствах, как он хорошо понимал, может привести лишь к мертвящей стилизации, когда внутри — не «сокрушенное сердце», а «какой-то речитатив чужих слов». А ведь «лучше не знать чужих слов, чем потерять свое единственное и личное слово Богу»^[306].

В «средневековом лесу» подвижнических творений Фудель старался указать начинающим читателям «евангельскую тропу», которая и является подлинной магистралью православной аскетики. Автор определял ее как «борьбу с телом смерти во имя созидания тела нетленного»^[307]. По глубокому убеждению С. И. Фуделя, церковная эпоха, наступившая с падением иллюзий о возможности

существования христианского государства, неуклонно возвращается к первохристианству. Конечно, не в смысле археологической реставрации или реформаторства в духе «живоцерковников», которые также претендовали на возрождение раннехристианских норм. Первохристианство как всецелую сосредоточенность на Христе и отделенность от мира сего, как открытость к творчеству новых форм древней силы и совершенства надо искать не позади, а впереди, в грядущей истории. Вместе с тем первохристианство в понимании Фуделя — как вера, ищущая своей первой любви, как продолжающаяся Пятидесятница — живет в Церкви всегда. Оно присутствует в подвиге мучеников, оно сияет в очах тех, кто идет истинным путем Отцов, верных последователей Учителя. «Чем больше внимаешь их словам, тем все больше вдыхаешь воздух первохристианства»^[308]. Дать в душе простор для любви Божией, которая способна и дальше вести человека в его личном подвижничестве, то есть долгой борьбе за любовь, — в этом видел Сергей Фудель главную суть учения Отцов. В таком именно смысле он называл истинное монашество непрекращающимся первохристианством.

Распространенному пониманию православной аскетики, в котором на первых местах выступают страх и послушание, Фудель противопоставлял аскетику любви, утверждая, что только любовь к Богу, как первоисточная сила, которой питается сердце, может довести до Бога, может породить в душе человека живую веру и побудить к истинному подвижничеству. «Отцы сказали нам слово, взятое из самого сердца первохристианской Церкви: “Любовь есть источник веры!”»^[309] Любовь вводит в сердце непрестанную память о Боге. Хранение этой памяти в эпоху духовного оскудения — вот в чем автор видел главную задачу христианина — современника. Все меньше становится в мире помнящих Господа, «и небо без них все строже, и осень все холоднее». Смысл жизни и призвание оставшихся — тем более ответственное, чем их меньше — Фудель выражал предельно просто: «Теплом своего дыхания бороться с холодом мира»^[310].

Отцы определяют память Божию как движимую любовью жизнь человеческого духа, стремящегося к постоянному единению с Богом. Это единение обретается прежде всего в молитве. Но и молитва может стать лишь механическим действием, если нет искреннего искания

Бога всей жизнью. «Богу нужны не наши “правила”, а наша любовь»^[311]. Искреннее принятие Евангелия означает изменение жизни, неизбежный отказ от привычных и спокойных представлений о ней. «Божественный покой Евангелия достигается через великое беспокойство души о том, чтобы этого покоя достигнуть»^[312]. Это беспокойство, или спасительная печаль, соединенная с памятью смертной и надеждой на бессмертие, — единственный путь к Богу. Не оставляя своих земных дел, человек, ищущий спасения, обретает подлинное достоинство и избавляется от нервной суеты, «обретает поступь вечного существа.<...>Он начинает слышать иные миры, и на его голову, утомленную зрелищем земного тления, веет воздухом освобождения»^[313]. Путь восхождения к совершенной любви начинается от первоначальной любви и веры, какими бы малыми они ни были. Смирение и покаяние как постоянное дело преобразования жизни, как отречение от греха, отказ от всего, что мешает идти за Христом, сопутствуют вере и любви. Взаимным отношениям веры, любви, смирения, самоотречения и страха Божия, то есть боязни утратить обретенное сокровище любви к Богу, посвящены проникновенные страницы «Пути Отцов».

Ярко и убедительно раскрывает Сергей Фудель учение Отцов о духовном подвиге как усилии человека в его устремленности к Богу. Подвиг есть ответ Богу, данный не словами, а всей жизнью. Он включает триединство молитвы, воздержания, любви. Но

Первичная сила.

„Я разудил всего у вас не
знающих ничего, кроме Иисуса
Христа и прихода раскаяния“.

Ап. Павел.

Паче́й Бо́жиз в верховней суде е́сть паче́й
любви. Только любовь к Богу может давать 90
Бога, а потому только она е́сть и́а первоначна́я
сила, ко́торой паче́й суде.

„Предупре в любви Мой“, сказал Он ученикам
Своим. Это знание предвзает в любви и Того
ду? — Это знание негустанно паче́йватъ о Нем,
негустанно предвзает в единении с Ним по
духу“ (Ев. Иноким Братя).

Нельзя определить паче́й Бо́жиз только как
„Крайнюю мощь, негустанно содержащую в уме“.
Это определение правильно только формально, а
потому не совсем правильно.

Царство Божие — не плата за труды. Оно обретается как дар. Горделивое подвижничество, древняя болезнь фарисейства, уводит человека и от Бога, и от подлинного познания себя самого.

Нельзя недооценивать значение воздержания, которое освобождает душу от неестественного рабства страстей, чтобы идти за Богом, а тело делает достойным вечности. Однако всякая ненависть к телесной стороне жизни человека чужда пути Отцов, устремленному к воскресению во плоти. Духовность — это не презрение к телу, а преобразование всего человека Духом Божиим. Неизменным святоотеческим принципом было и остается подчинение телесного подвига (пост, ограничение сна, отказ от комфорта), помогающего в борьбе с телесными страстями, — «внутреннему деланию», то есть освобождению от душевных пороков, ибо лишь «очищение души может надежно изгнать не только душевные, но и телесные страсти»^[314].

Говоря словами древних и позднейших Отцов о посте, о послушании, терпении, смирении, памяти о грехах, Фудель возвращает читателю подлинный, первоначальный смысл этих аскетических понятий, который порой кажется как будто стершимся от долгого и не всегда верного употребления. Вместе с тем ценность этих и всех других аскетических добродетелей относительна: нельзя забывать, что целью всякого подвижничества является обретение совершенной любви. «Ведь на суде Божиим с нас не спросят, постились ли мы, молились ли, но только — любили ли мы? Так как этот вопрос все включает, и это будет Страшный суд любви»^[315]. Любовь к людям не поддается фальсификации, она требует идти на жертвенный путь креста, забыть о себе и искать в людях Бога. И именно она удостоверяет, что воздержание и молитва действительно приближают нас к Богу. Как бы далеко мы ни отстояли от завершения пути Отцов, озарения святых помогают не сбиться с дороги.

Приложение «О жизни в миру», которым завершается книга «Путь Отцов», посвящено развитию темы «монастыря в миру», воспринятой Фуделем от отца Валентина Свенцицкого, с которым он разделял заключение в Бутырской тюрьме в 1922 году, а тремя годами позже встречался в Москве, когда оба вернулись из ссылки: Свенцицкий — из Пенджикента, а Фудель — из Зырянского края. В этот, последний и недолгий московский период^[316] отец Валентин проповедовал, что

новая эпоха гонений на Церковь настоятельно требует создания «невидимого монастыря в миру<...>, дабы те побуждения, которые влекли людей в монастырь, нашли себе удовлетворение здесь, в миру, ввиду невозможности уйти за каменные монастырские стены.<...>Человек<...>, и не уходя из мира, должен идти по пути такого же внутреннего делания, которым шли люди в условиях прежней монастырской жизни»^[317]. По воспоминаниям Фуделя, горячая проповедь отца Валентина в это время побудила многих стать на путь молитвенного подвига, искать непрестанного горения духа. «Молитва, — говорил он, — воздвигнет стены вокруг вашего монастыря в миру»^[318].

Впрочем, Свенцицкий не проповедовал чего-либо по существу нового: идея «монастыря в миру» имела широкое хождение в Русской Церкви в начале XX века и связывалась также с именами глубоко почитаемых московских протоиереев Валентина Амфитеатрова († 1908) и Алексия Мечёва.

Продолжая эти мысли, Фудель утверждал, что следование евангельскому учению Отцов в современной мирской жизни есть единственный реальный способ сохранения христианской веры в обезбоженном окружении. «Христианский путь в истории всегда знал и знает, как охранять свою верность Богу, не уходя из мира.<...>Монастырь в миру есть борьба со своим обмирщением.<...>Он есть сокровенная духовная жизнь»^[319]. И эта жизнь духа должна быть тем более напряженной, что теперь нет больше возможности укрыться за высокими стенами, отгораживавшими монастырь от тления, господствующего в мире.

Сила Божия способна преобразить в домашнюю церковь обычную мирскую или семейную жизнь. И в этом — «великая радость всеобъемлющей полноты христианства. Вся широта жизни уместается на его узком пути. Кто был членами Апостольской Церкви, теми, которым апостол говорил: “Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас” (1 Кор. 3, 16)? Монахи ли в длинных черных одеждах и с четками в руках? Это были все: и жены, и мужья, и девствующие, и находящиеся в браке, не знавшие еще ни четок, ни даже наших икон и воздевавшие свои чистые руки к Тому, Кто судит намерения сердечные, а не одежду.<...>Все сводится к любящей вере, — к вере, действующей любовью, которая делает и людей, живущих в мире, чуждыми мира и

перемещающими себя в Божественный мир.<...>Для этих людей и невозможное делается возможным, и далекое Царство Божие — близким и радостным огнем. Когда я знаю, что были или есть такие люди, тогда и моя жизнь становится мне легка и благословенна, и, слыша прощение Божие, неудержимо идешь по этой земле, как по земле святой»^[320].

О том, что «монастырь в миру» не оставался лишь литературной мечтой, что его опыт пережил всю духоту советского времени и оказался востребованным в новую эпоху церковной свободы, свидетельствуют воспоминания нынешнего наместника знаменитого московского монастыря, выросшего в нецерковной семье на Урале и получившего свой опыт познания Церкви в 60-е годы среди подвижников веры, подобных тем, о которых писал Сергей Фудель: «Монастырь в миру — удивительное явление, существовавшее в советское время, оно напоминало жизнь первых христиан среди языческого мира, освещавших людей лучами любви Христовой, привлекавших к Нему их сердца. Это яркое свидетельство того, что монастырь — не стены, а состояние человека, его всецелая направленность к Богу. На меня произвели неизгладимое впечатление эти люди, которые, служа людям, жили в миру, но сами ему уже не принадлежали. Они были настоящими *иноками*, то есть иными людьми, не такими, как все вокруг. Но в чем это “иное” заключается, понять я тогда не мог»^[321].

Новые работы Усманского периода

К книге «Путь Отцов» примыкает работа «Церковь верных», написанная в августе — ноябре 1959 года. Новая рукопись тоже была одобрена святителем Афанасием, который, прочитав ее, на Рождество 1960 года повторно высказал С. И. Фуделю несбыточное по тому времени пожелание: «Я очень хотел бы, чтобы ваши писания были напечатаны в церковном журнале»^[322].

Статья пронизана глубокой, светлой верой в Церковь — и столь же глубокой болью за ее земные судьбы.

Стоит вспомнить, в какое время начиналось писательство Фуделя на церковные темы. В январе 1959 года на съезде КПСС Н. С. Хрущев выступил с лозунгом «развернутого строительства коммунистического общества», что предполагало усиление борьбы с религией, рассматриваемой как «пережиток прошлого». Ясно было, что пережиток непременно должен «отмереть» прежде, чем коммунизм будет построен. В марте того же года Центральный комитет партии принял постановление о необходимости улучшить «массово — политическую работу среди трудящихся», в том числе и «научно — атеистическую пропаганду». Вскоре массовым тиражом начали издавать атеистический журнал «Наука и религия». Были приняты меры к резкому сокращению количества монастырей и духовных школ, а затем и приходских храмов. В газетах стали появляться заявления священнослужителей о «разрыве с религией». Усилилось давление на иерархов со стороны правительственного Совета по делам Русской Православной Церкви. На смену послевоенному периоду относительного затишья и даже восстановления церковной жизни пришло новое наступление на Церковь в СССР^[323].

В этих условиях церковное руководство вынужденно шло на новые компромиссы с безбожной властью. Одно из средств выживания Церкви в советской России иерархи видели в приобретении международных связей. Но за все приходилось платить, и представители Церкви порой были вынуждены выступать на мировых христианских форумах с заявлениями в духе советской пропаганды. Подобного же рода публикации регулярно появлялись на страницах

«Журнала Московской Патриархии». Все это вновь заставляло вспомнить о политическом приспособленчестве «живоцерковников», с которым Фудель боролся в начале 20-х годов, а также о последующей довоенной эпохе с ее разделением на «поминающих» и «непоминающих» митрополита Сергия после издания его «Декларации»^[324].

Среди «непоминающих» тогда оказался духовник Сергея Фуделя архимандрит Серафим (Битюгов), как и большинство его друзей, его спутников по тюрьмам и ссылкам: митрополит Кирилл, епископ Афанасий, Михаил Новоселов, священники Михаил Шик, Сергей Сидоров, Владимир Криволицкий, Петр Шипков, Димитрий Крючков, «маросейская» община духовных детей отца Алексия Мечёва.

Одним из видных руководителей этого движения с января 1928 года стал отец Валентин Свенцицкий. Но затем он пришел к выстраданному убеждению, что никакие грехи и компромиссы иерархов не могут оправдать раскола в Церкви. В написанных в сибирской ссылке «Диалогах», тайно пересланных в Москву и передававшихся в списках из рук в руки, отец Валентин писал: «Нечистота отдельных душ стоит вне Церкви.

<...>В каждом акте греха верующий, в этом грехе, разъединяется с Церковью.<...>Поскольку человек согрешил, постольку он не составляет ее тела»^[325].

За месяц до кончины в 1931 году смертельно больной отец Валентин послал митрополиту Сергию из глухой деревни в Красноярском крае письмо, в котором каялся, что «дерзнул не подчиниться святым канонам». На пороге смерти священник просил простить ему грех и воссоединить его со Святой Православной Церковью, подчеркивая, что желает теперь лишь одного — умереть в единении с нею. Своим духовным чадам он писал: «Ваш духовный отец сделал страшную духовную ошибку и тяжело согрешил.<...>Свое личное разумение и свое личное чувство я поставил выше соборного разума Церкви, выразившегося в святых канонах. Я умираю и перед лицом смерти сознаю этот свой страшный грех перед святой Церковью и перед вами. Простите меня ради Христа и вернитесь вместе со мной в лоно Православной Церкви»^[326]. В ноябре тело скончавшегося священника, не дожившего до своего пятидесятилетия, привезли в Москву, где его торжественное отпевание в храме Троицы на Листах

при огромном стечении богомольцев, заполнивших весь двор, возглавили два «сергиевских» архиерея — владыки Питирим (Крылов) и Варфоломей (Ремов), оба впоследствии расстрелянные, как и многие из священников, участвовавших в этих похоронах^[327].

Фудель, деливший со Свенцицким бутырскую камеру, запомнил его как человека «большого и трудного», духовного борца, еще не достигшего покоя, но всегда устремленного ко Христу. И трудно найденное отцом Валентином разрешение мучительного вопроса о зле, обретающемся в церковной ограде, запечатлелось в сердце Сергея в виде краткой и, по его убеждению, благодатной формулы: «Всякий грех в Церкви есть грех не Церкви, но **против** Церкви»^[328]. О том же говорил еще в 1922 году епископ Афанасий (Сахаров) в проповеди, текст которой вскоре был изъят при его аресте: если в вечно живой Церкви и есть члены, омертвевшие от греха, то эти члены отсекаются от нее; «говорить же об оживлении Церкви нельзя, потому что она жива вечно»^[329].

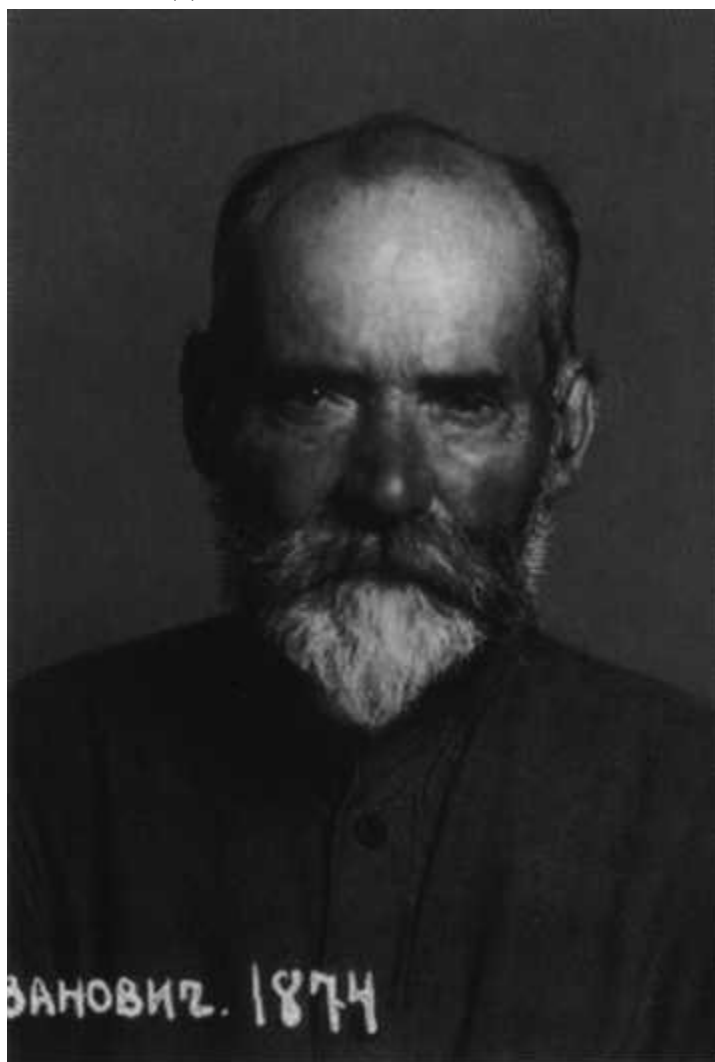
Поэтому когда в 1945 году владыка Афанасий признал патриарха Алексия I законно избранным главой Русской Церкви и призвал своих духовных чад к воссоединению с Московским Патриархатом, Сергей Иосифович сердцем принял правоту такого решения, тем более что еще раньше, в 1943 году, его убеждал не отходить от «легальной» Церкви почитаемый им подвижник молитвы и бывший узник епископ Тихон, затворнически живший в Ярославле сын Л. А. Тихомирова^[330].

Фудель никогда не осуждал тех, кто, в отличие от него самого и большинства его друзей, до конца своих дней оставался в иссякающих кружках «непоминающих» или просто отошел от церковной жизни, что стало уделом многих. Но сам Сергей Иосифович был твердо убежден, что уход в раскол из-за упадка верности в среде верных есть религиозное недомыслие. Надо хранить единство церковной общины «даже и в том случае, если она все больше наполняется духом, чуждым ее апостольской чистоте»^[331]. Самому не участвовать в «бесплодных делах тьмы» (Еф. 5, 11), испытывать и судить себя, а не других, не принимать за Церковь ее «темного двойника» и, идя по завещанной Отцами дороге веры и любви, подвига и постоянного искания благодати Царства, — не терять из виду, что Церковь Христова «по —

прежнему живет и действует в современных святых» — даже в самое страшное время «иссякания христианства в истории».

«Благодатная формула» Свенцицкого отнюдь не была для Фуделя интеллектуальной уловкой, позволяющей унять тревог

«Однодельцы» 1946 года

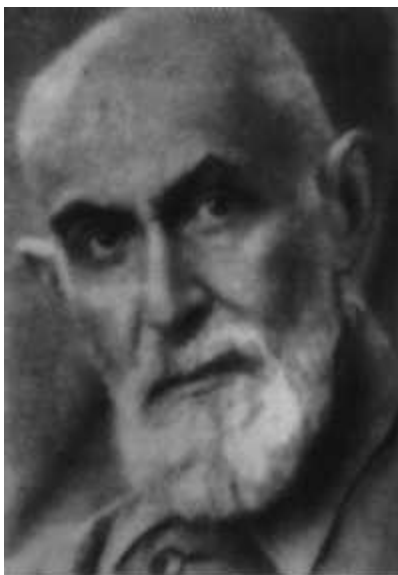
Отец Димитрий Крючков. Фотография из следственного дела. 1932

А. П. Арцыбушев. Портрет работы С. А. Тутунова. 1980

Отец Владимир Криволицкий. 1930–е гг.

Отец Владимир Криволицкий. 1950-е гг.

Л. Е. Андреева

Н. С. Романовский

М. А. Закатова

М. В. Тепнина

И. А. Корнеев

М. А. Тыминская

В. А. Корнеева «Однodelьцы» 1946 года. Фотографии из следственных дела

С. И. Фудель в сибирской ссылке. Красноярский край 1947

1946–1950

Маша Фудель, дочь С. И. Фуделя. Загорск. 1940–1944

Мария, Варвара, Николай — дети С. И. Фуделя.

Матрона Лучкина, няня детей С. И. Фуделя Загорск. 1948

С. И. Фудель с сыном Николаем. Москва. 2-я половина 1950-х гг.

С. И. Фудель и В. М. Сытина с внучкой Машей. Москва. Около
1957–195

С. И. Фудель. Покров (?). Начало 1960–х гг.

В. М. Сытина, С. И. Фудель с В. Н. Воробьевым и членами семьи.

Покров. 1970–е гг. С. И. Фудель

С. И. Фудель. Покров. 1970–е гг.

в последние годы жизни. Москва. 2-я половина 1970-х гг

Погребение С. И. Фуделя. Покров. 9 марта 1977

Могила С. И. Фуделя на городском кладбище в Покрове. Крест работы скульптора Д. М. Шаховского

совести. Нет, то была его путеводная звезда, выстраданное и вымоленное убеждение, дававшее силы жить в Церкви, жить верой в Церковь даже и в те глухие послевоенные годы, когда примеры явного исповедничества были так редки, а признаки компромисса с врагами Церкви и с духом времени можно было найти в каждом номере разрешенного теперь к изданию (хотя и крошечным тиражом) официального церковного журнала. Тема неумирающей святости Церкви станет красной нитью и всех последующих произведений Фуделя, будет ли речь идти об откровениях древних святых или о портретах современных праведников, о творчестве писателей, философов и богословов. А всякая попытка оправдать мнение о

возможности греха в самой Церкви породит наиболее беспощадные полемические страницы в работах самиздатского автора^[332].

«Что Церковь сейчас умирает, я знаю, но знаю еще и то, что она никогда не умрет. Умирает тленное, а бессмертное умереть не может»^[333], — писал Сергей Фудель сыну в период работы над «Церковью верных». В этих словах — краткий итог только что написанной работы.

Так естественно, органически выросла эта новая тетрадка из «Пути Отцов» — как ободрение робкому путнику, смущаемому видимыми проявлениями зла и тьмы, от которых не укрыться и за стенами храма, и вместе с тем как лекарство от окаменения сердца и циничного равнодушия к злу в церковной ограде.

Вслед за напряженным апокалиптическим ожиданием первых послереволюционных лет наступило столь явственно ощущаемое в хрущевские годы время «великого духовного оскудения» христианства и Церкви. В горниле гонений сгорело прежнее, длившееся веками представление о Церкви как прежде всего пышном и великолепном обряде богослужения. Миновала благополучная эпоха, когда за принадлежность к Церкви не приходилось дорого платить. Остались, как драгоценное наследие, слова и записи святых и живое дыхание их учеников и продолжателей, в которых открывается святость Церкви как устремленность к Богу в покаянии и любви. И теперь до познания Церкви человек «доходит собственными слезами», как и до познания Бога^[334].

«Церковь есть продолжающееся воплощение Слова Божия через Духа Святого во всем спасаемом человечестве». Но, будучи Святой Церковью непрекращающейся Пятидесятницы, «единством и радостью в Боге облагодатствованных Им людей», Церковь, основанная в ночь Тайной вечери и прощальной беседы на пороге Христовых страданий, навсегда остается и Церковью «великой человеческой скорби в пустыне истории»^[335]. На Тайной вечере был Иуда; и во все последующие века самым тяжким искушением остается присутствие внутри церковной ограды неверных и омертвевших членов Церкви, чуждых ее святыне. Действительно, «при этом смешении до краев наполняется чаша церковной Голгофы: видеть “руку предающего на трапезе” и при этом сохранять и мужество веры,

и, что еще удивительнее, непобедимость любви — вот где истинная Тайная вечеря Церкви!»^[336]

Смешение добра и зла, сосуществование святости с «темным двойником» наперед указано Господом в притчах о плевелах на пшеничном поле, о неводе, наполненном рыбой «всякого рода» (Мф. 13,24–30; 13,47–49). И также наперед известно нам, что «врата ада», борющиеся Церковь извне и изнутри, «не одолеют» ее (Мф. 16,18). Но сказал Христос и иное: «Когда придет Сын Человеческий, найдет ли Он веру на земле?» (Лк. 18, 8). И потому «беспокойство Церкви о своем духовном бытии до Второго пришествия есть такое же неотъемлемое состояние ее, как и покой в Господе»^[337].

Многих соблазнил разрыв между «темной церковной действительностью» и Церковью святых. Но не менее, чем малодушный страх перед этим соблазном, опасна присущая иным церковным людям тенденция не только умалчивать о нем, но даже и отрицать его существование. Негодование Фуделя — в котором он опирается на беспощадные обличения святых отцов — вызывает «бесформенная формула церковного благополучия» или «теория покрытия церковного зла “православным исповеданием”»^[338], достаточным будто бы для достижения спасения. Однако спасает «не вообще вера, а святая вера, или вера, действующая любовью.<...> Вот почему апостол сказал такие, казалось бы, удивительные для находящихся в Церкви слова: “Испытывайте самих себя, в вере ли вы? самих себя исследывайте” (2 Кор. 13, 5). В вере ли мы? В Церкви ли мы?»^[339]

Давно начался «страшный процесс обмеления великой церковной реки», грозящий Православию подменой живого дыхания Христова на «музей догматов, где под стеклом на бархате лежат догматические отшлифованные истины христианства»^[340]. Нравственный упадок и духовное оскудение, подобно ржавчине съедающие всю силу вероучения Церкви, Фудель видит и на Востоке, и на Западе. Отрыв веры от любви, от подвига жизни и стал причиной страшного факта разделения Церквей, который невозможно обсуждать «академически спокойно».

«Конечно, не догматы сами по себе, а именно страсти, холод гордого сердца, обмирщение привели в свое время к разделению, и

теперь они же, как черные стражи, стоят на пути соединения». Путь этот лежит чрез покаяние. Но и Восток, и Запад боятся признать свои исторические грехи. «Лучше сгореть в горящем доме, чем признать, что он горит: “Ведь так можно потерять престиж”, тот самый, который уже давно потерян в веках.<... >Как соединиться тем, кто еще не проливал горьких слез о безумном раздоре? И как сделаться здоровыми тем, кто и не считает себя больными?»

Для католического Запада главным препятствием к единству виделся Сергею Фуделю догмат папской непогрешимости, «хотя бы и только вероучительной». Но, посвятив несколько строк его критике, автор продолжает: «Не знаю, нужно ли говорить даже о такой очевидности? Не лучше ли в молчании и в скорби простирать руки свои в ежедневном молении Церкви “о соединении всех”?» Встречавший в своем невольном странствии и православных, и католиков, и лютеран, вчерашний узник уверен: «То, что нас соединяет, несравненно больше того, что разъединяет, и в эти часы истории мы должны думать не о повторении все тех же обвинений», а о том, что, «может быть, любовь и страх Божий вразумят нас о путях созидания и соединения, которому явно наступили сроки»^[341].

Дверь в святую Церковь, в Царство Божие на земле для каждого человека открывается таинством покаяния. Оно не сообщает людям нравственной непогрешимости. Но святость не есть непогрешимость: «И святые имеют долги перед Богом. Кто, кроме Бога, не должен любви?»^[342] Вся земная Церковь еще только стремится к совершенству Церкви Небесной. Однако и апостолы, и святые отцы последующих веков святыми называли не тех, кто уже достиг совершенства, но всех стремящихся к нему в подвиге. Подвиг любви и благодать, сообщаемая в таинствах, совершают чудо: «Из брения сотворяется святость — нетленная частица великого церковного тела»^[343]. И признак святости, присущий Вселенской Церкви, присутствует в каждом из ее верных — в той или иной степени, определяемой мерою воцерковления человека, преобразования его в храм Божий.

В великом и долгом подвиге жизни идет внутри человека «борьба за нетление. Но если есть эта борьба, значит, внутри человека уже есть церковь и еще есть тьма»^[344]. Свет Божий в человеческом сердце не будет поглощен тьмою, он, несмотря на «еще греховность», зовет к

борьбе и достижению совершенства. Лишь нераскаянность греха по сокровенному суду Божию отлучает грешника от Церкви, создаваемой из святых воздыханий грешных душ, непрестанно очищаемых покаянием.

Этот «святой остаток», сосуществующий рядом с «темным двойником», не иссякнет до дня Страшного суда. «Как бы много ни было плевел, пшеница будет расти до дня жатвы». И в предвидимый Фуделем «самый глухой и темный час», час предрассветный, когда замкнется круг земной истории Церкви, «последние христиане вместят в себе все, что было в великой Церкви Христовой».

Тетрадь завершается ярким образом, который, можно думать, не раз вставал пред мысленным взором ее автора во времена томительного одиночества и скорби от сгущающейся тьмы: «Среди толпы распинателей на Голгофе только несколько человек составляли Церковь верных: Богоматерь, апостол Церкви Иоанн и две мироносицы. Такою и является, такою и познается Церковь во все времена истории — много ли святых будет в ее лоне или мало. Ибо она есть Церковь стояния у Креста.<... >И в этом стоянии ее — и непобедимость, и великий покой». И еще, чуть ниже: «Нет иных врат в Церковь, кроме как через личный крест»^[345].

Быть может, именно в пору работы над «Церковью верных» Сергей Фудель окончательно осознал призвание к духовному писательству как главному делу оставшейся жизни, как церковному служению. И если первоначально он рассматривал новую тетрадку в качестве второго приложения к составленной им святоотеческой антологии, все еще стараясь укрыться за подчеркнуто непритязательной ролью «переписчика Отцов», то вскоре, по совету епископа Афанасия, признал свою новую работу самостоятельным произведением.

Переписчик Отцов вырос в их продолжателя, собеседник святых стал свидетелем святости. Он обрел главную тему своего творчества: это Церковь как святыня Божия в людях, которую можно искать и надо найти на «земле живых» (Пс. 114, 9), а не в трактатах и формулах школьного богословия.

Небольшая по объему статья «Свет Церкви», скорее всего, была написана вскоре после «Церкви верных» — как вариант раздумий Фуделя на ту же тему, предназначенный, в силу краткости, для более широкого распространения. Здесь еще сильнее звучит тревога о

«внутренней тьме», которая, внешне не отделяясь от Церкви и как бы ее не отрицая, изнутри растлевает церковное тело. Отрыв вероучения от жизни, создание призрачной, лишь словесной веры, не идущей путем подвига любви, куда страшней внешних гонений или искажений догматов веры, приводящих к явному отделению от Церкви.

В эпоху духовного упадка, когда «темный аспект Церкви все больше расширяет свою мертвую область внутри общей церковной ограды»^[346], Сергей Фудель зовет себя и своих читателей к подвигу, к «личной Голгофе, через которую человек ведет борьбу с темнотой внутри себя, а тем самым и внутри Церкви»^[347]. Любое, казалось бы, частное и никем не замеченное зло усугубляет церковную болезнь. Напротив, всякий, кто участвует в сораспятии и совоскресении Христу, пусть «в малейшую меру своих малых сил», участвует и в великом деле Христовом в мире, где через бесчисленные голгофы людей, их жертвенную веру и любовь, должно загореться вселенское Воскресение.

Носителям света, вверенного Церкви, не должно смущаться ни своей человеческой немощью, ни тьмою истории, ни даже все увеличивающейся «темнотой церковной действительности». «Сколько бы истинных христиан не осталось к концу времен, святая Вселенская Церковь и тогда будет озаряться светом Пятидесятницы. И может быть, самый победоносный, самый яркий свет Церкви будет именно тогда, когда, по Евангелию, будет так трудно “найти веру на земле”»^[348].

Трагический опыт церковной жизни в советской России диктовал отношение к истории, прямо противоположное тому, что Фудель называл «римскими мечтаниями» о благополучной культурно — исторической миссии христианства, о его победе в истории. Еще большее сопротивление вызывал в душе русского писателя бравурный оптимизм протестантского экуменического движения. Дорогая для самого Сергея Фуделя идея все- христианского единства достижима, по его глубокому убеждению, только путем подвига покаяния и любви, а не посредством гуманитарно — моральной кооперации, предлагающей лишь «призрак единства». Этой теме посвящены написанная в феврале 1961 года небольшая работа «Соборность Церкви и экуменизм» и во многом дополняющая ее, но появившаяся года три спустя статья «Священное Предание».

В эпоху, когда «христианский пласт снимается с земли истории», Фудель считает бесплодным соучастие Церкви во вне- церковном по сути движении к единству. Что же касается свидетельства миру о преображающей силе Церкви, то оно может быть победоносным лишь тогда, когда достигается святой жизнью, а не участием в конференциях: «Великая радость будет у ангелов Божиих, если и у нас, и у сторонников экуменизма начнется не сотрудничество, а со — покаяние». [\[349\]](#)

Прошло всего несколько месяцев после написания этих слов, и Русская Церковь все же вступила во Всемирный Совет Церквей. Десятилетия спустя опыт участия в экуменическом движении будет заново осмыслен уже свободной Церковью в России. Результаты этого раздумья окажутся во многом близкими к тому, о чем сорок лет назад писал одинокий мыслитель в Усмани.

История создания книги «Наследство Достоевского»

Примерно в то же время, зимой 1960/61 годов, Сергей Фудель принимается за совершенно новый для него литературный труд, уже не вытекающий из переписывания святых отцов. Начатая в Усмани, а завершенная уже после переезда в Покров книга «Наследство Достоевского» открывает для автора иную сферу творчества, связанную с духовным осмыслением столь дорогого для него наследия русской культуры. Раскрыть ее христианское содержание кругу малоцерковных, а то и неверующих младших современников, показать им духовные истоки всего того, что Фуделю виделось в ней подлинно ценным, — таково было внутреннее побуждение Сергея Иосифовича. А заодно, может быть, и подтвердить еще раз самому себе выросшее из внутреннего спора с Дурылиным убеждение, что можно держать Пушкина и Макария Великого на одной полке, если уметь различать подлинно великое в одном и другом.

Важное свидетельство об обстоятельствах начала этой работы оставил сын С. Фуделя Николай. В хрущевское время, пишет он, необъяснимым образом, сначала поодиночке, а потом все гуще, стала приходить в Церковь и креститься молодежь даже из самых твердых атеистических семей, новая поросль христиан. «Тогда я увидел, — вспоминал Н. С. Фудель, — как воспрянул отец, как потянулся им помочь — ведь многие из них, хоть и крестились и шли на мучения ревностно, но часто блуждали не только в “проклятых вопросах”, но и, казалось бы, в ясных, простых для отца путях жизни. Он хотел поделиться с ними своим трудным опытом и предостеречь»^[350].

Таким делом милосердной помощи для новообращенной православной молодежи и стала первая в этом ряду книга Фуделя о Достоевском — о его пути к Христовой вере и к Церкви. В начале 60-х — в эпоху воинствующего атеизма — такая книга, написанная без какой бы то ни было надежды на публикацию, предназначенная если не в стол, то только для самиздата, могла укрепить слабых и

просветить темных. Нет сомнения, что эту роль книга С. И. Фуделя «Наследство Достоевского» сыграла.

Конкретным же поводом для начала работы над нею стала обычная житейская ситуация «отцов и детей». Сын Николай, тоже фронтовик, а после войны — студент историко — филологического факультета Московского государственного педагогического института, осенью 1951 года поступил в аспирантуру Института мировой литературы имени Горького и начал работать над кандидатской диссертацией по теме: «Роман Тургенева “Рудин”», о чем сообщил в письме к отцу в Усмани, где тот поселился после окончания срока третьей ссылки.

Едва устроившись в Усмани, С. И. Фудель пытается влиять на сына — филолога, человека тайно верующего, но не церковного, — влиять в нравственном и эстетическом смыслах. Он хочет, чтобы сын понял, каких высоких человеческих качеств, стойкости, мужества требуют от человека занятия литературой, которые «сродни страданию»; он пытается внушить ему мысль о роли литературы, которая, при всех своих высоких художественных достижениях, чаще служит самоуслаждению, самоутверждению и самодовольству, как писателя, так и читателя. Пытаясь повернуть интересы сына в сторону православной культуры, С. И. Фудель надеется «отвести» его от нерелигиозного Тургенева и «привести» к верующему Достоевскому. Фудель пытается открыть сыну ту невидимую для читателя — атеиста правду, которая содержится едва ли не в каждом романе Достоевского. Он стремится, чтобы Достоевский стал символическим щитом против той безблагодатной стихии атеистического литературоведения, в которую медленно, но верно погружается сын — аспирант.

Но, несмотря на все усилия, С. И. Фуделю не удается переключить интерес сына на другие литературные предметы, тот остается при своей тургеневской работе. И тогда отец, не имея возможности влиять на него иным образом, разворачивает в переписке, конечно же, подцензурной, собственный нравственно — эстетический манифест — о ценностях русской литературы. Материалом для обсуждения становится почти весь корпус русской классики. И даже те произведения, где, метафорически говоря, присутствие Бога авторами не планировалось, должны быть и могут быть прочитаны с помощью главной оптики каждого христианина — Евангелия.

В людях слишком мало тепла богообщения, пишет он, только поэтому русский романист в центре своего художественного мира может поставить проблему «отцов и детей». «Если христианство — Евангелие — станет в центре сознания, начнет как-то определять мысли и дела человека, то для того человека всякий другой искренний христианин никогда не будет ни в “отцах”, ни в “детях”, а он будет только братом. Я лично знал многих совсем молодых людей (моложе тебя) христиан и между нами не было этой проблемы. Священники в один из наиболее священных моментов литургии целуют друг друга и говорят: “Христос посреди нас”.<...>Человек без Христа видит вокруг себя одних врагов или создает их себе, с ними борется и от них изнемогает. Христос снимает это наваждение, у человека открываются глаза на мир и на людей, как на детей Божиих, в темноту сердца падает луч Пасхи. И проблема “отцов и детей” забывается начисто».

Однако попытка влиять на филологические интересы сына постепенно трансформируется у Фуделя в сильнейшие собственные литературные увлечения. Он настолько втянулся в чтение и обдумывание произведений Достоевского, что начинает всерьез заниматься ими уже для себя.

Дата 5 февраля 1956 года зафиксировала некое новое качество увлечения Фуделя Достоевским. В магазинчике Усмани он случайно покупает две старые книги — романы «Идиот» и «Село Степанчиково». Вскоре он радостно пишет сыну: «“Идиота” я перечитываю с великой благодарностью автору. Был он несомненно учитель христианства, и его только тот не понимает и не любит, кому непонятна христианская нищета<...>. Читаю, ухожу на работу на весь день и среди дня часто ловлю себя на том, что стараюсь быть лучше, чище, терпеливей, любовней, великодушней, проще, стараюсь подражать бедному Идиоту! Вот она, проповедь христианства, и я вновь услышал ее»^[351]. Явлением небывалого дерзновения, евангельской простой правдой в искусстве считает Фудель роман «Идиот (к этой книге он смог вернуться лет через сорок после первого, юношеского, чтения); благодаря этой великой книге слагается его новое понимание Достоевского.

Начинается систематическая работа по освоению Достоевского в свете Евангелия. Фудель живет в крошечном холодном домике в полторы комнаты, отапливаемом дровами, которых всегда не хватает;

служит счетоводом с мизерной зарплатой, работая по шесть дней в неделю с девяти утра до восьми вечера, так что он может заниматься литературной работой лишь ночами, воскресеньями и календарными праздниками. Его окружает крайняя бедность, жизнь скудна настолько, что даже чай и белый хлеб по вечерам кажутся роскошью и кутежом. Болеет жена, болен он сам, они оба не в состоянии помогать двум дочерям — студенткам и, напротив, вынуждены пользоваться помощью сына — каждый месяц тот присылает скромные денежные переводы из Москвы. Изредка, с рюкзаком за плечами, Фудель ездит электричкой в Москву и в течение дня обходит своих родных, знакомых и друзей в поисках нужных книг.

«Сейчас мне видно, что можно, с Божьей помощью, бросить свет на эту фигуру со стороны для многих еще нужной и недостаточно освещенной. Достоевский жил с нами все это время, и вместе с нами он и умрет: он будет только тогда не нужен, когда не будет нас»^[352], — уверен он. Великим постом 1963 года Фудель заканчивает работу. В ней он видит больше, чем только книгу о творчестве писателя, пусть и бесконечно великого. Эта книга, уверен он, нужна, прежде всего, тому, кто ее писал, — автору, прошедшему путем Голгофы — тем путем, который был предназначен «русским мальчикам» Достоевского. «Жить становится все труднее: та смертельная усталость, которая разлита в мире, иногда заливает душу. Очевидно, теперь в этом и есть главный подвиг — сохранять бодрость души, мужество сердца, верность своей вере. У меня такое чувство, что я отдал какой-то душевный долг, совершив и эти поминки любви», — признается он.^[353]

Книга о Достоевском становится огромным прорывом к творчеству для самого Фуделя, к созданию других работ, посвященных русскому культурному и философскому наследию. Благодаря книге о Достоевском он окончательно сознает себя писателем.

«Наследство Достоевского»: оптика, ракурсы, интерпретации

С. И. Фудель замечательно мотивировал свое обращение к наследию Достоевского. Интерес к автору «Братьев Карамазовых» связан у Фуделя с его мироощущением — чувством истории и чувством веры. Эти чувства глубоко трагичны: над миром стоит зарево ненависти и разъединения, искусство делается дорогой в никуда, из зияющего пролома в стене церкви потянуло холодом смерти. «Вера уже давно в веках перестает быть трепетным чувством сердца, делом подвига жизни, делом личной Голгофы и воскресения. Все чаще и торжественней международные христианские съезды и все меньше Христа в истории», — пишет Фудель в первой, вступительной главе книги («Владычествующая идея»)^[354]. Между тем, обращаясь к Достоевскому, можно увидеть в темном лабиринте такую ослепительную нить Ариадны, что «лабиринт станет широким и безопасным путем»^[355]. Фудель удивлялся, что многие из читателей Достоевского не знают, не умеют отделить основной христианский путь Достоевского от темных и трудных переполютий, от мрачных заблуждений, которые предшествовали этому пути, а порой и сопровождали его до конца.

Фуделя больно задевало стремление многих неверующих поклонников Достоевского затушевать веру писателя, не замечать его ясной личной любви к Христу, живому и осязаемому. Атеисту обидно, что всемирно известный писатель мог верить и любить Христа, и потому образованный безрелигиозный человек всегда назойливо цитирует признание Достоевского о горниле сомнений, через которое прошла его осанна: горнило сомнений, дескать, было у Достоевского ярче осанны. Однако лучший ответ на подобный вздор Фудель видит в несомненном для него факте: укрепление веры у несовершенно верующих и обращение к вере множества неверующих людей через Достоевского.

Как человек глубоко церковный, Фудель гораздо меньше, чем неопиты, боялся сомнений и противоречий, твердо зная, что у всякого

истинно верующего сомнения нередко бывают ярче осанны, однако в огне сомнений как раз и очищается золото веры. Что же касается качества, крепости веры, то Достоевский в этом смысле поставлен на высочайший пьедестал — ведь вера этого грешного и необузданного человека, чья жизнь была буря и беспорядок, оказывалась верой Голгофы, а не гуманизма, верой трагической, повторившей в себе евангельскую правду. «Христианство он воспринимал не как доктрину для добродетельного поведения, а как соучастие человека и человечества в жизни Богочеловека Христа, как наше соучастие в этой жизни, — в ее смерти и в ее воскресении»^[356].

Почти вся литература о Достоевском — биографии, исследования поэтики и стилистики, работы о мировоззрении писателя и его «идеологических» романах, — созданная в 1930–1960-е годы в России (то есть литература, к которой поневоле должен был обращаться Фудель, собирая материал для своей книги), написана не только по императивам атеистического времени с его партийными методологическими установками, но и людьми «окончательного безбожия», закоренелого воинствующего атеизма. Лучшие из исследователей и комментаторов Достоевского, понимая, какой величины художник перед ними, великодушно «прощали» ему Христову проповедь и хвалили за гуманизм. С искренним воодушевлением зачисляли они творчество молодого Достоевского по революционно — демократическому ведомству и с неподдельным огорчением констатировали отход писателя от идеалов молодости. Политический консерватизм и почвенничество зрелого Достоевского, его неприятие революционного бешенства и всяческой нигилитины были той самой костью в горле советского достоевсковедения середины столетия, которую невозможно было ни проглотить, ни выплюнуть.

Глава I.

Владыкостилующая идея.

Можно ли говорить о Достоевском в эпоху воцарения Общности? Все уже сжимается кругом, на котором человек обречен вечно, так как ~~уже~~ скоро "вечности больше не будет".

Все религиозно-философское знание, если оно в нас есть, мы носим не в книгах, а в сердце, так как в условиях строгой фронтальной жизни современности книги носить с собой невозможно. А сердце, хотя и безмерно, но очень разборчиво: только действительно нужное вносится в нем. Как быть с Достоевским?

В вагоне американского метро, как рассказывал американский писатель Бредбери, среди гущи пропаганды нейлоновых чулок, вдруг отчетливо прозвучали нем-то греческие сказанные слова Евангелия. Парижская

Страница рукописи «Наследство Достоевского». [1960-е гг.]
Автограф. ДРЗ. Ф. 8. Оп. 2. Ed. хр. 7. Л. 2

Знакомясь с работами отечественных ученых, написанными с позиций марксистско — ленинского мировоззрения и классового подхода, Фудель, познавший истинную суть этого подхода в тюрьмах и ссылках, не мог не поражаться крайнему убожеству предлагаемых прочтений: ему казалось, что Достоевского не только обескровили, но

и обесмыслили. Однако он почти не полемизирует с современными ему работами, а пользуется ими как сырьем, извлекая крупницы точных сведений и находя ссылки на неизвестные ему источники. Подлинными же вдохновителями и учителями Фуделя в его работе над наследием Достоевского явились те, кто были его учителями в жизни и кого он «живьем» слышал на московских собраниях Религиозно — философского общества. Настоящей базой, фундаментальной методологией познания Достоевского Фудель считает Евангелие, труды Отцов Церкви и жизнеописания святых: в них, и только в них, видит он ключ к сокровенным смыслам духовного подвига писателя и вершинам его творчества.

Через призму сердечного православия воспринимает он проникнутый неугасимой любовью и верой — ощущением мир Достоевского — будто запечатлевший живого Христа и переполненный состраданием к Нему, — так же как и к любому другому страданию. «Чтобы хорошо писать, страдать надо», — говорил Достоевский^[357]; и Фудель понимает эти слова в их прямом смысле, как несомненное доказательство христианского взгляда Достоевского на истоки своего творческого вдохновения.

Так в книге Фуделя вырастает интереснейшая концепция *пути* Ф. М. Достоевского, который лишь в той степени был путем к художественным прозрениям, в какой он был путем ко Христу, со Христом и во Христе. Символ веры Достоевского, выраженный им в письме к Н. Д. Фонвизинной, где — несмотря на нарушение всех традиций богословской грамотности (как полагал С. И. Фудель) — звучала драгоценная истина о неразрывности веры в Христа и влюбленности в Него, стал в конце концов и принципом творчества. «И может быть, — восклицает Фудель, — еще придет время, когда в полном смещении человечеством добра и зла, в окончательном тумане лжи, неведения и новых божеств, утверждающих истину вне Христа, — кто-нибудь с великой радостью повторит именно эти неграмотные слова: “Уж лучше я останусь со Христом, нежели с истиной”»^[358].

Основополагающие истины христианства, считает Фудель, Достоевский старался — пока неумелой рукой — выразить уже в 40-е годы. И хотя его первый литературный период был, по мнению автора, временем угасания веры, грозившего ему также потерей таланта и

вдохновения, «даже и в эти темные годы в нем как-то сохранялся нерукотворный образ Христа». Сама судьба распорядилась, однако, чтобы роковые заблуждения юности, ад страстей и кошмар литературных фантазмагорий Достоевский, больной и измученный ложной дорогой, изживал в «живительной атмосфере обыкновенной, человеческой, русской тюрьмы»^[359].

Даже самые первые шаги литературной карьеры Достоевского обнаруживают — несмотря на литературное окружение, в котором само имя Христа было как бы изгнано из употребления, — его глубокое и благородное волнение о духовной судьбе людей, живущих вне Христа. Именно это волнение стало, по мнению Фуделя, залогом совершенствования таланта Достоевского: начало было положено «Записками из Мертвого дома» с их прекрасными образами духовной красоты и смирения, а полный расцвет наступил в 1865 году, когда он начал «Преступление и наказание», заговорив о Христе открыто, не таясь и не боясь, что это может кого-нибудь покоробить и раздражить. Совпадение творческого расцвета Достоевского с открытой христианской проповедью — факт для Фуделя поразительный и очевидный.

В «Преступлении и наказании», показывает Фудель, Достоевский впервые сделал радикальный духовный выбор, противопоставив любовь ко Христу любви к человеку и решительно предпочтя первую второй. Преданность страдающему Христу, вновь и вновь распинаемому грехами людей, оказалась в «вечной Сонечке» сильнее, чем любовь к жениху, от которого она требует добровольного страдания и которого посылает на каторгу. Тем самым, считает Фудель, Достоевский объявил своей правдой не вообще религию, нечто умильно — благородное, что часто выдается за христианство, а только христианство Голгофы. «На мировое искусство легла тень от Креста»^[360].

Достоевский не побоялся ввести в свой «криминальный» роман великую мысль — о том, что христианство — это не поэма, не красивая притча, а подвиг. Так пространство художественного произведения, напечатанного в Москве, во вполне светском «Русском вестнике», стало местом явления Христа в современности. Это было тем более удивительно, может быть, даже на грани чуда, что современность — исторический и культурный контекст

середины XIX века — оказывала всемерное сопротивление сколь угодно серьезному разговору о допущении живого Христа в реальность жизни.

О Боге в этой реальности говорили вполне *comme il faut* и искренне приветствовали божественное присутствие, например, во время совершения молебна при закладке нового здания Государственного банка. Для современного Достоевскому интеллигента образы христианства, его святые и праведники, как правило, не переступали пределы школьных уроков Закона Божия, равно как и все общество в целом вполне удовлетворялось внешней рамкой официального православия. Наверное, поэтому такая неудача постигла роман «Идиот», совершенно не понятый и не принятый современниками. «Всё, что вы вложили в “Идиота”, пропало даром», — писал Достоевскому Н. Н. Страхов. Комментируя это поразительное обстоятельство, Фудель замечает: «Основной факт романа в том, что не какие-нибудь там заблудшие нигилисты, а подавляющее большинство русского общества — генералы и генеральши, inferнальные купцы и сановники, англomаны и мелкие чиновники — все люди воспитанные, образованные и даже часто приятные, уж настолько потеряли представление о любви христианства и о святости его, что любящий святой мог быть для них только идиотом или, в лучшем случае, Иванушкой — дурачком»^[361].

Несомненным вкладом Фуделя в понимание Достоевского стало подробное и профессиональное освещение той роли, которую сыграли в творчестве писателя труды святителя Тихона Задонского; понятно, что одной только филологической подготовки для этого было бы совершенно недостаточно. Великий обличитель русского общества в его ложной церковности, архиерей, живший на покое в Задонском монастыре Воронежской епархии, стал, как утверждает Фудель, опорой творчества Достоевского. Его учение о вере и любви было необходимо Достоевскому, противопоставившему истинное христианство христианству ложному. Учение Тихона и сама фигура святого старца стали для Достоевского антитезой демоническим, бесовским силам — ведь если возможен Тихон, какой он явлен в реальности, значит, не ложно обетование Нового Завета о духовной непобедимости Церкви, значит, наполнена смыслом борьба за Христа с силами зла и ненависти, поглощающими Россию. Но высший смысл

эта борьба приобретала потому, что не только не предполагала какое бы то ни было насилие, а возвещала всему миру о вселенской радости живой жизни. Достоевский понимал, пишет Фудель, что христианство — это не курс догматического богословия, а пасхальная ночь на земле. «И в том дерзновении и твердости, с которой он передает нам эту истину, его великая заслуга перед христианами нашей эпохи»^[362].

В мире Достоевского даже самый искренний в вере человек поставлен перед неразрешимой дилеммой, которая присуща христианству: верой в неумираемость Церкви и неверием в победу христианства в истории. Поэтому даже самые «христианские» его сочинения полны исторической безнадежности, чувства обреченности истории. Достоевского, как и старца Тихона, преследовала эта мысль, и он до боли настойчиво, почти маниакально ищет и находит доказательства иссякания христианства в пустынях истории. Вера требует элементарной дисциплины, работы, труда над собой прежде, чем над миром. Но эти понятия, являющиеся азбукой христианства, режут ухо всякого интеллигента — атеиста. Ведь едва закончив «Бесов», получив личный творческий и духовный опыт одоления демонического соблазна, Достоевский на страницах черновиков к «Подростку» смог признать себе: «Только я один вывел трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его...»^[363] Глубочайший смысл, сокрытый в трагической тайне человека, для которого уже нет света, нет исправления, то есть все напряжение исторического пессимизма, в «Бесах» прочувствован и разгадан Фуделем. Одной фразой характеризует он христианский подвиг автора «Бесов»: «Во имя борьбы с ночью истории написан этот роман»^[364].

Но точно так же, как жило в Достоевском ощущение трагедии истории, жила в нем и вера в духовное здоровье человечества. Не раз он говорил о возможности «братского, окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону»^[365]. Мы не знаем, пишет Фудель, где содержится в Евангелии закон о гармонии земной истории. Христианин, если он не лукавит и знает Евангелие, не может верить в духовное благополучие истории. «Но он должен вполне верить в торжество христианского терпения этой истории, терпения около теплых стен Церкви»^[366].

Роман «Братья Карамазовы» Фудель называет путеводителем в Церкви для интеллигенции. Подробно раскрывает он борьбу Достоевского против затемнения лика Христа, против погружения веры в быт и обряд, против обмирщения Церкви. Учение о Церкви, полученное Достоевским от оптинских старцев и Тихона Задонского, проверенное в библейском горниле книги Иова, поразившей писателя еще в детские годы, помогало и самому Достоевскому. Ему надо было убедиться, пишет Фудель, что путь страданий его души в борьбе за Бога есть благословенный путь многих душ, есть путь Церкви — «Церкви не панлютеранских съездов и гуманистических деклараций, а Церкви подвига и стояния у Креста»^[367].

Искусство Достоевского после 1865 года Фудель рассматривает как целостное и глубочайшее переживание христианства. Литературное воплощение этих переживаний стало для автора «гениального пятикнижия» великим счастьем познания мира и человека, делом священной значительности — «работой Господней». Достоевский, осуществляя религиозную проповедь через искусство, по мнению Фуделя, исправил ошибку Гоголя, отказавшегося от искусства, так как понял, что защиту христианства он, Достоевский, должен вести наиболее доступным ему путем. Поэтому художественное творчество стало для него одной из форм религиозной жизни, «радугой над водами религии». Красота — загадка, но она не может противоречить Добру и Истине.

Объясняя тезис Достоевского о религиозном происхождении искусства («Тайна Христова»), Фудель предлагает свою интерпретацию понятия «нравственный центр произведения искусства»: это луч, открывающий среди ограниченного, тленного мира — мир иной и вечной реальности. В искании этого мира и состоит художественный замысел; «вся композиция произведения вращается вокруг оси — “да” или “нет” божественной жизни, “да” или “нет” вечности». Страстным и сердечным высказыванием Достоевский стремился хоть на единый исторический миг задержать образ Христа в холодеющем мире — и как отличается нервный, задыхающийся голос петербургского литератора от великолепия, неторопливости, грамотного спокойствия официальной церковной проповеди! «Достоевский точно ударами в сердце напоминает о Христе»^[368], — пишет Фудель.

Незадолго до смерти, в «Дневнике писателя» 1880 года, Достоевский заметил: «Да, конечно... настоящих христиан еще ужасно мало (хотя они и есть). Но почему вы знаете, сколько именно надо их, чтоб не умирал идеал христианства в народе, а с ним и великая надежда его?.. До сих пор, по — видимому, только того и надо было, чтоб не умирала великая мысль»^[369]. В работах Фуделя это высказывание цитируется не раз.

О неумирании великой мысли молился молитвой Девятого часа крестник тюремной церкви в Бутырках, бывший заключенный вечного русского Мертвого дома, автор замечательного и вдохновенного труда, посвященного Достоевскому: «Не предаждь нас до конца имене Твоего ради, и не разори завета Твоего, и не отстави милости Твоя от нас...»

С. И. Фудель об искусстве и литературе

В 1963 году, сразу по окончании книги «Наследство Достоевского», С. И. Фудель пишет по просьбе своего друга, искусствоведа Н. Н. Третьякова, большую статью в форме письма о своем понимании искусства^[370].

Фундаментальное убеждение, сформировавшееся у Фуделя в процессе работы над книгой о Достоевском, сложилось в целостную концепцию роли литературы и искусства. *Искусство решило заменить христианство*, полагает С. И. Фудель. Люди, потерявшие христианство (или его еще не знающие), приняли искусство как новую религию. Три стороны христианства — догматическая, нравственная и обрядовая — в новой религии, то есть в искусстве, получили новые же значения. Убеждение, что абсолютной Истины нет, стало догматом; вывод, что в искусстве все более или менее позволено, воспринимается как новая нравственность, а художественное мастерство — как обряд.

Фудель вспоминает феномен Гоголя, осознавшего под конец жизни факт своей беспомощности как художника. «Он, возможно, был и не прав, так как, перестав быть литератором, он еще не сделался христианским учителем, но его осознание бесплодности глубоко показательно»^[371]. В чем же дело? — задается вопросом автор письма. Проблема в высокомерной претензии искусства «совершать добро», «сеять разумное, доброе, вечное». Чем больше дискуссий о «добром» влиянии искусства, тем меньше в нем обретается людей духовной силы и власти. Даже и великие писатели, несмотря на всю их пользу, всегда бывают недостаточно духовно сильны (к тому же всегда духовно одиноки) для прочного доброго влияния на человечество. «Христианство победило кровью Голгофы и кровью мучеников. А много ли писателей хотя бы писало кровью сердца?»^[372]

Достоевский для Фуделя именно такой писатель. Художник, отыскивая красоту в мире, совершает познание Бога, ее создавшего. Утверждая красоту строя и Строй красоты, он способствует

сохранению мира, его спасению. Недаром Достоевский, поняв спасительность божественной гармонии, сказал: «Красота спасет мир». «Я знаю в наше время молодых, которые молятся за Диккенса и Достоевского, давших им какой-то свет жизни»^[373]. Великое оскудение религиозной жизни побуждало писателей — Тютчева, Лескова, Лермонтова, Пастернака, Экзюпери — к служению. «Один том Достоевского или та страница у Диккенса, где маленький Джо умирает, силясь понять “Отче наш”, дают больше для доказательства силы христианства, чем иногда целая духовная семинария. Ведь доказывать надо не “вообще” христианство, а именно силу его в современной душе.<... >Нам сказано: “Дух дышит, где хочет”. Духовное оскудение христианства есть исторический факт, предугазанный в Евангелии. Когда начали оскудевать священники Божии, Он стал иногда говорить через людей, носящих пиджаки»^[374].

Здесь, считает Фудель, и находится узел проблемы, здесь сосредоточены парадоксы о ценностях в искусстве и вере. Христианское чувство в искусстве может быть не только у людей исключительных, вроде Достоевского, но и у таких «средних», как Пушкин, — средних в том смысле, что даже такой гений, как Пушкин, не смог удержаться на достигнутой высоте и спустился «вниз». «Пушкин написал не только свои “ночные стихи” или “Бориса Годунова”, но и “Гаврилиаду”, а Золя, кроме “Грез”, написал целую кучу романов типа “Жерминаль” или “Нана”, прибавившую грязи в человечестве. Даже у Достоевского есть вещи, которые так же нужны человеку, как совершенно здоровому желудку касторка»^[375]. (Таким произведением Фудель считал повесть «Записки из подполья».) «Лесков, кроме “Соборян” и “Запечатленного Ангела”, написал еще и целый ряд вещей, в которых обнаружил толстовскую злость и неверие»^[376]. И Фудель формулирует свой основополагающий вывод: *искусство может быть закономерным и полезно, но оно ненадежно*. Христианин должен помнить о границах возможностей искусства. «Искусство мира может быть в лучшем случае только папертью Храма, в котором полнота познания и радости»^[377].

Талант, считает С. И. Фудель, категория неоднозначная. Разве вред делается менее вредным оттого, что он талантлив? — восклицает он. Поэтому «с точки зрения сохранения современного человечества

гораздо лучше быть слесарем, чем филигранным мастером описания расстегивания дамских кофточек. Отошедшим от магистральной Диккенс — Достоевский это будет опять непонятно»^[378].

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час, —

цитирует он Тютчева. Но многие писатели, — утверждает Фудель, — как раз и заняты тем, что «выкликают тени», и вместо самоограничения вовлекаются в безграничность. На самую паршивую нечистую силу они надевают врубелевский маскарад и называют ее уже не нечистой силой, а байроновским демоном. «Навозная идея» сверхчеловека, как и древняя богоборческая идея, часто питают писательское сознание: недаром Раскольников появился до Ницше.

С горьким чувством Фудель цитирует брюсовское стихотворение «З. Гиппиус»:

Хочу, чтоб всюду плавала Свободная ладья,
И Господа и Дьявола Хочу прославить я, —

и, вспоминая лермонтовские стихи:

И тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек, —

говорит: «За этого ребенка христианину не плохо и возненавидеть литературу со всем ее мастерством»^[379]. Ведь «кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской»^[380], — сказал Христос.

Стихия нравственного безразличия, которая наполняет современное искусство, — наиболее уязвимая материя «доброго искусства». «Законом безразличного мастерства» называет С. И. Фудель вседозволенность искусства и безответственность его мастеров, которые своим безграничным произволом посягают на десять заповедей — каменные скрижали человечества. В великой лаборатории литературы изготавливаются многообразные и обворожительные по вкусу яды. Мастера искусства ведут себя как жрецы, а мастерство их — метод жертвоприношения.

И вновь Фудель прибегает к примерам из русской классики с мучительной для него задачей — честно увидеть беспомощность искусства. «Разве мы не видим, что, несмотря на все старания Гоголя, Собакевичи и Хлестаковы не только не уменьшились, но еще больше расплодились после “Мертвых душ” и “Ревизора”? И разве Россия не видела множества Смердяковых уже после того, как Достоевский его повесил?<...>Все остается как было. Меняются классы, но не нравственные типы общества. Вот почему Гоголь, догадавшись под конец жизни об этой бесплодности искусства, заметался в предсмертном ужасе и начал проповедь вне искусства»^[381].

С. И. Фудель, пройдя через опыт работы над книгой о Достоевском, настоятельно призывает всякого христианина учиться распознавать добро и зло, под какими бы одеждами последнее ни таилось. Войдя даже в самый великолепный храм, нельзя расставаться с чувством трезвости, бдительности, духовной зоркости. И напротив — следует всегда помнить апостольское предупреждение: «Сам сатана принимает вид ангела света»^[382]. «Всякое живое существо хочет жить, и христианин, желая жить вечно, зорко смотрит на таящуюся опасность»^[383].

Таковы ценностные ориентиры, к которым пришел С. И. Фудель в своем постижении искусства, и прежде всего русской классики. Разумеется, поставленные им проблемы были частью более глубокого конфликта — между западноевропейской культурой и русской православной традицией. В допетровские времена, когда все русское искусство существовало в рамках православия, эта проблема не могла возникнуть. Она возникла вместе с петровскими реформами — и стала звучать так: насколько православная культура может сосуществовать с западным вариантом христианской культуры и со светскими вариантами своей собственной культуры; насколько она может усвоить их.

Стремление Фуделя посмотреть на современные формы искусства с точки зрения Евангелия было стремлением православного человека, любящего искусство и светскую культуру, и сознающего, насколько он обязан им в своем духовном развитии. Им двигало благородное намерение выстроить и сохранить в своем сознании иерархию ценностей, в которой ценности духовные занимают, бесспорно, высшее место, а светское искусство не отвергается, но получает свое

достойное, однако не завышенное и тем более не абсолютное место. Мирские ценности, даже если это ценности высокого искусства, не должны, считал Фудель, выдаваться за абсолютные святыни. Поэтому почти кощунственно звучат для него столь привычные словосочетания: «святое искусство», «искусство требует жертв», «положить жизнь на алтарь искусства». Такая подмена, как и всякая подмена в христианской традиции, есть соблазн антихриста, полагает он.

С. И. Фудель — явление свободного, без тени ханжества, православного мышления, не боящегося самых острых, порой безнадежных проблем. Показательно, что для него самого Достоевский — спасительный образец духовной свободы и духовной отваги. А главное — пример воплощенной возможности успешного сочетания высокого искусства и истинного православия.

«Всякий автор ищет одобрения, — писал он вскоре после окончания работы над книгой. — И я огорчаюсь, когда не понимают моего Достоевского. Но я же знаю по опыту, что иногда после огорчения и даже после долгой борьбы и отпора чужому (якобы) “непониманию” потом вдруг что-то внутри смиряется и тогда тотчас же светлеет и начинается благодарное понимание правды»^[384].

После выхода книги «Наследство Достоевского» сын Сергея Фуделя Николай написал: «Появление этой книги было для меня радостью не только как для сына автора, но и как для человека, который хотя и любил великого писателя, но трудной любовью. Я часто блуждал по вскрытым им подпольям, едва улавливая отсвет Истины. Книга моего отца помогла мне определить тот источник Света, который и раньше я ощущал скорее интуитивно, подсознательно. Что произошло бы с наследством Достоевского, если бы был изъят из него лик Христа? Может быть, тогда его романы стали бы самыми мрачными и безнадежными во всей мировой литературе»^[385]. Именно эту роль призвана была играть книга о пути великого русского писателя к Христовой вере и к Церкви, прошедшем к осанне через великое горнило сомнений.

«Любить искусство, — писал сыну С. И. Фудель, — надо так же, как любишь людей, то есть, любя, не воспринимать их недостатки, не мараться их грязью и в то же время быть всегда готовым преклониться святости»^[386]. И еще одно важнейшее свидетельство: «Культура есть воплощение в земной среде божественного начала. Если *нечего*

воплощать или если *негде* воплощать, то есть если нет Бога или среды для Него, то культура умирает. Мало признать Бога — надо еще создать почву, жаждущую Его воплощения, надо иметь Сионскую горницу, куда снова может прийти Христос. В этом утверждении “святой земли”, или духовной почвы для воплощения, Флоренский продолжает мысли Достоевского, которого он часто с любовью вспоминает в “Столпе”»^[387].

Книга о Флоренском: «Начало познания Церкви»

Закончив свой труд о Достоевском, Фудель тогда же, весной 1963 года, начал новую работу о большом русском мыслителе, когда-то бывшем для него учителем жизни и старшим другом, — об отце Павле Флоренском. Девять лет спустя эта книга вышла в Париже под псевдонимом Ф. Уделов^[388]; авторский подзаголовок стал ее заглавием: «Об о. Павле Флоренском». Фудель же озаглавил свою работу «Начало познания Церкви».

Это было еще одно мысленное возвращение в минувшие времена. *Началом познания Церкви* послужила когда-то для юного Сергея Фуделя книга Флоренского «Столп и утверждение истины». Вместе с тем опыт личного общения с отцом Павлом, сохранившаяся в сердце память о нем подсказывали Сергею Иосифовичу, что и в духовном пути священника — философа написанная еще в молодые годы работа была лишь «началом Флоренского»: «Все, что он говорил (именно больше говорил, а не писал) после этого, то есть в первые годы революции, когда он вел свои беседы по московским церквам с амвона и в аудиториях, — все это носило более глубокий смысл»^[389]. Именно тогда, после написания знаменитой книги, которая, по свидетельству Фуделя, уже не удовлетворяла ее автора, он «начал подходить совсем близко к настоящим откровениям о Церкви и мире, иногда, как зарницы, освещавшим тогда наше сознание». Впрочем, с годами в памяти остались даже не лекции, которые когда-то помогал организовывать Сережа Фудель, а глубина молчания: «Скорее в молчании была его сила»^[390].

Благодарность за пережитое благодаря Флоренскому полвека назад — вместе с радостным удивлением перед непостижимыми путями, которыми «Бог приводит к Себе в наше время людей из самой гущи неверия, этих взрослых некрещеных, не книжных»^[391], — побудили Сергея Фуделя предпринять попытку донести многосложную мысль отца Павла до неискушенных читателей эпохи ускоренного

«строительства коммунизма», не ведающих ни Канта, ни Соловьева. Ради этого Фудель бережно высвобождает из «колючей проволоки» научной терминологии то, что он воспринял как главное в облике Флоренского: живую устремленность к духовной достоверности подлинного богообщения. «Я писал, стараясь<...>дать больше его образ, а не учение. Его личный облик гораздо важнее и “вернее” его учения, — он только *иногда* в своем переусложненном и переобремененном учении давал то, что почти всегда давал в личном общении»^[392] — так формулировал автор свою задачу в письме к близкому человеку.

Композиция книги бесхитростна и, может быть, менее проработана, чем в труде о Достоевском: это пересказ, а местами конспект «Столпа...», перемежаемый мозаикой пояснений витиеватой мысли его автора и яркими искорками личных воспоминаний о нем.

Сегодняшним читателям, быть может, непонятно, зачем страница за страницей пересказывать адаптированного Флоренского, вместо того чтобы давать критический анализ его творчества. Однако дорог же был и этот пересказ в пору, когда Флоренского, конечно, не печатали, единственное издание его книги было крайней редкостью, а устройства для ксерокопирования были еще совершенно недоступны! Многие — в том числе и один из авторов этой книги — прочли бледную копию работы Фуделя на тонкой, папиросной бумаге много раньше, чем в нетерпеливые руки на краткий срок попало антикварное издание «Столпа...» объемом больше восьмисот страниц или его репринт, изготовленный на Западе и неведомыми путями перевезенный через границу СССР.

А кроме того, в невеликой по объему книжке присутствовал и вдумчивый разбор головокружительных построений Флоренского, в котором раскрывались святоотеческие их корни, приводились поясняющие дело отрывки из других работ отца Павла, писаний его современников или оказавших на него влияние богословов прошлого. Но, пожалуй, всего дороже — вкрапленные здесь и там живые воспоминания о личном облике Флоренского и биографические свидетельства, собранные с великим трудом и любовью. Из черновых записок видно, что С. И. Фудель, готовя книгу, собирал все доступные ему материалы об отце Павле, записывал мемуары дочери

В. В. Розанова Татьяны, вдовы Флоренского Анны Михайловны, вдовы друга Флоренского отца Сергея Мансурова Марии Федоровны.

Все они ушли из жизни раньше Сергея Фуделя. И даже ощущая некоторую незавершенность написанной им книги, Сергей Иосифович был рад, что успел сохранить для читателей ускользающий в потоке времени неотмирный лик учителя своих молодых лет, поделиться впечатлением от главных его мыслей — с тем, чтобы потом уж «не писать, а поджидать личной встречи и с ним, и со всеми, от кого сердце получало тепло, свет и радость»^[393].

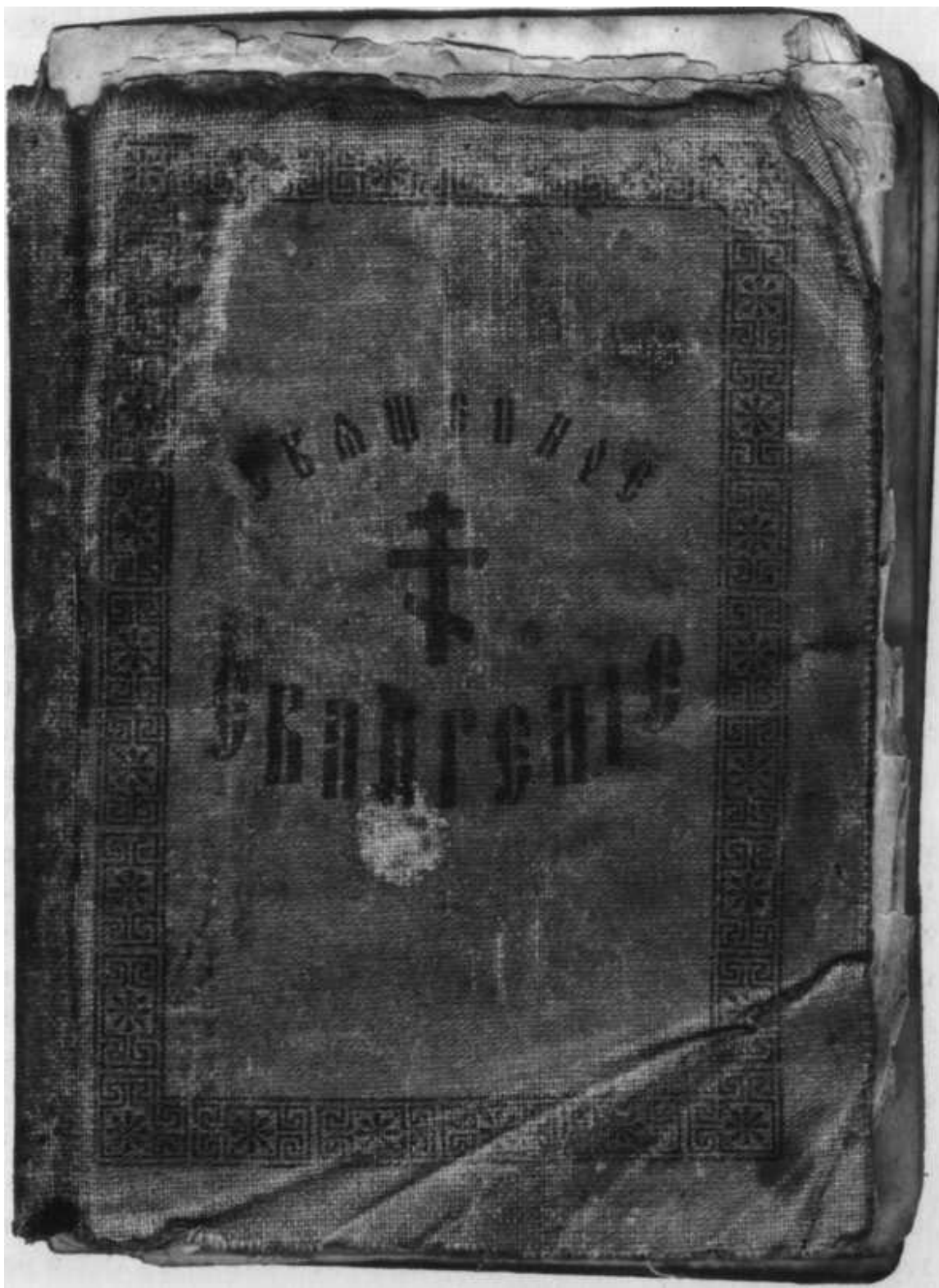
Фудель умело раскрывает перед читателем притягательную силу и обаяние духовной личности отца Павла, которого «трудно передать, пока человек не догадается, о чем его главная боль»^[394].

На помощь приходит короткая зарисовка: на тюремных нарах в 1946 году, после вечерней баланды, когда камера немного утихает, арестант Фудель пытается, преодолевая трудность темы и незнание языка, рассказать о Флоренском молодому профессору иностранного университета. Тот вполне понимает лишь всплывший в памяти собеседника латинских эпиграф книги: «Finis amoris, ut duo unum fiant. Предел любви — да двое едино будут». Но и этого оказалось довольно; на опустошенном, сером лице изголодавшегося и одинокого человека появляются слезы. «Мне удалось передать Флоренского», — думает заключенный.

Через два десятилетия автор первой в России монографии о Флоренском бережно и терпеливо извлекает из «непроходимых зарослей» теорем и метафизических построений «Столпа...» то, что было ему всего дороже в этом сложном мыслителе: трепетное, написанное страданием и любовью свидетельство о уже состоявшейся жизни в Боге, причем, что так близко самому Фуделю, высказанное тоном человека, который «явно не уверен в своем праве о Нем говорить»^[395]. И в облике философа, который людям, пережившим катастрофы XX века, порою представляется чересчур многословным и вычурным, убедительнее всех слов оказывается сбереженная в памяти лучшего его биографа тишина цельности и скромности, как бы вопреки всей необъятности познаний и неумности интересов.

Образ Флоренского выписан с любовью, но и глубокой правдивостью. «Я не знаю, как он молился вне храма, — жила ли в нем всегда молитва», — признается Фудель, но добавляет: в отце

Павле ощущалась духовная собранность, особенно проявлявшаяся в том, как он служил литургию — очень просто, тихо и сосредоточенно. И в этой теплой серьезности был «точно дом для молитвы»^[396]. Еще одно признание: «Я не знаю о нем и как о духовнике». Друживший с ним Розанов, который однажды написал об отце Павле: «Мне порою кажется, что он — святой»^[397], — когда умирал неподалеку в Сергиевом Посаде, позвал для исповеди не его, а другого священника. Иные находили, что Флоренский вообще не любил людей. «Я не знаю, так ли это», — целомудренно пишет Фудель, но считает нужным не исключить из своего портрета и эту черту духовного облика отца Павла, как и его способность иногда дразнить людей или

Евангелие С. И. Фуделя, пронесенное им через все лагеря и ссылки. *Собрание А. М. Копировского*

Помянник протоиерея Иосифа Фуделя, позднее перешедший к сыну. *Собрание А. М. Копировского*

в полемическом увлечении противоречить самому себе. «Жило ли в нем прочно сердечное смирение?» — спрашивает себя Сергей Фудель, прошедший после дружбы с Флоренским долгую школу не только вдумчивого чтения святых отцов, но и общения с людьми, достигшими святости. И вновь отвечает предельно честно: «Знаю только то, что в нем не было и тени этого ужасающего внешнего смиреннословия».

Признавая иногда свойственную отцу Павлу «давящую ученость», порой увлекавшую его то в филологические изыски, то в споры с Шопенгауэром о бритве бороды или с Белинским и мадам де Сталь насчет природы ревности, — словом, в области, ненужные для его главных и «святейших тем», Фудель смущенно делится — «даже как-то неловко выговорить» — парадоксальным образом, возникшим в связи с его недавним погружением в творчество Достоевского: «Мне кажется, что в его духовном облике как-то не хватало Сони Мармеладовой»^[398]. «Сила его не в учености, а в преодолении ее»^[399] — с этими словами близко знавшей Флоренского М. Ф. Мансуровой Фудель с готовностью соглашался.

Фудель критически относится и к некоторым особенностям богословских построений Флоренского. В числе их недостатков он отмечает то, что воспринимает как некий «римско — магический» уклон, мистически окрашенный рационализм, из-за которого, в частности, отец Павел одно время подозревал в неправославии труды Хомякова. Влияние «головной мистики» Фудель видит и в вовлеченности отца Павла в «имяславские» богословские споры накануне революции^[400], и в еще непреодоленной в пору написания «Столпа...» оглядке на «новое религиозное сознание» круга Д. С. Мережковского, и в некотором увлечении идеями Оригена. Впрочем, в последнем случае Фудель берет Флоренского под защиту, напоминая, что под влиянием этого основателя христианской науки находились и многие великие Отцы Церкви. Читателей из числа слишком ему уже известной породы молодых и самоуверенных неопитов Сергей Иосифович предупреждает: надо быть очень осторожными с обвинениями в ереси, «мы совсем не знаем церковной истории»^[401].

Так же бережно говорит он и о том таинственном предчувствии, не выросшем в меру ясного церковного сознания, которое Флоренский и отец Сергей Булгаков пытались выразить в своем учении о Софии. С осторожностью относясь к присущей обоим богословам рационализации мистического опыта, к возможной преждевременности «метафизических домыслов», Фудель восстает против высокомерного нечувствия, «тяжелого и безнадежного семинаризма мышления»^[402] критиков «софианства». В одной из поздних глав своих «Воспоминаний», появившейся в начале 70-х годов, он так напишет о тех, кому «доставляет удовольствие производить суд» над старшими друзьями его юности: «Не будем участвовать в этом. Богословие должно быть смиренно, как молитва, но и судить еще не смиренных мы не решаемся»^[403].

И вот, несмотря на все ошибки или недостатки Флоренского, Сергей Фудель справедливо оценивает его не по этим ошибкам, а по духовному итогу его творчества, который можно передать так: воцерковление научного разума, «и *этого* детища Божия», а с ним и всех сфер человеческого знания, всего достояния мировой культуры. Флоренский властно обращал сознание его читателей, а особенно — знавших его, «в реальность духовной жизни, в действительность общения с Божественным миром»^[404]. Он «открыл какое-то окно, и на наше религиозное мышление повеяло воздухом горнего мира. Живая вера живой души толкнула нас на путь опытного богопознания»^[405]. Отец Павел открыл Церковь многим, в том числе некогда и Сергею Фуделю. Ученые же критики Флоренского — едва ли. И этот критерий является для Фуделя вернейшим, как и при сопоставлении Достоевского с Леонтьевым.

Лишь год проучившийся в университете счетовод, живущий в глухой русской провинции, в глубине души считал литературоведение не особо ценным занятием с точки зрения достижения Вечности. Но написанная им книга о Достоевском внесла серьезный вклад в осмысление наследия великого русского писателя. Это с готовностью признали профессиональные филологи, прочитавшие «Наследство Достоевского» много лет спустя. Нечто похожее получилось и с работой о Флоренском, которая выявила в Сергее Фуделе созревшего исследователя религиозной и богословской мысли. Конечно, его становлению послужили и многие тома творений святых отцов,

академических богословов и философов, поглощенные Фуделем в его утлом доме, в квартирах друзей, в читальных залах московских библиотек, куда он время от времени выбирался. Полный чемодан выписок остался после его смерти. Так что невеждой и в школьном богословии он не был. Однако зоркость и проницательность его видению более всего придавала воспитанная долгим аскетическим опытом трезвенная целомудренность ума, устремленного к *единому на потребу*^[406].

«Славянофильство и Церковь»

Фудель считал Флоренского творческим продолжателем «духа старого славянофильства, одного из наиболее неожиданных и светлых движений русских образованных людей XIX века»^[407], которому многим был обязан и Достоевский. И потому от книг о Достоевском и Флоренском естественным был переход к работе о славянофильском движении, в котором Фудель видел яркий и смелый порыв возрождения христианской мысли и жизни, попытку противостояния углублявшейся секуляризации ради духовного преображения России.

Точнее, работа эта шла параллельно. Еще осенью 1960 года к отмечавшемуся тогда столетию со дня смерти А. С. Хомякова Фудель написал статью о значении богословского наследия этого мыслителя. Надежда опубликовать работу в «Журнале Московской Патриархии» в очередной раз не осуществилась. Но впоследствии очерк о Хомякове был существенно переработан и дополнен, послужив основой для работы «Славянофильство и Церковь». Она была завершена много позднее, в 1972 году, а опубликована в парижском «Вестнике Русского христианского движения» спустя шесть лет, уже после смерти автора.

Религиозно — философское и общественное течение славянофильства сформировалось в полемике с «западниками», развернувшейся в 40–е годы XIX века и отчасти спровоцированной написанными десятилетием раньше «Философическими письмами» Петра Чаадаева. Славянофилы — Дмитрий Хомяков, Иван и Петр Киреевские, Константин и Иван Аксаковы, Юрий Самарин — отстаивали укорененную в Православии самобытность духовного и общественного уклада России, которой отводили особую роль во всемирной истории. Не соглашаясь со всеобщей обязательностью западноевропейских культурных и политических стандартов, славянофилы, тем не менее, во многом способствовали последовавшей через два десятилетия после начала их движения отмене крепостного права, цензуры, созданию гласного суда.

Впрочем, не политический аспект их деятельности интересовал С. И. Фуделя, как и не специфическая философия славянофильства. Ему была дорога евангельская проповедь, которою славянофилы

хотели преобразить все сферы общественной жизни. Они, как и Фудель, были светскими богословами (особенно Хомяков и Самарин), то есть мирянами, глубоко преданными Церкви, но дерзающими без особой санкции церковной власти говорить и писать о Боге. Они, как и Фудель, опирались на наследие святых отцов и многое сделали для того, чтобы познакомить с ним читающее общество. Они, как и Фудель, глубоко страдали от духовного неблагополучия в ограде Церкви и видели ее духовную силу в подвижничестве и молитве, а не в отвлеченном богословии и внешнем благолепии под сенью казенной опеки. Некоторые из них (прежде всего братья Киреевские) прибегали к духовному руководству опытных монахов и были близки к столь дорогой Фуделю Оптиной пустыни. Центром их мировоззрения было учение о церковной соборности, глубоко развитое Хомяковым. Наконец, славянофилы далеко не идеализировали современную им русскую действительность, а потому были на подозрении у правительства. Долгое время многие их труды не могли печататься в России, и основные богословские произведения Хомякова при жизни его распространялись в списках, что было Фуделю так понятно. Основатели славянофильства находились под секретным надзором полиции, а Самарин даже был заключен в Петропавловскую крепость в Петербурге (где впоследствии сидел и Достоевский) — пусть всего на десять дней, но и это как-то сближало его с многолетним узником ГУЛАГа (отметим эту прикосновенность к тюрьме, которой отмечены герои всех главных работ Сергея Фуделя, не исключая, конечно, и мучеников первохристианства, апостола Павла и Господа Иисуса Христа!).

С наследием славянофильства Сергей Фудель был связан и цепью семейных, человеческих отношений. К кругу близких друзей его отца принадлежали племянники Юрия Самарина Федор и Александр, люди глубокой церковности, живые носители славянофильских идей. Федор Дмитриевич Самарин († 1916) вместе с отцом Иосифом Фуделем, Дурылиным и Флоренским был одним из основателей новоселовского кружка и Братства в честь святителей Московских. Его дочь Мария († 1976) была женой священника Сергея Мансурова († 1929), замечательного подвижника и писателя, дружившего с Флоренским и знакомого Сергею Фуделю с юности. На склоне лет Сергей Иосифович писал об этой паре, что, встречая их на московских улицах вдвоем,

«глядел и<...>читал жадно, точно открывающуюся для меня книгу о какой-то недостижимой для меня и в то же время возжеленной жизни — света и правды<...>и с тех пор, по всем бесконечным дорогам жизни, я где-то внутри нес в себе и это “видение” — двух, идущих к Богу»^[408]. Работая над книгой об отце Павле, Фудель советовался с Марией Федоровной, жившей в Боровске (Калужская область) после ссылки в узбекский городок Бек — Буди.

Предводитель московского дворянства Александр Дмитриевич Самарин (t 1932) за два года до революции недолгое время был обер — прокурором Святейшего Синода. С этим назначением в семье Фуделей связывали несбывшуюся надежду на избавление Церкви от темного влияния Распутина. Летом 1917 года отец Иосиф выдвинул кандидатуру А. Д. Самарина на тогдашних выборах московского митрополита. Избран был святой Тихон, скоро ставший патриархом; но Самарин по числу голосов был вторым, опередив четырех виднейших иерархов Русской Церкви. Затем Самарин возглавил Союз объединенных приходов, созданный для защиты Церкви перед лицом начавшихся гонений. Мужественный исповедник четырежды подвергался аресту, пережил смертный приговор, замененный тюремным заключением, и ссылку в Якутию. В 1919 году он был отпущен на свободу накануне Пасхи, но вышел из Бутырской тюрьмы днем позже, чтобы не оставить в пасхальную ночь созданный им из арестантов церковный хор. Крестный ход из заключенных прошел тогда по коридорам Бутырки^[409]. Двумя годами позже в Таганской тюрьме вновь арестованный Самарин пел Пасху с митрополитом Кириллом, который вскоре вместе с Сергеем Фуделем отправился по этапу в Зырянскую ссылку. Одно время Самарин жил в бывшем имении своей жены — Абрамцеве, в «аксаковском гнезде», оставившем теплые воспоминания в сердце Сергея Фуделя, который посетил его летом 1917 года («Я впервые попал в этот мир уходящей эпохи и полюбил его навсегда»^[410]). А в начале 50-х годов в имении, обращенном в музей, работал Николай Фудель, и отец в своих письмах всячески старался подтолкнуть его к серьезному изучению славянофильского наследства.

Наконец, дочь Александра Самарина Елизавета (t 1985), мужественно разделившая с отцом скитания по ссылкам, стала после его кончины женою художника Николая Чернышева (t 1942),

духовного сына епископа Афанасия и близкого друга юности Сергея Фуделя. После войны она была одной из первых читательниц фуделевских произведений.

В наследстве ранних славянофилов, этих подвижников христианской мысли, нравственно безупречных даже в глазах их идейных противников — «западников», всего дороже Фуделю было учение о Церкви как живом организме истины и любви, выработанное Хомяковым и развитое Юрием Самариным. Твердое основание этого учения, несомненно, находится в Священном Писании и, прежде всего, в посланиях апостола Павла. Однако, как признавал еще Владимир Соловьев, введение этой мысли в русское религиозное сознание стало главной заслугой славянофильства. Нелегко давалось это в ту пору, когда в России, как и на Западе, «религиозная мысль бродила в пустынях рассудочного богословия, все больше теряя веру»^[411]. По мнению Ю. Ф. Самарина, отпадение от Церкви целых поколений образованных людей было следствием сухого богословского рационализма и формализма, выработавшегося в результате отрыва от живого духовного опыта и преподносившего пастве не Церковь, а лишь призрак ее.

Для Хомякова Церковь есть богочеловеческий организм или «проявление Духа Божия в человечестве», не просто общество христианское, состоящее из множества обособленных индивидуумов, но целостное «единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений», — цитирует Фудель. И это единство, мистическая «соборность» Церкви, как и сокровенная ее святость, познается лишь «внутренним знанием веры», неотделимой от подвига любви, в то время как внешнему взору открываются лишь административные подпорки одного из человеческих институтов со всей свойственной людям ограниченностью.

Фудель толкует хомяковскую соборность как «единство в любви святых Божиих, так бесконечно просто выраженное в Деяниях; “У множества... уверовавших было одно сердце и одна душа”»^[412]. Он справедливо отмечает, что идеи Хомякова во многом предопределили дальнейшее развитие православного богословия, надолго поставив в центр его темы о Церкви, о Предании как непрекращающемся Откровении, и прослеживает влияние славянофильства на творчество Владимира Соловьева, Николая Бердяева, отца Павла Флоренского

(несмотря на некоторые его расхождения с Хомяковым, которые, по свидетельству Фуделя, были временными), отца Сергея Булгакова, Владимира Лосского и многих других. И вместе с тем отмечает, что ни одно из богословских произведений Хомякова не было издано в России при его жизни. Лишь через девятнадцать лет после его кончины их разрешили напечатать, и то при условии непременно уведомления, что «неточность выражений автора объясняется отсутствием у него специального богословского образования».

Рукопись работы «Церковь одна» при жизни Хомякова долгое время ходила по рукам, выдаваемая за перевод произведения неизвестного греческого автора. Поверив этой мистификации, Гоголь писал, что откуда-то привезенный Хомяковым греческий катехизис «необыкновенно замечательный. Еще нигде не была доселе так отчетливо и ясно определена Церковь»^[413].

Рассказывали, что «греческая» рукопись дошла и до святого митрополита Филарета, который тоже признал ее замечательной, хотя со свойственной ему пронизательностью тотчас догадался, что писана она «не греком и не лицом духовного звания»^[414]. Но и оценка великого московского митрополита не могла повлиять на отношение в официальных кругах к богословскому творчеству какого-то бывшего гусарского офицера. Иван Киреевский свидетельствовал, что Хомякову одно время было запрещено не только печатать, но даже читать свои произведения друзьям.

По мнению Фуделя, это неприятие было связано с тем, что и хомяковский «катехизис», и другие произведения его или его соратников обличали по существу «внутрироссийскую действительность, гражданскую и церковную»^[415], хотя острие полемических выпадов и было направлено против проявлений, характерных для западных вероисповеданий. Действительно, схоластика, ставшая предметом критики Ивана Киреевского как стремление к «научообразному богословию», из которого «живое, цельное понимание внутренней духовной жизни... изгонялось под именем “мистики”»^[416], была свойственна России XIX века не менее чем Западной Европе. Ю. Ф. Самарин был прав, утверждая, что Хомяков «поднял голос не против вероисповеданий латинского и

протестантского, а против рационализма, им первым опознанного в начальных его формах, латинской и протестантской»^[417].

Полемический диалог Хомякова и славянофильства вообще с Западом стал предметом особенного внимания Сергея Фуделя. Он сочувственно цитирует слова Владимира Соловьева: за основную мысль Хомякова, что «истина дается только любви», ему «простятся все полемические грехи». Фудель не забывает также отметить, что именно Хомякову принадлежат полюбившиеся Достоевскому слова о «дальнем Западе, стране святых чудес», и напоминает, что, по собственному признанию Хомякова, еще в юности его воображение «воспламенялось надеждою увидеть весь мир христианский соединенным под одним знаменем истины»^[418].

Знаки надежды Фудель находит в следах влияния Хомякова, усматриваемых им в энциклике Пия XII «О мистическом Теле Христовом», где излагается «учение о Церкви прежде всего как о живом организме»^[419], а также в документах II Ватиканского Собора, за ходом которого Фудель пристально следил по доступным ему публикациям в «Журнале Московской Патриархии», а также машинописным материалам из Издательского отдела Патриархии и Московской духовной академии. С радостью он отмечает, что «идея соборности, основная идея Востока и славянофилов», недавно, казалось, не понимаемая Римом, склонным к иерархическому абсолютизму, «зазвучала в соборных речах и постановлениях»^[420]. Соборность, как главный вклад Хомякова в богословие, получила высокую оценку и в вышедшей после Собора «Новой католической энциклопедии», а также в других трудах католических исследователей. «Парадоксально, но преодоление идеями Хомякова атмосферы равнодушия и невежества на родине идет более медленно»^[421], — отмечает Фудель.

Признавая, что «стремление к христианскому объединению не должно и не может быть вычеркнуто из нашего сознания, как живой голос эпохи»^[422], Фудель, вслед за Хомяковым, предлагает приближаться к единству через познание существа Церкви, а не посредством человеческих, рассудочных сделок и «легких экуменических выводов»^[423]. Ему близки слова отца славянофильской экклезиологии: «В десятке различных

христианств, действующих совокупно, человечество с полным основанием опознало бы сознание бессилие и замаскированный скептицизм»^[424].

После целого ряда критических высказываний — вполне отвечающих хомяковскому полемическому темпераменту — о папской непогрешимости, об ущербной рассудочности томизма — «и старого, и нового», о замороженности неотомизма «культом современного научного познания»^[425], Фудель наконец вновь обращается к давно вынашиваемой мысли, что истинное соединение в Боге, «в теле Церкви Его», возможно только «при возвращении к первой любви, к первохристианству: в благодатном познании, в жизни, действительно наполненной любовью Духа»^[426].

Совокупность экклезиологии славянофилов, считает Фудель, «поднимается выше ее полемического аспекта». Порою Хомяков, «забывая о своих обличениях, говорит о сущности всей как будто и сейчас еще не разделенной Церкви Христовой»^[427]. Цитируя дорогие ему слова Хомякова о том, что «сокровенные связи, соединяющие земную Церковь с остальным человечеством, нам не открыты»^[428], Фудель видит плодотворный путь не в диалоге богословских работ, а в диалоге покаяния и молитвы — «покаяния о себе и молитвы о соединении». Чудо единства может быть достигнуто только в молитве — «и в одинокой, и через нее в совместной молитве и с католиками»^[429].

Важной частью славянофильского наследия Фудель считает признание отсутствия любви причиной великой схизмы. И если у славянофилов хватало мужества видеть оскудение в своей Церкви — тем паче теперь, перед лицом столь далеко зашедшей дехристианизации мира «важнее всего не установление заблуждений других Церквей, а осознание именно своей вины в разделении, своей части во всеобщем омертвлении христианства, во всеобщем уходе от первоначальной святости и любви, от благодати в обмирщение»^[430].

Славянофилы, писал Хомяков, «посвятили себя великому всемирному труду христианского воспитания»^[431]. Их чаянием было, по словам Ивана Киреевского, воплощение в русской общественной и семейной жизни духа истинной христианской веры. Истоки его они находили в писаниях святых отцов, совершенно неведомых

тогдашнему образованному обществу. Первые же статьи Киреевского о святоотеческой философии, возвышающей разум к превосходящему рассудок высшему умозрению, производили, по цитируемому Фуделем признанию современника, «впечатление какого-то путешествия в новооткрытые страны». На этой почве произошло и сближение с подлинной монашеской традицией, наиболее полно в современной им России реализованной в Оптиной пустыни. Этот монастырь с детских лет был особенно дорог сердцу Сергея Фуделя.

Подробно раскрывая историю взаимоотношения семьи Киреевских с оптинским старцем Макарием, Фудель посвятил особую статью их десятилетнему сотрудничеству в деле перевода и издания аскетической литературы, результатом которого стало появление 26 томов подвижнических книг. Большинство из них составляли столь любимые Фуделем творения, многократно цитированные в его трудах и обширно использованные в «Пути Отцов».

Это приложение к работе «Славянофильство и Церковь» было закончено двумя годами позже основного текста. Новая тетрадка («Оптинское издание аскетической литературы и семейство Киреевских») потребовала большого труда: в течение весны 1974 года Сергей Фудель провел долгие часы в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени Ленина, проработав множество документов из собрания Оптиной пустыни и семейного фонда Киреевских. Работа эта, выполненная с большой любовью и проникновенностью, опубликована была лишь три десятилетия спустя. Она стала несомненным вкладом как в историю Оптиной пустыни и славянофильского движения, так и в изучение христианского просвещения России. Особенно интересно современному читателю узнать, как нелегко было в свое время убедить духовную цензуру извлечь из-под спуда сокровища святоотеческих писаний: едва ли удалось бы справиться с этой задачей, если бы не мудрое содействие святого митрополита Московского Филарета.

Оптинское издательство, пишет Фудель, создано монахами, но при глубоком участии людей семейных, «создано в монастыре, но, может быть, больше всего для того “монастыря в миру”, о котором, готовя нашу эпоху, учили Тихон Задонский, преподобный Серафим, Георгий Задонский, Феофан Затворник, Достоевский».

Монастырь в миру — это, по Фуделю, «монастырь “без мантии”, без стен, ограждающих от бурь и соблазнов, и без столь любезного для нас соскальзывания во внешность». Это «сокровенная жизнь в Боге, это первохристианство»^[432]. Опыт, получивший основание в русской истории XIX века, оказался главной опорой верных в катастрофическом XX столетии. И лучшим подтверждением того стал сам Сергей Фудель — не монах и не священник, но человек *не от мира*, посланный Христом *в мир*.^[433]

Издательство Патриархии. Поздние богословские статьи

Статьи о славянофильстве и об оптинских изданиях были написаны С. И. Фуделем не без ожидания увидеть их напечатанными. Так, «Славянофильство и Церковь» писалось, судя по письмам автора, «с целевой установкой на “Богословские труды”»^[434]. Рукопись была в 1972 году доставлена в Издательский отдел Патриархии, но издана там не была. Как и ни одна другая работа Сергея Иосифовича. Винить в этом сотрудников редакции не приходится — виноваты были условия несвободной жизни Церкви. Надо помянуть добрым словом тех, кто не только поддерживал в бывшем заключенном и ссыльном надежду на востребованность его писательства, но и предоставлял скромное, хотя и существенное для нищего автора материальное подспорье. Кроме денежной, чрезвычайно важной была и интеллектуальная поддержка в виде книг (особенно изданных за границей) и возможности быть в курсе событий церковной жизни.

Судя по некоторым свидетельствам, еще в начале 60-х годов Фудель познакомился с секретарем редакции «Журнала Московской Патриархии» А. В. Ведерниковым (1901–1992), который был одним из наиболее влиятельных и активных церковных деятелей того времени. Сын простого крестьянина, в 1924 году он окончил Институт слова, где еще застал лекции Николая Бердяева и Ивана Ильина, а после войны — Московскую духовную академию. Гостеприимная квартира Ведерникова в Плотниковом переулке, в краю арбатского детства Сергея Фуделя, была исключительным в советской Москве местом человеческого общения, которое, возможно, было главным призванием Анатолия Васильевича. Его дом был «местом паломничества, особенно в кругах московской интеллигенции»^[435], и многие люди искусства и культуры именно здесь приобщились к жизни Церкви. «Мы все получили в его доме образование, потому что у него была замечательная библиотека. Эта библиотека ходила по рукам. Русскую философию, историю — все это мы получили с его полок»^[436], —

вспоминает Людмила Улицкая. Вполне возможно, что этой библиотекой пользовался и С. И. Фудель.

Работа Ведерникова в редакции подцензурного церковного журнала, к сожалению, не позволяла реализовать многие планы этого одаренного и преданного Церкви человека. Однако он использовал свои возможности, чтобы оплачивать написание статей, а также выполнение переводов работ иностранных авторов, очевидно не имевших в то время шансов на успешное «проталкивание» через цензуру. Так Анатолий Васильевич стремился работать для будущего Церкви, а кроме того — материально поддерживать тех, кто трудится с той же целью.

Эту миссию с не меньшим усердием продолжал сменивший Ведерникова в 1962 году в должности секретаря редакции Евгений Алексеевич Карманов (1927–1998). «Многим из тех, кого неприятие официальных властей лишило куска хлеба, Е. А. заказывал переводы, рефераты и т. д. И это не было только благотворительностью: однажды, заказав перевод творений одного из древнехристианских авторов, Е. А. сказал переводчику, что сделать этот перевод — наш долг перед потомками»^[437], — сообщает близко знавший его священник. В личном архиве Е. А. Карманова^[438] сохранились не менее двенадцати машинописных копий произведений С. И. Фуделя.

Сергей Иосифович, по свидетельствам его писем и воспоминаниям детей, регулярно получал разного рода заказы от Издательского отдела Патриархии с 1967 года. Выплачиваемые за эту работу гонорары позволяли хоть как-то прожить при крайне скудной пенсии. Иногда это были переводы (в том числе «Summa theologiae» Фомы Аквинского^[439] и Патрология Йоханнеса Квастена^[440]), в таких трудах принимала участие и его жена Вера Максимовна; иногда оплачивались и самостоятельные работы, даже если выпустить их в свет не было никакой надежды. Это участие в деятельности церковного издательства, которое, увы, мало что издавало, продолжалось до самой смерти Сергея Фуделя. По воспоминаниям А. А. Бармина, в 70–е годы Сергей Иосифович как «внештатник» Издательского отдела получил возможность пользоваться и библиотекой Московской духовной академии в Троице — Сергиевой лавре и периодически приезжал туда на несколько дней, останавливаясь в лаврской гостинице^[441].

Благодаря этому он получил дорогую для него возможность ознакомиться с трудами современных богословов, живших на Западе.

Вероятно, в рамках сотрудничества с издательством Патриархии была написана в начале 70-х годов и работа «Записки о литургии и Церкви», в которой Фудель продолжает развивать круг своих заветных мыслей о сущности Церкви, сполна проявляющейся в ее основном священнодействии — Божественной литургии. «Литургия стоит в центре христианства»^[442], поскольку «все христианство — в этом окружении учениками своего Учителя за бессмертной трапезой таинства»^[443]. Здесь, у алтаря, обретается причастность к эсхатологической победе божественной жизни на земле, здесь раскрывается Церковь как «прекращение одиночества», ибо любовь Божия зовет к единству, здесь верою познается нераздельность Церкви и Христа, здесь черпают силу и мужество воины Христовы в страшной борьбе против всеоружия тьмы.

Однако значение литургии остается малопонятным для многих современников автора — даже для тех из них, кто умом и сердцем уже воспринял правду христианства, но не был воспитан в ощущении литургии как причастия «божественной и любящей вечности, теплой, как материнское лоно», и не привык дышать «воздухом совсем иного мира»^[444]. И вот, обращаясь к тем, «в чьей душе не лежат драгоценным грузом воспоминания о пасхальных ночах»^[445], Сергей Фудель стремится вооружить их знанием духовного и символического смысла церковного богослужения. Рассказывая об истории его становления, он приводит отрывки из литургий первых веков христианства, ставшие ему известными главным образом из работ жившего в Америке Н. С. Арсеньева. Фудель широко использует толкования святых отцов Церкви, от Златоуста и Августина до Симеона Солунского и Николая Кавасилы, а также своих любимых русских духовных писателей — Димитрия Ростовского и Тихона Задонского, Георгия и Феофана Затворников и особенно Иоанна Кронштадтского, с именем которого связано литургическое возрождение в Русской Церкви в начале XX века. При этом слова и тех святых, которые жили много веков назад, кажутся словами современников в передаче С. И. — Фуделя. Не обойден и послереволюционный опыт, представленный старшими друзьями автора — отцами Валентином Свенцицким и Павлом Флоренским,

владыкой Афанасием. Большим подспорьем для Фуделя стала изданная в послевоенном Париже книга о Евхаристии архимандрита Киприана (Керна). И — при всей критике схоластического латинского учения о таинствах, имеющего, на взгляд Фуделя, опасный магический уклон, он охотно цитирует слова кардинала Монтини, будущего папы Павла VI, о литургии как «школе святости».

Катехизическая книжка о литургии стала органической частью творческого наследия Сергея Фуделя, которое все пронизано литургическими текстами и отзвуками церковной службы. С детства и юности мир богослужебной поэзии составлял духовную атмосферу его жизни, которую он нес в сердце и в тесноте катакомбного храма, и в духоте тюремной камеры, и на ссыльном этапе.

«Я видела его лицо, когда он приходил из церкви в Усмани. Он весь светился радостью, и казалось, что он не с нами садится чай пить, а пребывает где-то очень далеко», — вспоминает дочь Сергея Фуделя Мария^[446].

Сергей Иосифович жил литургией. И он умел передать это внутреннее чувство — иногда без всяких слов, как было в его общении с детьми. Много лет спустя Мария писала брату: «Русский православный храм и люди, там стоящие<...>, это нечто такое, что еще нигде не обозначено, никакими словами и определениями не очерчено, и не моей слабой руке это сделать. Нет в мире более светлого и великого очага, костра, горящего перед лицом Господа»^[447].

Еще одной богословской работой последних лет стала статья «Причастие вечной жизни»^[448]. Первым подступом к ней был труд конца 50-х годов «Об ощущении благодати» (первоначально составлявший приложение к «Пути Отцов»). Доступность каждому верующему — пусть даже лишь в краткие, лучшие минуты жизни — ощутимого опыта богообщения, радостно преображающего все человеческое существо, была одной из неотступных дум Фуделя. Многократно эта тема проходила сквозь его письма к сыну, снова и снова он возвращался к ней в своих работах, находя подтверждения собственному выстраданному опыту в литургических текстах и святоотеческих творениях, особенно в наследии Макария Египетского, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Серафима Саровского и Силуана Афонского. Теперь же, на склоне жизни, Сергей Иосифович обнаружил, что и среди современников он не одинок в своем

восприятию непосредственного единения с Богом как главной и непреходящей основы православной духовности. То, чего он не находил в школьном богословии благополучного дореволюционного времени и чему его учили в сибирском уединении «скудость жизни и покой благословенной пустыни»^[449], оказывается, было темой ученых изысканий Владимира Лосского в Париже, отца Иоанна Мейендорфа в Нью — Йорке.

Конечно, для того, чтобы ощутить обручение благодати Святого Духа, обрести радостную достоверность нетленного бытия, по которой тоскует душа христианина, не требуется богословского образования. Нужна внутренняя жизнь веры и любви, евангельская, первохристианская непосредственность сердца. А потому, повторяет Фудель, «душа современного христианина больше всего стремится к первохристианству, видя его как бы не позади себя, а впереди, как эпоху возможной полноты стяжания Сого Духа, полноты жизни в Нем»^[450]. Но богословам — не пора ли им «почувствовать, хоть смутно, движение церковной истории»^[451], в которой «учение о Святом Духе даже чисто богословски еще не заняло своего места»^[452]?

Умаление, ущербность восприятия Духа и на Востоке и на Западе приводят к господству юридических представлений о спасении и благодати, к душному формализму в религиозной жизни. И теперь, когда эпоха церковного благополучия осталась в прошлом, не наступает ли время вновь возгореться заре Пятидесятницы? Ибо только входя в радость богообщения еще здесь, на земле, пусть в меру своих слабых сил, возможно сохранить веру и «не потерять света Божественной Любви в темноте современной истории»^[453]. Ощущая нарастающий холод мира, захлестывающий сердце равнодушием к Богу и к людям, верные последних времен призваны непрестанно, упорно искать «причастия теплой вечности и Божественного дыхания»^[454]. Ведь «христианство без радости перестает быть христианством и делается хмурым законничеством»^[455].

Социальный морализм современного саддукейства, сводящего роль Церкви к служению земному граду, равно как и безрадостность современного фарисейства, его темный путь внешнего подвижничества и холодной уставности, догматически правоверных, но лишенных тоски о Святом Духе, грозят вырождением христианства.

«Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк. 18, 8). Исторический пессимизм, неизбежный для христианина при честном отношении к слову Божию и к окружающей действительности, окрашен не холодом, но страданием; и он преодолевается лишь верой в непобедимость Церкви, стоящей на камне веры: «Конечно, найдет! Но найдет только в Своей Церкви, очищенной, но и уменьшенной до первохристианских размеров и окруженной враждебным неверием мира»^[456].

Чуткость к эсхатологически воспринимаемому ходу истории побуждает не озиаться вспять, но бесстрашно простираться вперед; не замыкаться в апокалиптических предчувствиях, но с любовью стремиться к преображению мира в Церкви, к собиранию человечества вокруг креста Христова; не полагать свою надежду лишь в хранении устава и буквы, но быть готовыми «к принятию новых, может быть, более простых, форм богослужения, а лучше сказать, не “новых”, а наиболее древних, первохристианских, принадлежащих тому времени, когда над миром поднялась заря Любви»^[457].

С болью говорит Фудель об уделе современного христианина жить в «трагическом раздвоении» — звать к полноте христианства и в то же время видеть, как запустение все более и более охватывает и церковную ограду.

«Окаменение сердца, — пишет он, — есть великое несчастье современной церковной жизни. Без живого чувства иной, божественной жизни и своего бессмертия, не вдыхая в себя хоть в малейшей степени блаженного воздуха вечности, нельзя сохранить свою веру. Все корни веры — в мирах иных, и если они подрезаны, то никакое внешнее благочестие не гарантирует, что человек останется до конца верным Богу. А ведь в этом все дело, особенно в наше время: остаться до конца Ему верным»^[458].

В одном из последних писем к многолетнему другу Николаю Емельянову Фудель говорит об этой статье как о своей, видимо, завершающей работе, в которой «еще успел собрать крохи, падавшие со стола Отцов моих»^[459].

Последние работы

Значительных по объему богословских сочинений Сергей Иосифович действительно больше не писал. Писать вообще становилось все труднее, в том числе из-за прогрессирующей утраты зрения. Однако мысль вновь обращалась к прожитому, и хотелось еще сказать об ушедших близких людях те недоговоренные раньше слова любви, которые «точно руками, тронут их плечи в немой радости и скажут им, что они не одни и что мы не хотим быть одни без них»^[460]. С этой мыслью Фудель завершает свою многолетнюю работу над воспоминаниями и включает в них новую главу о владыке Афанасии (Сахарове), законченную в последние недели 1975 года.

С трогательной любовью пишет Сергей Иосифович о старце — епископе как об одном из тех «редчайших людей, которым хочется поклониться до земли и припасть к коленям, ища у них их неоскудевающего мужества и неугасимого тепла»^[461]. И вместе с тем в духовном облике великого исповедника веры, с судьбой которого его собственная оказалась многообразно переплетенной на протяжении почти четырех десятилетий от первого знакомства в Усть — Сысольске, Фудель подмечает как близкие ему, так и отчасти чуждые черты. К последним он относил некоторое «буквоедство», самым владыкой признаваемое, и вытекающую отсюда недооценку значения первоначального христианства с его харизматической свободой для наступившей с началом гонений эпохи жизни Церкви.

Эта особенность становится для Фуделя поводом еще раз задержаться подробнее на высказанных им в последнем богословском сочинении мыслях о значении церковного устава, который не может считаться незыблемой нормой, хотя и не должен пренебрегаться в угоду лени и произволу. «Не надо слепо принимать на веру все старое только потому, что оно “старое”. Когда-то полноводная река Византии обмелела до того, что местами превратилась в болото. Надо идти не к “старому”, а к “живым источникам вод”, в “старом” ли они или в “новом».

В стремлении помочь другим найти эти живые источники — и в осознании того, что «жизнь определенно кончается, а в душе еще

много невысказанного»^[462], — Сергей Иосифович заканчивает (вероятно, приблизительно за год до смерти) свою последнюю и, может быть, самую пронзительную, захватывающую книгу, озаглавив ее «У стен Церкви».

«Сил на что-то цельное и большое у меня совсем нет, а поэтому решил просто записать то, что успею, в надежде, что и это может кому-нибудь пригодиться»^[463] — такими словами начинается бесхитростное, лишенное всякого «литературного замысла» или специальной композиции собрание 230 отрывков, скопившихся за долгие годы. Это и воспоминания, не вместившиеся в ранее законченный сборник; и творческие прозрения о христианстве в современности, как и о будущих его путях; и сокровенные раздумья, высказанные с предельной исповедальной откровенностью, которую едва ли можно было позволить себе прежде в работах, готовившихся с мыслью о хотя бы чудом возможной публикации в условиях советского времени. Короткие зарисовки из жизни. Записанная чья-то молитва; фраза, сказанная ребенком, девушкой или архимандритом; озаренные Духом строчки стихов небезгрешного поэта; выписка из творения Отца Церкви или богослужебной книги, не нашедшая места в статье, для которой назначалась. Часто к таким выпискам добавлен как бы на полях отклик или лапидарный комментарий. Но даже когда его и нет, каждый фрагмент этого нового не то Пролога, не то Патерика пропущен через душу автора и несет на себе ее отпечаток так явственно, что даже знакомый текст вдруг воспринимаешь иначе. И оттого вся книга светится тем тихим светом, каким все более наполнялась к концу жизнь С. И. Фуделя.

Отрывки разнородны как по жанру, так и по содержанию; один с другим иногда связаны перекличкой общей темы, а чаще — нет. Они все разные, но по существу — все об одном. О Церкви, о ее благодатной и преображающей жизни. О ее страшной и радостной тайне. Они написаны или собраны человеком, который жил в Церкви, жил Церковью всю свою долгую жизнь и дорого заплатил за это, но и на закате дней сознавал себя лишь только стоящим «около ее пречистых стен».

Это книга, написанная с великой благодарностью Богу за прожитую жизнь, — благодарностью, которая «как-то уживается» в душе автора с сознанием: «В каком-то смысле я умираю в

бесплодии»^[464]. Трудно отказаться от желания процитировать еще: «Да! Иногда неудержимая благодарность наполняет сердце: за жизнь, за эту землю — “подножие ног Его”, за каждую улыбку, встреченную где-нибудь на улице. Идешь иногда в магазин и, точно после причастия, шепчешь: “Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!” Мы видели много зла в мире и в церковной ограде, а еще больше в самих себе. Но вот почему-то в душе остается одна благодарность и одна надежда»^[465].

Это книга, написанная также с великой благодарностью к дорогим людям, живущим в памяти сердца, — ко всем тем, кто так или иначе, случайно или не случайно приоткрывал автору дверь в Церковь^[466]. Черета подвижников веры проходит перед нашими глазами. Иные из них теперь, после смерти Фуделя, уже прославлены Русской Церковью в соборе новомучеников и исповедников российских, другие же до сих пор известны очень мало; одни принадлежали к «катакомбной» Церкви, другие к «легальной», но между ними в сердце автора нет преград; и выписаны они так, что у читающего едва ли могут остаться сомнения: да, «в Церкви всегда есть святые»^[467].

Это книга, написанная человеком, пришедшим *на запад солнца*, но она дышит предрассветным чувством, в ней пахнет весной: «Мы очень многого не знаем. Ясно нам только одно: ночь истории подошла к концу. Может быть, вся задача нашего уходящего поколения в том и есть, чтобы передать молодым христианам это чувство рассвета, чувство приближения сроков»^[468]. В этой книге нет места бесплодным сожалениям об утраченном Церковью благолепии, она вся устремлена в грядущее: «На закрытие храмов надо отвечать исканием непрестанной памяти Божией. И это не потому, что через это откроются храмы, а потому, что этим создается Незакрываемый Храм»^[469].

Наконец, это книга, написанная с любовью и состраданием к «тем, кто, может быть, никогда не видел святых», с жадной передачей приходящим ныне ко Христу, как драгоценное сокровище, их благословение — «благословение тех святых, через которых и мы увидели край лазури вечности — Церковь Агнца». И это благословение учит прежде всего милости — чтобы «при всем ужасе ощущения церковного двойника» не осуждать «тех, кто с этим

двойником так или иначе сливается: ведь они никогда, наверное, в своей жизни не знали людей, которых знали мы, никто не показал им в живом дыхании, что такое святая Церковь, никто не прижимал их голову к своей груди, на которой холодок старенькой епитрахили, никто не говорил им: “Чадо мое родное” — этих огнеобразных слов, от которых тает все неверие и, что еще удивительнее, все грехи»^[470].

Последние годы в Покрове. Кончина

Осенью 1962 года С. И. Фуделю и его семье удалось перебраться из Усмани в маленький городок Покров Владимирской области — ближе к Москве, к Сергиеву Посаду, к родным могилам и родным людям. На этот переезд семью благословил проживавший неподалеку, в Петушках, владыка Афанасий. Фудели купили в Покрове полдома: две маленькие комнаты, крошечная кухонька с печкой, без воды, без газа — то есть с вечной заботой о дровах, о протекающей крыше. Нищета, болезни, надвигающаяся старость — это была одна, бытовая, неприглядная сторона жизни. Мощный всплеск творчества, замечательные книги, статьи, написанные в Покрове в последний период жизни, — ее другая, вдохновенная сторона.

В старинной, XVIII века Покровской церкви, незадолго до их переезда вновь открытой после двадцатилетнего запустения^[471], С. И. Фудель служил псаломщиком^[472]. «В Покрове он читал в церкви, но ни там, ни до этого не принуждал никого ходить силой, нас, например, своих детей, повязанных узлом службы, режима, раздвоенности и т. п. Он просто ходил в храм и словно без слов приглашал и нас пойти, возвращаясь оттуда смиренно — радостный, несмотря на то, что все болезни семьи оставались без изменений. Эта тихая радость его впоследствии помогла мне, как я сейчас понимаю, когда надо мной грянула беда, броситься вопреки синдрому страха и именно в церковь как в последнее убежище», — вспоминал сын^[473]. О той же черте гостеприимной семьи Фуделей вспоминает прожившая в ней немало времени еще в Загорске Зинаида Торопина, потом переехавшая вслед за ними в Покров: она стала ходить в церковь лишь после смерти Сергея Иосифовича, а до этого на протяжении четверти века ее сначала выхаживали от тяжелой болезни, потом отогревали душу и помогали всем чем могли при своей нищете и — никогда не навязывали своей веры, не уговаривали посещать храм.

Искренняя дружба связывала Сергея Иосифовича с настоятелем Покровской церкви протоиереем Андреем Каменякой^[474], который, по просьбе владыки Афанасия, и подыскал Фуделям жилье в Покрове.

«Это был человек высокой души и глубокой веры», — вспоминают об отце Андрее^[475]. Их родни-. лии общая любовь к владыке — исповеднику, и общая тяга к аскетическому наследию святых отцов Церкви: отец Андрей избрал темой своего кандидатского сочинения в духовной академии «Святоотеческое учение о страстях и борьбе с ними (по Добротолубию)». Кроме того, Сергей Иосифович давал своему настоятелю уроки английского.

С. И. Фудель старался не пропускать в храме ни одной службы. Вместе со всеми верующими Покрова он переживал нави — савшую над храмом в период «хрущевских гонений» угрозу закрытия: в местной газете уже появилась статья о том, что клуб для культурного досуга трудящихся расположен в обветшавшем здании, а находящаяся по соседству церковь — процветает. Обычно такие публикации предварили принятие административных мер. Но прихожанам удалось отстоять и храм, и своего батюшку, которого местный уполномоченный Совета по делам религий, позволявший себе кулаком ударять по алтарным дверям, считал злостным фанатиком. А когда около 1970 года власти предписали изъять в музей старинную Тихвинскую икону Божией Матери, «ходоки» отправились в Патриархию, к управляющему ее делами митрополиту Алексию. Однажды вечером будущий Патриарх неожиданно приехал в Покров, приложился к иконе и пообещал: «Икону вашу больше никто не тронет, и батюшку тоже». Так, по милости Божией, и случилось^[476].

Редкие раньше поездки Сергея Иосифовича в Москву теперь участились. В одно из своих посещений С. И. Фудель уст-. роил тайное венчание сына в церкви Ризоположения; венчал друг семьи, отец Николай Голубцов, щедро отдававший себя людям человек «теплого сердца», о котором Фудель оставил краткие, но яркие и полные любви воспоминания. Потом устроил крестины внучки Маши, привязал к себе простое сердце невестки Лидии, выросшей в сугубо советской и атеистической семье: теперь они могли вместе молиться, когда он навещал семью сына. Отец и сын, как всегда, много говорили, спорили, каждый хотел оставаться при своем, но никогда спор не переходил в отчуждение, во зло. Сыну, особенно в молодости, оставалась непонятной мечта отца принять священство. «Ни тайно, ни явно священником он не стал, но стремился стать по образу жизни “монахом в миру”». Н. С. Фудель признавался, что не представлял

себе, кто бы смог в современном городе, работая и читая газеты, быть «монахом в миру». Отец грустно соглашался, но тут же добавлял, что время древних монастырей кончилось и каждый должен идти своим одиноким путем, чтобы все-таки преодолеть всемирный холод безбожия и равнодушия.

«Эта последняя часть его жизни, — пишет отец Владимир Воробьев, — была, как и вся жизнь, суровой и трудной. Постоянная нужда и болезни, постепенно наступавшая слепота от глаукомы, оторванность от детей и близких сочетались с отсутствием продуктов, с топкой печки и ношением воды из колонки — словом, с обычным провинциальным русским бытом»^[477]. Но здесь, в Покрове, жизнь воспринималась С. И. Фуделем и его женой как передышка, которая пришла после смерти Сталина при Хрущеве и при Брежневе. Уже одно то, что теперь вагонами не засылают людей в тундру на верную смерть без всякого суда, было для них помилованием: ведь всю свою жизнь, **всегда**, они жили в ожидании ареста. В это время у Фуделя появляются молодые друзья из числа верующей московской интеллигенции. Эти люди были привлечены чтением его книг, которые получали все более широкое распространение в самиздате. Одним из распространителей работ С. И. Фуделя был Н. Е. Пестов^[478], на свои средства перепечатававший на машинке и рассылавший по стране небывалое для того времени количество православной духовной литературы. «Самиздатские страницы этих книг... просто обжигали: такого о Церкви и отдельных людях в ней я, конечно, не только не читал, но и не представлял себе», — рассказывает искусствовед А. М. Копировский, привозивший в Покров продукты, купленные в Москве на собранные молодыми читателями Фуделя деньги. «Запомнились убогость провинциального маленького городка... бедная обстановка в его доме, абсолютно пустой холодильник... И, как явление иного мира, особенно контрастное в этой обстановке, — большая Тихвинская икона Божией Матери в углу»^[479].

Последние несколько лет письма С. И. Фуделя к родным более чем когда-либо напоминали проповеди — слова, идущие от сердца к сердцу. Он нередко ездил из Покрова в Загорск, чтобы отдохнуть и набраться сил около святыни; как в молодости, Лавра, Сергиев Посад, что бы с ними ни происходило, были источником радости и надежды. Приезжая же в Москву, он после кончины в 1963 году отца Николая

Голубцова часто приходил молиться в храм Илии Обыденного, с которым были связаны многочисленные воспоминания юности. В последние годы жизни нередко бывал и в храме Николы в Кузнецях, настоятелем которого был замечательный проповедник протоиерей Всеволод Шпиллер, приглашавший Фуделя на службах в алтарь. Тогдашний диакон этой церкви Николай Кречетов, ныне видный московский протоиерей, благочинный Москворецкого округа, вспоминает об особенном тихом достоинстве Сергея Иосифовича, о христианской любви, которой он умел делиться с окружающими, передавая им свойственную ему глубину веры.

«Мы изнеможем от тления жизни, от какой-то смерти в себе и в других, от угнетающего плена своего в чем-то временном и темном. Спасение наше и противоборство наше — только в Вечности, только в том, чтобы в пустыне этой нести в себе малую каплю Вечности. Я жизненно это знаю, знаю, что это надо помнить и осуществлять буквально каждый день, если не час, чтобы собирались какие-то звенья этих капель и чтобы душа пила».

Он сердечно заботился о нравственном здоровье своих близких; пытался передать им свой духовный и душевный опыт. Он призывал своего сына дорожить домом — единственным нашим убежищем, единственными стенами, в которых еще живет сердце человека, его последнее тепло. «Будь осторожен, на тебе великая ответственность без всяких скидок на усталость, работу, болезни, город и пр. Посмотри на себя просто, честно, как на человека, полного страстей, из которых, может быть, главная — страсть гнева. Есть древнее мудрейшее правило: в состоянии даже легкого гнева, даже некоторого гневного “смущения” никогда не говорить человеку даже самые, казалось бы, справедливые вещи. Если нарушение этого правила может еще быть простительным вне дома, скажем на работе, то дома оно недопустимо совсем»^[480].

Он писал внучке Маше трогательные, проникновенные письма, формируя у юной девушки такое понятие, как духовная дружба. «В тебе сердце от природы предрасположено к любви, но это предрасположение еще не стало постоянным фактом жизни, не овладело еще умом и познанием. Вот ты иногда плачешь, что твоя “жизнь бессмысленна”, что она “проходит зря” и т. д. Но ведь она потому и представляется тебе бессмысленной, что ты не осознаешь

необходимости наполнить ее любовью к людям, к людям, говорю, к каждой человеческой душе, а тем более к душе скорбящей и озлобленной. Только в любви к людям смысл жизни, только в этом выход из тупика погружения в себя самого, в свои удовольствия, в свои неприятности, прихоти и хотения»^[481].

Доброе утомленное лицо в морщинах, полуопущенные глаза, в которых хранилось терпеливое страдание, глуховатый спокойный голос — таким запомнили его близкие. Иногда его серые усталые глаза освещались изнутри такой любовью, что всем окружающим становилось ясно — именно страдание сохранило в нем способность к чистой радости. «От него исходило ощущение крепкой душевной чистоты, цельности, доброй силы и радости — как бывает перед праздником. Несмотря на все испытания, которые он перенес, он сумел сохранить любовь к людям и к жизни. Я не помню ни одного случая, когда он бы жаловался на свою судьбу или сожалел о чем-то, чего лишился в жизни»^[482], — вспоминает внука С. И. Фуделя.

Не имея дома необходимых книг, он должен был совершать утомительные поездки в Москву, жить у знакомых, искать в библиотеках справочную литературу и запасаться впрок нужными материалами. В 1970 году С. И. Фудель перенес инфаркт, который лечили в Москве и вылечили, сердце выстояло, рубец затянулся. Он снова стал ездить в библиотеки, забывал, что следует ходить медленно и медленно же подниматься по лестницам; радовался, что получил отсрочку. Отсрочка продлилась семь лет.

В последние месяцы Сергей Фудель составил список своих работ, отдал их в перепечатку и раздал нескольким друзьям машинописные копии. Черновые записи, выписки из книг были уложены в чемодан и тоже отданы давнему другу, московскому архитектору Дмитрию Шаховскому, сыну расстрелянного священника Михаила Шика. Все эти материалы — с добавлением сохранившихся писем — четверть века спустя легли в основу трехтомного собрания сочинений.

«Душа спокойна, точно послана мне от Бога какая-то радость конца»^[483], — пишет он дочери. Зрение все больше оставляет его, писать приходится при помощи большого увеличительного стекла, слабость усугубляется. И все же в самые последние месяцы изменившимся уже старческим почерком он пишет свою последнюю тетрадку, в начале которой выводит: «Итог всего».

Это итог не только личной судьбы, но и церковной эпохи.

«Христианство больше не может существовать без вдохновения Святым Духом, мы больше не можем задышаться, не ощущая Его духоносного водительства, реально нами осознаваемого. Мы пресыщены формализмом всех сортов»^[484]. Страстно протестуя против обмирщения христианства, против попыток «вне Голгофы или помимо Голгофы» создать некий социально приемлемый его суррогат, как и против «собой наполненного самоспасания», Фудель в этом последнем своем завещании вновь говорит о жажде Духа, о реальном причастии «еще здесь, на земле, Божественной жизни и нетления», без которого томится душа, о подвиге жизни, которым возжигается в сердце огонь Пятидесятницы.

«Да, мы грешные; да, мы не святые, но мы, именно осознавая свою грешность, должны искать ощутимого водительства

Помянник протоиерея Иосифа Фуделя, позднее перешедший к сыну. *Собрание А. М. Копировского*

Храм Покрова Пресвятой Богородицы, где на клиросе читал С. И. Фудель. Покров. Фотография начала 2000-х гг

Божия.<...>Нельзя больше жить в мертвой пустыне недуховности».

Подобно Моисею на горе Нево, Сергей Фудель завершает свою жизнь обращением к «последним христианам истории», которые стоят перед Богом непоколебимо и видят восходящую «зарю Духа, в которой открывается и познается вся подлинность христианства»^[485].

В Покрове 7 марта 1977 года он скончался на рассвете в своем маленьком намоленном домике, причастившись Святых Таин за несколько часов до смерти. Гроб на связанных детских салазках отвезли в любимый храм. Утром 9 марта с первыми электричкой и рейсовым автобусом приехало множество его друзей и почитателей, так что церковь во время отпевания была полна. Отпевали его два священника — бывший настоятель храма протоиерей Андрей Каменьяка, приехавший из Киржача, и назначенный в июле прошлого года его преемник отец Виктор Кукин. «Могучий хор — ведь приехало много молодых — пел так, что во мне, — вспоминал сын, — что-то омертвелое от горя переломилось, и сквозь слезную боль потекло неведомое облегчение. Отец Андрей Каменьяка, который много лет знал отца и в церкви, и дома, говорил надгробное слово, и в голосе его звучало даже как бы праздничное торжество очевидца, своими глазами увидевшего победу над смертью. И вот это непередаваемое ощущение победы, пробивающейся сквозь горе, испытали, как они мне сказали позже, многие»^[486]. В памяти другого участника этого памятного отпевания сохранились и слова отца Андрея, уподобившего Сергея Иосифовича мученикам в белых одеждах, о которых говорится в Апокалипсисе: «Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца...» (Откр. 7, 14)^[487]. Светлые воспоминания об этом дне сохранились и у друга Фуделя А. А. Бармина: «Масса народа идет к кладбищу. Все — в березах, ярком снегу, мартовском солнце. Столько света и тепла — и такое чувство, что мы Сергея Иосифовича провожаем в рай...»^[488]

Многолюдная толпа провожающих — около ста человек — медленно шла за гробом по главной улице городка с радостным и согласным пением: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас», — и случайные прохожие

останавливались, чтобы спросить, кого хоронят. Трудно было что-то ответить — хоронили всего — навсего бывшего зэка, бывшего солдата, бывшего ссыльного, бывшего бухгалтера, инвалида, пенсионера. Сосредоточенно и отрешенно шла толпа за машиной с гробом до старого кладбища с вековыми соснами и березами — там он и нашел упокоение под большим дубовым крестом, позднее сработанным Дмитрием Шаховским. Рядом через одиннадцать лет погребена и его жена Вера Максимовна.

«У меня чувство, что они не умерли»^[489], — писал сын.

А священник одного из соседних сел, никогда не знавший Фуделя при жизни, спустя тридцать лет после тех светлых похорон сказал: «Порой в сложный момент, когда мне особенно нужны помощь или совет, я, бывая в Покрове, заезжаю [на могилу] к Сергею Иосифовичу и прошу его помощи, и как-то все дела решаются, и помощь приходит, и совет нужный»^[490].

За несколько месяцев до смерти С. И. Фудель написал дочери Марии удивительные слова. «Мы живем, и дышим, и верим, и терпим, — только для того, чтобы “не умирала великая мысль”, чтобы не стерлись с лица земли те капли крови, которые пролил за нее Христос. Так как без них — духота, и смерть, и ужас. Если люди перестанут это понимать, то я ради них же, этих людей, не перестану, так как жизнь вне любви — безумие»^[491]

Заключение

Труды Сергея Фуделя теперь собраны, изданы и прочитаны в разных уголках земли. Книга «У стен Церкви» уже двумя изданиями вышла в Америке на английском языке. На предстоятеля Японской Православной Церкви произвела особенное впечатление книга «Путь Отцов», и митрополит Даниил выразил намерение перевести ее на японский. Избранные страницы произведений Сергея Иосифовича переведены недавно на итальянский язык.

Больше всего, конечно, читают Фуделя в России. Судя по откликам в Интернете (где размещено уже немало фуделевских текстов), особенно читают молодые. Для многих встреча с книгами Фуделя становится поворотным событием в жизни, пробуждает к следованию за Христом. В одном из чатов довелось прочесть, что книжку «У стен Церкви» так и хочется «всю растащить на цитаты».

Когда читаешь работы Фуделя подряд, становится ясным, что они писались не для **собрания сочинений**. В каждой из них, «как солнце в малой капле вод» (любимая Фуделем и часто им цитируемая строчка из оды Державина), отражена главная тема его творчества. Работы Фуделя, в общем-то, все об одном: о присутствии Бога в жизни людей и в живоносных словах. О следах святых на **земле живых**. О святой и непобедимой Церкви.

И все же радостно, что теперь эти труды собраны и изданы в России все вместе. Как доброе вино, они ничего не потеряли от многолетней выдержки. Читатели распознали в них убедительное и такое нужное нам «свидетельство о чистой православной мысли, шедшей сквозь русский двадцатый век, как и сам автор в тихой и незаметной жизни своей, тем самым трудным и узким путем» ^[492].

Центральный
Помощник Генерального прокурора
Российской Федерации
старший советник юстиции
03. 04
Васильева Г. Ф.
1997 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Фуделя С. И.
по материалам уголовного дела № Н-1782
Фамилия, имя, отчество Фудель Сергей Носирович
Год рождения 1901
Место рождения г. Москва
Место жительства до ареста г. Москва, Арбат, 42 кв 2
Место работы и должность до ареста учащийся Педагогического института

(Дата ареста, орган осуждения (репрессирован), за что и на каком основании (инкриминированные действия), послужившие основанием для вынесения решения по делу и мера наказания)

арестован 21.07.22 Комиссией НКВД по административным
высказал 25.11.22 по ст.ст. 60 и 72 УК РСФСР (м. 1922)
внесен в Заключенный отл. сроком на 3 года. Освобожден
при коллегии ОГПУ 24.04.25 от ссылки освобожден. Обвинен
в сф. деятельности. Выпущен в распоряжении ил. неготив
изданий газ. партия Асафянц. Выпущен с/д не крижа.
Содержание в/звании и осуждения признан к/р преступником

На Фудель Сергей Носировича
Фамилия, имя, отчество

распространяется действие ст. 3, ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

Данные о реабилитированном и его родственниках Богословская Мария

о Фуделе С. И. и его родственниках не ищется.

Справка о реабилитации направляю к делу

Прокурор отдела И. И. И.

А. И. И.

Заказ 235.

Заключение по делу С. И. Фуделя. 3 апреля 1997 г. ЦА ФСБ РФ

Богословские и литературоведческие работы Фуделя не остались лишь памятниками ушедшей самиздатской эпохи. Так, книга о Достоевском была с интересом встречена искушенным профессиональным сообществом: когда, кажется, всё уже о Достоевском проанализировано и высказано, вдруг оказалось, что возможен и *такой* взгляд... А работа о Флоренском осталась не только первой, но и единственной русской монографией о нем, где с такой любовью и достоверностью передан во многом загадочный облик этого удивительного человека. Очень точно сказал Григорий Померанц: люди, о которых пишет Сергей Иосифович, «начинают светиться, даже очень сложные люди — Флоренский, Достоевский. Он не приукрашивает. Он просто видит свет, видит радость любви сквозь темные провалы»^[493].

Тот же автор отмечает: всё, что писал Фудель, «было написано сердцем и прямо шло в сердце». Но, конечно, с особенной силой это ощущаешь, читая сбереженные Сергеем Иосифовичем свидетельства о встреченных им в жизни праведниках XX века. Именно здесь его писательское мастерство достигает особенной силы. Портреты праведников у Фуделя иногда переданы лишь немногими скупыми чертами, но тем надежнее они запечатлеваются в памяти читателей. Котомка Прейса. Холодок и запах епитрахили, светлость и все тепло «простейшего человека» — митрополита Кирилла, священномученика. Тишина подвига, окружавшая владыку Афанасия, и его побудка: «Вставайте, ленивии»... Все случайное куда-то отступает, остается красота образа Божия в человеке — как словесная икона.

Сергей Фудель иногда сомневался, будут ли нужны кому-нибудь, кроме него самого, его воспоминания, написанные как помянник, читаемый в храме у жертвенника: «Нужно ли кому личное помянутие?»^[494] С тех пор было собрано и опубликовано немало документов и воспоминаний о подвиге новомучеников. Теперь есть, с чем сопоставить записки Фуделя. И вот, думается, едва ли еще кому-либо удалось с такой силой любви донести сквозь многие десятилетия лики ушедших свидетелей веры, что его «личное помянутие» тут же становится не чужим, а твоим. И «точно опускается небо», и входят в душу «искреннейшие слова о самой сути всех вещей»^[495], и образы святых учат без поучений, и совершается

таинство встречи, каким была для Сергея Фуделя и останется до скончания века Христова Церковь.

О мученических актах древности Фудель пишет: когда их читаешь, «хочется целовать черные строчки букв, запечатлевших подлинное чудо веры»^[496]. То же испытываешь порой, читая записи С. И. Фуделя. В них — «сокровища опыта не только духовной жизни, но и подвига, которым прошли мученики XX века»^[497].

Однажды, в промежутке между вторым и третьим арестом, он записал такие строчки:

Я послан звать на Брачный Ужин Всех тех, кого я полюбил^[498].

Это посланничество было им исполнено. И остается только удивиться тому, как много оказалось на свете людей, каждому из которых досталась толика теплой любви этого верного свидетеля Христова в темной и холодной ночи XX века

Приложения

Краткая Автобиография

Фудель Сергей Иосифович

Родился 31 декабря 1901 года в г. Москве
Родители Иосиф Иванович и мать
Евгения Сергеевна Фудель оба учере-
ли. Отец был священником, мать
дом хозяйка. Учился в 5-й Москов-
ской гимназии, которую окончил в
1918 году и поступил в Москов-
ский университет, к-рый не окончил.

Трудовой стаж с 1919 года:

- 1919-¹⁹¹⁹21 Служил в ВСНХ
1920-¹⁹²⁰21 Кр. Армия
1922-23 Огневой и чл. бух. ОМХ
1925-30 чл. бух. и экономист Наркомфина.
1930-33 экономист Наркомвн. Упектор
1933-36 бухгалтер Совхоза имени Сталина и чл. бух. промышленности
1936-42 зам. глав. бухгалт. Завода № 6.
1942-45 Служ. Армия.
1945-46 Воен. Упектор.
1942-48 горнокаменолом. Минторга
1948-51 бухгалтером Златоуского ртут. пункта.

В течение всего трудового стажа
был неоднократно премирован за
тщательную и добросовестную работу.
С 1946-го 51 г. был в админ.-связке
по ст. 58¹⁰, по ст. 58¹⁰ освобожден
от службы с августа 1951 г.
в г. Усмань. Инвалид III гр.
имею пенсию и пенсию по старости.
Пор. Ордена не имею.

Адрес: Советская гор. и 80.

Фудель

20.5.52 г.

Итого: с/ст. стаж 18 лет

Краткая автобиография С. И. Фуделя. 20 мая 1952 г. Семейный
архив Фуделей

Основные даты жизни с. И. ФУДЕЛЯ

1900, 31 декабря/1901, 13 января. Родился Сергей Иосифович Фудель.

1901, январь. Крещен в церкви Бутырской тюрьмы.

1906, лето. Первая поездка с отцом в Оптину пустынь.

1907, сентябрь. Отец Иосиф Фудель переведен из Покровской церкви при Бутырском тюремном замке в приход на Арбате, в церковь Святого Николая Чудотворца в Плотниках.

1907–1917. Поездки в Зосимову пустынь (с отцом и самостоятельно).

1909–1917. Обучение в Пятой московской гимназии на Волхонке.

1916, июль. Посещение Толгского монастыря на Волге.

1916, 13/26 ноября. Впервые присутствовал на заседании Религиозно — философского общества памяти Владимира Соловьева, посвященном 25-летию со дня смерти К. Н. Леонтьева.

1917, весна. Начало близкой дружбы с С. Н. Дурылиным.

1917, лето. Первое посещение вместе с Дурылиным «аксаков — ского гнезда» в Абрамцеве.

1918–1920. Учеба в Первом Московском государственном университете на историко — филологическом факультете (с марта 1919 г. — факультет общественных наук). Окончил один полный курс.

1918, 15 октября. Смерть отца, протоиерея Иосифа Фуделя.

1919. Работа в санитарном поезде.

1919, май — декабрь. Работа статистиком в Высшем совете народного хозяйства при Совете народных комиссаров РСФСР.

1920. Делопроизводитель, затем дипкурьер Народного комиссариата иностранных дел РСФСР.

1920, октябрь — 1921, ноябрь. Призыв на армейскую службу.

1921, май. Второе посещение Оптиной пустыни.

1921–1922. Слушатель отделения русского языка и литературы Высшей военно — педагогической школы.

1922, 23 июля. Арест, заключение во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

1922, 24 июля. Первый допрос.

1922, 12 августа. Вызов на допрос сестры, Марии Иосифовны Фудель, и ее арест.

1922, 22 августа. Последний, третий допрос.

1922, вторая половина сентября. Перевод в Бутырскую тюрьму.

1922, 25 ноября. Комиссией НКВД по административным высылкам выслан в Зырянскую область сроком на три года. Перевод в Таганскую тюрьму.

1922, 7 декабря. Этап в Зырянскую область через Вологду.

1922, 18 декабря. Вятка, исправдом № 2. Обращение в местное ОГПУ с просьбой разрешить оставаться в вятской тюрьме до открытия навигации ввиду заболевания (туберкулез).

1923, 7 января. Памятное празднование Рождества в камере вятской тюрьмы.

1923, январь. Этап из Вятки на станцию Мураши по железной дороге, далее в Усть — Сысольск на лошадях.

1923, 23 июля. Венчание с Верой Максимовной Сытиной в пригороде Усть — Сысольска Искаре.

1924, 26 мая. Рождение сына Николая.

1924, Перевод в с. Княжпогост Усть — Вымского уезда Зырянской области.

1925, 24 апреля. Особым совещанием при коллегии ОГПУ досрочно освобожден от ссылки.

1925—1932. Проживание с семьей в Гагаринском переулке в Москве.

1925, июль — 1930, октябрь. Работа экономистом в московском отделении Казахстанского крайсоюза.

1927, 30 ноября. Смерть матери, Евгении Сергеевны Фудель.

1930, октябрь — 1932, декабрь. Работа старшим научным сотрудником Института плодоовощной промышленности.

1931, 11 ноября. Рождение дочери Марии.

1933, 1 января. Второй арест. Бутырская тюрьма.

1933, 25 января. Смерть сестры Лидии. Отпевание на дому епископом Афанасием (Сахаровым).

1933, 1 февраля. Приговор к ссылке.

1933,13 февраля. Прибытие по этапу в Вологду. Оттуда направлен для отбывания ссылки в Вожегу, затем — на станцию Явенга Вожегодского района.

1933, 30 мая. Отправлен под конвоем в Вельский район (Архангельская область) на лесоразработки при первом участке Мосгортопа. Смертный барак.

1933, июль. Перевод в ссылку в г. Вологду. Работа бухгалтером.

1936, 2 января. Окончание второй ссылки.

1937, весна — 1938. Работа бухгалтером в Ахтырской объединенной кустарной артели (с. Ахтырка, б. имение Трубецких, в 4 км от станции Хотьково). Проживание в Хотькове.

1938–1942. Жил в Загорске.

1938, 25 марта — 1942, март. Работа бухгалтером на заводе школьного приборостроения № 6 Главучтехпрома в Загорске.

1939, лето. Знакомство с архимандритом Серафимом (Битюговым), который стал духовником семьи Фуделей.

1941,11 июля. Рождение дочери Варвары.

1942.19 февраля. Кончина архимандрита Серафима.

1942, 20 февраля. Тайные похороны архимандрита Серафима.

1942,6 марта — 1945,13 августа. Мобилизация в армию. Служба рядовым 40–й отдельной местной стрелковой роты (1942–1945), контролером военного бюро контроля посылочных операций (апрель — август 1945). Демобилизация в звании младшего сержанта.

1945, ноябрь. Устраивается на работу секретарем кафедры английского языка Военного института иностранных языков Красной армии.

1946, ночь с 16 на 17 мая. Третий арест. Внутренняя тюрьма на Лубянке.

1946, 30 ноября. Постановление особого совещания при МГБ СССР: 5 лет ссылки.

1946.14 декабря. Постановление объявлено С. И. Фуделю. Перевод в этапную камеру Бутырской тюрьмы.

1946, 25 декабря. Этап в Минусинск (Красноярский край).

1947, 25 января — 31 октября. Работа юрисконсультom Минусинского городского отделения смешанного торго.

1947, 8 мая — 1948, 3 сентября. Работа юрисконсультom управления дороги Усинского тракта (по совместительству — в той же

должности в Минусинском городском театре и на Минусинском ликероводочном заводе).

1948, сентябрь. Перевод из Минусинска в ссылку в с. Большой Улуй Красноярского края.

1948.19 сентября — 1951, 9 июля. Работа бухгалтером сельскохозяйственной группы Большеулуйского пункта Заготзерна.

1949.13 мая. Смерть старшей сестры Марии Иосифовны Фудель.

1951.17 мая. Выдана справка об освобождении по отбытии срока третьей ссылки.

1951, 24 июля. Отказано в прописке в г. Александрове.

1951, начало августа. Поселился в г. Усмань Воронежской области.

1952, июнь — 1953, январь. Неудавшаяся попытка обосноваться в Лебедяни. Возвращение в Усмань.

1953.18 июля — 1956, 31 июля. Работа бухгалтером Усманской промыслово — кооперативной артели «Красное знамя».

1955, 25 августа — 1956, 6 мая (Пасха). Написана работа «Моим детям и друзьям».

1956, 10 января. Рождение внучки Марии.

1956. Написаны главы «Воспоминаний» об отце. Работа над «Воспоминаниями» продолжалась до конца 1975 г.

1957, 23 марта. Закончена в первоначальной редакции работа «Путь Отцов» (текст неоднократно перерабатывался до начала 1960-х гг.).

1957–1959. Написана работа «Об ощущении благодати» (приложение к книге «Путь Отцов»). В середине 1970-х гг. на ее основе составлена статья «Причастие вечной жизни».

1959, 21 ноября. Закончена работа «Церковь верных».

1959–1960(7). Закончена статья «Свет Церкви».

1960/61, зима. Начало работы над книгой «Наследство Достоевского».

1960, август — сентябрь. Написана статья «К 100-летию со дня смерти Хомякова».

1961, 15 февраля. Закончена статья «Соборность Церкви и экуменизм».

1961, 21 февраля. Отказ в прописке в г. Загорске.

1962.14 ноября. Переезд в г. Покров Владимирской области.

1963, весна. Закончена книга «Наследство Достоевского». Начата работа над книгой об отце Павле Флоренском.

1963, 8 августа. Реабилитирован по делу 1933 г. за отсутствием состава преступления.

1964, 11 июня. Отказано в московской прописке (заявление о предоставлении жилой площади в Москве было связано с реабилитацией).

1967, 28 сентября. Реабилитирован по делу 1946 г. за отсутствием состава преступления.

1972, 19 мая. Краткий вариант работы о Флоренском «Священник Павел Флоренский как учитель церковности» передан в редакцию «Журнала Московской Патриархии» (не опубликован).

1972. Закончена работа «Славянофильство и Церковь».

1972. Опубликована парижским издательством «YMCA-Press» книга «Об о. Павле Флоренском (1882–1943)» (под псевдонимом Ф. И. Уделов).

1972–1977. Работа над сочинениями философской, богословской и церковной тематики, в том числе: «Записки о литургии и Церкви», «Священное Предание», «Оптинское издание аскетической литературы и семейство Киреевских», «Причастие вечной жизни», «У стен Церкви», «Итог всего», «Записи об апостольских посланиях».

1977, 7 марта. Скончался С. И. Фудель

Библиография

Размышления над одним текстом [Рукопись неизвестного автора, полученная из Сов. России] // Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж, 1969. № 94.

Уделов Ф. И. Достоевский и Оптинская пустынь // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1971. № 99.

Уделов Ф. И. Об о. Павле Флоренском (1882–1943). Париж: YMCA-Press, 1972.

Уделов Ф. И. Монастырь и мир [Гл. из кн. «Воспоминания»] // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1976. № 117.

Фудель С. И. Воспоминания // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1977. № 121.

Фудель С. И. Воспоминания о С. Н. Дурылине // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1977. № 123.

Фудель С. И. Славянофильство и Церковь // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1978. № 125.

Фудель С. И. У стен Церкви // Надежда. Христианское чтение / Сост. З. А. Крахмальникова. Франкфурт — на — Майне, 1979. Вып. 2.

Неклюев К. Владычествующая идея [Гл. из кн. «Наследство Достоевского»] // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1981. № 133.

Фудель С. И. Об о. Павле Флоренском. 2-е изд. Париж: YMCA-Press, 1988.

Fudel S. Light in the Darkness: Recollections and Reflections of an Orthodox Christian in Russia Today / Engl, transi., ed. and foreword by S. Kulomzina Crestwood, N. Y.: St. Vladimir's Seminary Press, 1989; 2 ed. — 1997. [Работа «У стен Церкви», представленная в виде тематически сгруппированных фрагментов.]

Фудель С. И. Воспоминания / Предисл. прот. В. Н. Воробьева, подг. текста и коммент. В. М. Борисова // Новый мир. М., 1991. № 3,4.

Фудель С. И. Письма из ссылки / Публ. и примеч. Н. С. Фуделя // Новая Европа. Милан; Москва, 1993. № 3–4.

Фудель С. И. Приступающему к крещению // О таинстве крещения [сборник]. [Малоярославец, 1990–1993 (?)].

Фудель С. И. Свет Церкви // Православная община. М., 1994. № 2 (20).

Фудель С. И. Воспоминания об о. Николае Голубцове // Вышеславцева О. Н. Пастырь во времена безбожия: Об отце Николае Голубцове. СПб.: Сатисъ, 1994.

Фудель С. И. Записки о литургии и Церкви / Примеч. и науч. ред. Ю. С. Терентьева. М.: Православный Свято — Тихоновский богословский институт, 1996.

Фудель С. И. Об о. Павле Флоренском // П. А. Флоренский: Pro et contra: Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей / Сост., вступ. ст., примеч. и библиография К. Г. Исупова. СПб.: Российский христианский гуманитарный институт, 1996; 2-е изд., испр. и доп. 2001.

Фудель С. И. Путь Отцов. М.: Сретенский монастырь, 1997.

Фудель С. И. У стен Церкви // Библ. газеты «Свет православия». Макариев — Решемская обитель, 1997. Вып. 32/34.

Фудель С. И. Наследство Достоевского / Общ. ред., вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 1998.

Фудель С. И. Из «Воспоминаний» // Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост., предисл. и примеч. О. В. Косик. М.: Православный Свято — Тихоновский богословский институт, 2000.

Фудель С. И. Владычествующая идея [Гл. из кн. «Наследство Достоевского»] // Достоевский Ф. М. Избранное. М.: Сретенский монастырь, 2000.

Фудель С. И. Письмо к М. Ф. Мансуровой // Самарины. Мансуровы: Воспоминания родных. М.: ПСТБИ, 2001.

Фудель С. И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1: Воспоминания. У стен Церкви. Воспоминания об отце Николае Голубцове. Моим детям и друзьям. Письма / Сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной; предисл. прот. В. Воробьева. М.: Русский путь, 2001.

Фудель С. И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Путь Отцов. Церковь верных. Причастие вечной жизни. Записки о литургии и Церкви. Свет Церкви. Соборность Церкви и экуменизм. Священное Предание. Приступающему к крещению. О церковном пении. Записи об

апостольских посланиях. Итог всего / Сост., подгот. текста и коммент. прот. Н. В. Балашова. М.: Русский путь, 2003.

Фудель С. И. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Наследство Достоевского. Славянофильство и Церковь. Оптинское издание аскетической литературы и семейство Киреевских. Начало познания Церкви: Об отце Павле Флоренском / Сост., подгот. текста и коммент прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2005.

Parole vive: Scritti di Sergej Fudel' // Balasov N., Saraskina L. Sergej Fudel': Messaggi dal km 101 / Red. e trad. dal russo di G. Parravicini. Milano: La Casa di Matriona, 2007. P. 191–267. [Извлечения из кн. «У стен Церкви» и др. работ; гл. 1,7 из кн. «Наследство Достоевского»; «Итог всего».]

Фудель С. И. Воспоминания об отце Николае Александровиче Голубцове; Отец Николай Голубцов (некролог); Письмо к Марии Францевне Голубцовой // Московский старец протоиерей Николай Голубцов / Сост. мон. Иулиания (Самсонова). М.: Изд — во Московского подворья Свято — Троицкой Сергиевой лавры, 2008.

Фудель С. И. У стен Церкви. Моим детям и друзьям / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. прот. Н. В. Балашова. М.: Русский путь, 2009.

Фудель С. И. Воспоминания / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. прот. Н. В. Балашова. М.: Русский путь, 2009.

Фудель С. И. Записки о литургии и Церкви / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. прот. Н. В. Балашова. М.: Русский путь, 2009.

Письма С. И. Фуделя к М. Ф. Мансуровой (1960–е — 1970–е гг.). Из архива священника Сергия и М. Ф. Мансуровых / Публ. прот.

В. Н. Воробьева, Н. Ф. Тягуновой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2009. Сер. II: История. История Православной Церкви. Вып. 3 (32).

Бурдеев А. Светлой памяти Сергея Иосифовича Фуделя // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1977. № 121.

Фудель Н. С. Из воспоминаний об отце // Новая Европа. 1993. № 2.

Желновакова М. С. Воспоминания о матери // Наш современник. М., 1996. № 11.

Сараскина Л. И. «...Чтобы не умирала великая мысль» // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 1998. № 10.

Померанц Г. С. Борьба с двойником (Сергей Фудель — исследователь Достоевского) // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 1998. № 11.

Желновакова М. С. Воспоминания о матери. Письма// Альфа и Омега. 1999. № 4.

Желновакова М. С. Письма // Альфа и Омега. М., 2000. № 1.

Желновакова М. С. Воспоминания о матери. М.: Изд — во Московской Патриархии, 2001.

Мраморное О. Прозрачный монолог: К выходу в свет первого тома собрания сочинений Сергея Фуделя // НГ — религии. 2002. 15 мая. № 2 (97).

Бочаров С. Узкий путь // Новый мир. 2002. № 7.

Громов — Колли А. «Можно ли на одной полке держать и Пушкина, и Макария Великого?»: Заметки на полях книги С. И. Фуделя // Континент. М., 2002. № 113.

Люсый А. Вкус духовный: Синтез религии и эстетики в творчестве Сергея Фуделя // Знамя. М., 2003. № 3.

Сараскина Л. И. «Достоевский жил с нами все это время...» (Достоевский в неизвестных письмах С. И. Фуделя) // Pro Memoria: Памяти академика Георгия Михайловича Фридлендера (1915–1995). СПб., 2003. С. 298–311.

Сараскина Л. И. Сергей Фудель: Феномен судьбы // Новая Европа. Милан, 2003. № 16.

Шевелев И. Книга собеседника: Вышел трехтомник потаенного мыслителя XX века // Российская газета. 2005. 25 апр.

Касабов Р. Р. Святоотеческое литературоведение: Культура как воплощение божественного начала // НГ — Религии. 2005. 21 дек. № 19 (172).

Сорокиков А. Познание Церкви. Сергей Фудель — опыт прочтения биографии // Духовный собеседник. Самара, 2006. № 4 (48).

Balasov N., Saraskina L. Sergej Fudel': Messaggi dal km 101 / Red. e trad, dal russo di G. Parravicini. Milano: La Casa di Matrigona, 2007.

Балашов Н.В., *прот.* Сергей Фудель: Жизненный путь и судьба литературного наследия // Свет невечерний. Владимир, 2007. № 12.

Мартьянова С. А. «Церковь есть тайна прекращения одиночества»: Чтения памяти С. И. Фуделя во Владимире // Новая Европа. М., 2007. № 19.

Горбачук Г. Н., *прот.* Церковь Невидимого града: Экклезиологические воззрения С. И. Фуделя // Новая Европа. М., 2007. № 19.

Чтения памяти С. И. Фуделя: К 30–летию со дня кончины. Владимир: Изд. отдел Владимирской епархии, 2008.

А. М. Копировский вспоминает о встречах с С. И. Фуделем // Кифа. М., 2009. № 12 (102).

Использованные архивные материалы

Семейный архив Фуделей. Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 8. Оп. 2. (84 ед. хр.)

Письмо Н. И. Фудель С. Н. Дурылину (1916). РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 868.

Телеграмма Ш. Элиавы в Наркоминдел (1920). АВП РФ. Референтура по Турции. Ф. 0132. Оп. За. Папка 102. Д. 2.

Письмо Е. С. Фудель Е. П. Пешковой (1922). ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 5.

Дело по обвинению Фуделя Сергея Иосифовича (1922). ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067.

Дело по обвинению Фудель Марии Иосифовны (1922). ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46066.

Письма С. И. Фуделя С. Н. Дурылину (1923–1951). РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869.

Письма Н. С. Чернышева С. Н. Дурылину (1923–1926). РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 882.

Уголовное дело по обвинению Волковой Софьи Всеволодовны и др. (всего 10 чел.; 1932–1933). ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938.

Стихотворения С. И. Фуделя (1933–1934). РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 276, 1265.

Следственное дело по обвинению Криволуцкого Владимира Владимировича и др. (1946). ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49254. Т. 6, 22.

Указатель имен

- Аввакум (Боровков), епископ Староуфимский 94 Августин Блаженный 40, 209
- Агафангел (Преображенский), митрополит Ярославский 71–74, 81, 89, 103
- Адам (*библ.*) 208 Аксаков И. С. 196 Аксаков К. С. 196
- Алексий (Лавров — Платонов), архиеп. Виленский 11, 16 Алексий (Поликарпов), архим. 156 Алексий (Соловьев), иеросхимонах 26, 27, 28 Алексий I (Симанский), патриарх 160 Алексий II (Ридигер), патриарх 220
- Амвросий (Гренков), оптинский старец 16, 17, 20, 21, 52, 53, 146 Амфитеатров Валентин, прот. 155 Андреев Л. Н. 34 Андреева Л. Е. 120
- Андроник (Лукаш), схиархимандрит 150, 192
- Андроник (Трубачев), игумен 192
- Анненский И. Ф. 46
- Ариадна (*миф.*) 173
- Арсеньев А. П. 109
- Арсеньев Н. С. 209
- Арсеньева Н. Д. 109
- Арцыбушев А. П. 120, 121
- Астахова М. Н. (Мария, Маша; урожд. Фудель; в 1–м браке Казакова), внучка С. И. Фуделя 4, 220, 223, 236 Афанасий (Сахаров), епископ Ковровский 94, 95, 113, 118, 120, 149, 150, 157, 158, 160, 165, 199, 209, 214, 218, 219, 229, 234, 239
- Баделин В. И. 68
- Балашов Николай, прот. (Balasov) 8, 239–241 Бармин А. А. 4, 12, 208, 225, 226 Белинский В. Г. 193 Белый А. 56, 57
- Бердяев Н. А. 26, 27, 39, 40, 56, 57, 62, 70, 200, 206 Блок А. А. 139
- Богданов Владимир, прот. 74, 79, 93, 120
- Борисов В. М. 238
- Бочаров С. Г. 227, 241
- Брагар Александр, свящ. 9, 219, 226
- Брежнев Л. И. 221
- Бронникова Е. В. 4

Брэдбери Р. 61
 Булгаков Сергей, прот. 25–27,56–58,63,67, 194,200 Бурдеев А. 9,
 240
 Вагнер Р. 47
 Варя, Варвара, Варенька, дочь С. И. Фуделя — см. Фудель В. С.
 Варсонофий Великий 146
 Варфоломей (Ремов), архиеп. 159
 Василевская В. Я. 104,115, 122,123,217
 Василий (Богдашевский), епископ Каневский 94
 Василий (Преображенский), епископ Кинешемский 94
 Введенский Александр, свящ. 67
 Ведерников А. В. 206, 207
 Вера, Вера Максимовна — см. Сытина В. М.
 Верочка, внучка С. И. Фуделя — см. Желновакова В. М.
 Верховцева В. Т. 94 Верховцева Н. А. 94
 Владимир (Юденич), епископ Барнаульский 94
 Волков О. В. 107
 Волкова С. В. 104, 107, 108,242
 Воробьев Владимир, прот. 4, 8, 12, 13, 25, 121, 149, 190, 193, 221,
 230, 238–240 Воронцов А. 5 Вышеславцева О. Н. 124, 239
 Вышинский А. Я. 54, 111, 112
 Габрияник Алексей, свящ. 114,120,121, 123 Гаврюша, юродивый
 (Иванов Г. И.) 60, 74 Галина Петровна — см. Каменяка Г. П.
 Георгий (Машурин), затворник Задонский 205, 209 Герман
 (Ряшенцев), епископ Вязниковский 94 Гёте И. — В. 57 Гиппиус З. Н.
 46,185 Гоген П. 46
 Гоголь Н. В. 59, 73,181, 183,186,200
 Голубцов Николай, прот. 220, 222,239,240
 Голубцов Сергей, протодиакон 121
 Голубцова М. Ф. 240
 Горбачук Георгий, прот. 194, 241
 Горяева Т. М. 4
 Горячев Евфимий, свящ. 127
 Гришанова К. И. (монахиня Сусанна) 117
 Громов — Колли А. В. 241
 Гроссман Л. П. 176

Дамаскин (Жабинский), иеромонах 95 Даниил (Нуширо), митрополит 227 Державин Г. Р. 227 Дзержинский Ф. Э. 67 Диккенс Ч. 46, 184, 185

Димитрий (Вербицкий), епископ Белоцерковский 94

Димитрий Ростовский 209

Долинина — Иванская В. И. 109, 112

Долинин — Иванский В. И. 109, 112

Дорон А. П. 122

Дорофей, авва 142

Достоевский Ф. М. 11–13, 15, 16, 22, 33, 35–37, 40, 47, 48, 52, 58, 61, 63, 168–190, 193, 195–197, 201, 205, 229, 236, 238–241

Дурылин С. Н. 5, 12, 45–55, 59, 61–63, 66, 96–100, 112, 130, 133–135, 168, 198, 211, 230, 233, 238, 242

Ева (**библ.**) 208

Екатерина — см. Тихомирова Е. Д.

Ельчанинов Александр, прот. 56 Емельянов Н. Е. 4, 12, 213

Емельянова Е. С. 17

Желновакова В. М. (Верочка) 135

Желновакова М. С. (Мария, Маша) 4, 9, 13, 93, 102, 105, 115, 116, 118, 119, 122, 131, 210, 224, 226, 234, 240, 241 Жилина — Евзович Т. Е. 120, 123 Журавлева И. А. 121

Завитневич В. З. 200, 201 Закатов В. Н. 116 Закатова М. А. 116, 120 Золя Э. 184

Иванов В. И. 55, 58, 61

Игнатий (Брянчанинов), епископ 146

Иисус Христос 6, 15, 21, 23, 28, 33, 35–37, 44, 52, 57, 58, 60, 61, 78, 80, 102–104, 130, 139, 151, 152, 159, 162, 166, 170, 173, 174, 176–181, 186, 188, 193, 197, 205, 209, 217, 226, 227 Ильин И. А. 206

Илья — см. Криволицкий И. В.

Илюшенко И. И. 108

Иоанн Богослов 140

Иоанн Дамаскин 139

Иоанн Златоуст 32, 40, 139, 209

Иоанн Кронштадтский (Сергиев И. И.) 53, 209

Иоанн Лествичник 151

Иоанн Пророк 146

Иоанн, апостол 139, 165

Иов (**библ.**) 180
Иосиф (Литовкин), иеросхимонах, оптинский старец 21
Исаак Сирий 139, 211
Исупов К. Г. 239
Иуда (**библ.**) 143, 162
Иулиания (Самсонова), монахиня 240
К. Неклюев, псевд. С. И. Фуделя 12, 238 Казакова М. Н. — см.
Астахова М. Н.
Каменяка Андрей, прот. (в постриге: Иов) 219, 220, 225
Каменяка Г. П. (Галина Петровна, монахиня Ольга) 4, 219, 220 Кант И.
57,190
Карманов Е. А. 146, 151,207, 208 Карманова Н. А. 4, 146,151,208
Карпов, майор 120, 121 Касабов Р. Р. 241 Катанян Р. П. 96,109, 110,112
Квастен Й. 208 Киприан (Керн), архим. 210 Киреев А. А. 37
Киреевские, братья 197 Киреевские, семья 204, 205, 237,240
Киреевский И. В. 196, 201, 204 Киреевский П. В. 196
Кирилл (Смирнов), митрополит Казанский 91, 94–96, 103,158, 199,
229 Кирилл Белозерский 26 Кожевников В. А. 63 Копировский А. М.
4,221, 225, 241
Корнеев И. А. 120, 121, 123 Корнеева В. А. 120, 121 Корнеева О. Л.
117
Корнилий (Соболев), епископ Вязниковский 94
Корнилова А. 121
Косик О. В. 123,160,239
Кравецкий А. Г. 4,207
Красницкий Владимир, свящ. 67
Крахмальникова З. А. 12, 238
Кречетов И. В. 109
Кречетов Николай, прот. 4, 222
Криволуцкий И. В. 120, 121
Криволуцкий Владимир, свящ. 114,116,117, 119–121,123, 126,
158,242
Крючков Димитрий, свящ. 120, 121, 158
Кудашев Н. А., кн. 74
Кукин Виктор, свящ. 225
Кучерская М. А. 9, 61
Кучерявая Н. И. 4

Кучин Н. Д. 109
 Кучин Ю. Д. 109
 Лазарев К. 199 Лацис В. 67 Ленин В. И. 67
 Леонтьев К. Н. 17,18,20,34,38,39,40, 55,58,195,233
 Лермонтов М. Ю. 47,51,58,184 Лесков Н. С. 184
 Лидия, жена Фуделя Н. С. — см. Щербинина Л. И.
 Лидия, сестра С. И. Фуделя — см. Фудель Л. И.
 Литвиненко П. Г. 120 Лосский В. Н. 200,211 Луначарский А. В. 67
 Лучкина М. П. (Матрона, инокиня) 109,115,116,136 Люсый А. П.
 241
 Макарий Великий (Макарий Египетский) 46, 61, 139, 168, 211, 241
 Макарий, оптинский старец 204
 Мамонтов В. С. 109
 Мамонтов С. И. 52,107
 Мансуров П. Б. (Павел) 63
 Мансуров Сергей, свящ. 63,190, 191,193,198,240
 Мансурова М. Ф. 190,191,193,198, 239,240
 Мария, Маша, дочь С. И. Фуделя — см. Желновакова М. С.
 Мария, Маша, внучка С. И. Фуделя — см. Астахова М. Н.
 Мария, Маруся (сестра С. И. Фуделя) — см. Фудель М. И.
 Марк, евангелист 78
 Мартьянова С. А. 4,241
 Матрона, инокиня — см. Лучкина М. П.
 Машков И. И. 47 Мейендорф Иоанн, прот. 211 Мень Александр,
 прот. 7, 117 Менькова И. Г. 121 Мережковский Д. С. 55, 194 Метерлинк
 М. 61 Мечёв Алексей, прот. 52, 155, 158 Михайлов Борис, свящ. 207
 Михоэлс С. М. 119 Моисей **(библ.)** 225
 Монтини Дж. — Б., кардинал — см. Павел VI Морозова М. К. 55,
 62 Мраморнов О. Б. 241
 Некрасов А. С. 113,120,121 Некрасова М. А. 4 Некрасова Т. М.
 (Татьяна) 113, 172 Некрасовы 113, 117
 Нектарий (Тихонов), оптинский старец 70 Неофит (Осипов), архим.
 91,92 Николай, сын С. И. Фуделя — см. Фудель Н. С.
 Николай (Добронравов), епископ Звенигородский 94, 95
 Николай Кавасила 209
 Николай (Крутицкий), митрополит 95

Николай (Ярушевич), епископ Петергофский, затем — митрополит Крутицкий и Коломенский 94, 95 Нил Синайский 148 Ницше Ф. 56, 57, 185

Новоселов М. А. 27, 42, 43, 62, 63, 81, 158, 194

Оболенский А. Д., кн. 56 Огольцов С. И. 119

Ольга, монахиня — см. Каменьяка Г. П.

Ориген 194 Осипов А. А. 158

Павел, апостол 139, 141, 197, 199

Павел VI, папа римский (Монтини Дж. — Б., кардинал) 210

Пальмер В. 202

Парравичини Дж. (Parravicini) 4, 240, 241 Пастернак Б. Л. 61, 184

Перебаскин Василий, свящ. 80 Пестов Н. Е. 221

Петр I, российский император 65 Петр, апостол 139

Петр (Полянский), митрополит Крутицкий, местоблюститель

Патриаршего престола 43, 103 Пешкова Е. П. 89, 90, 242 Пий XII 202

Питирим (Крылов), архиеп. 159 Питовранов Е. П. 122

Пищикова Е. В. 121 По Э. 46

Победоносцев К. П. 37, 55, 56 Полищук Е. С. 207 Полуэктов Е. Г. 112 Полуэктова К. Н. 113 Померанц Г. С. 229, 240 Преис Н. Н. 59–61, 63, 229 Пришвина В. Д. 63 Провалов К. К. 4 Пушкин А. С. 46, 61, 168, 184, 241 Пэнэжко Олег, прот. 218

Ракин Л. И. 94 Распутин Г. Е. 34, 198 Рачинский Г. А. 56, 57 Рачинский С. А. 18

Рейтлингер Ю. Н. (инокия Иоанна) 58

Рецикова В. А. (урожд. Угимова; в постриге: Магдалина) 73

Розанов В. В. 36, 55, 59, 191, 192

Розанова Т. В. (Татьяна) 191

Романовский Н. С. 120–122

Рублев Андрей 41, 67

Савва (Тихомиров), архиеп. 16

Самарин А. Д. 56, 198, 199

Самарин Ф. Д. 63, 198

Самарин Ю. Ф. 196–199, 201, 204

Самарина — Чернышева Е. А. 12, 199

Сараскина Л. И. (Saraskina) 8, 13, 188, 239–241

Сахарнова О. И. (монахиня Серафима) 120, 121, 126

Свенцицкий А. Б. 159

Свенцицкий Валентин, прот. 53, 56,80, 154, 155, 158–160, 209
Свербеев Д. Н. 73 Свербеевы 107
Серафим (Битюгов), архим. 113–120,122,123,158,217,235 Серафим
(Звездинский), епископ Дмитровский 94 Серафим Саровский 146, 205,
211 Сергеев С. М. 64
Сергий (Страгородский), митрополит 43,44, 103, 117, 120, 158, 159
Сергий Радонежский 26, 116
Сидоров Сергей, свящ. 5, 158
Силуан Афонский 146, 211
Симеон Новый Богослов 146, 211
Симеон Солунский 209
Смирнов Владимир, прот. 218
Солженицын А. И. 20
Солженицына Н. Д. 8
Солженицыны, семья 8
Соловьев Вл. С. 18, 32,55,56,58,63,64,190,199–201,233
Сологуб Ф. К. 34
Сороковиков А., 241
Сталин И. В. 68,158,221
Сталь А. — Л. — Ж., де 193
Страхов Н. Н. 178
Струве Н. А. 12,13
Сытина В. М. (Вера, Вера Максимовна) 13, 73, 93, 95, 122, 131, 137,
208, 226, 234
Сытина З. А. (урожд. Свербеева) 104
Таврион (Батозский), архим. 150 Татьяна — см. Некрасова Т. М.
Татьяна — см. Розанова Т. В.
Тепнина М. В. 120
Терентьев Ю. С. 239
Тернавцев В. А. 55,62
Тихомиров Л. А. 63–65, 113, 160
Тихомирова Е. Д. (Екатерина; урожд. Сергеева) 63
Тихон Задонский 139,141,143,146,179,180,205,209
Тихон (Тихомиров А. Л.), епископ 160
Тихон (Белавин), патриарх 26,43,66, 68, 69,71,91,103,117,198
Толстая А. И. 109, 111,112 Толстая С. А. 109, 111,112

Толстой Л.Н. 27,45, 52, 112 Торопина З. А. 9,219 Третьяков Н. Н. 4, 12, 183–187 Троцкий Л. Д. 68, 69 Трубецкой Е. Н., кн. 56, 57 Тургенев И. С. 17, 169 Тучков Е. А. 89, 90,92,96 Тыминская М. А. 120, 121 Тютчев Ф. И. 61, 139,184, 185 ТягуноваН. Ф. 190, 193,240

Улицкая Л. Е. 207 Успенский Сергей, свящ. 112

Ф. Уделов, Ф. И. Уделов, псевд. С. И. Фуделя 12,189, 237,238 Фаддей (Успенский), архиеп. Астраханский 91, 92, 95 Фаррер К. 48

Феодосий (Ганецкий), епископ Коломенский 94

Феофан Затворник, епископ 146, 205, 209

Феофил (Богоявленский), епископ Новоторжский 94

Филарет (Дроздов), митрополит Московский 201, 205

Филяновский Игорь, прот. 4, 7

Фирсов С. Л. 37,158

Флоренская А. М. 191

Флоренские, семья 40

Флоренский Павел, свящ. 11–13, 25,40–44, 56–58, 61,63, 70, 96, 103, 188–196,198,200,209,236–240 Флоровский Георгий, прот. 56 Фома Аквинский 208 Фонвизина Н. Д. 15, 176 Франциск Ассизский 47 Фридлендер Г. М. 241

Фудели, семья 9, 12,14,25,39,94, 102, 113,114,116,117,120, 132, 198,218,

219,226,232,235,242 Фудель В. С. (Варя, Варвара, Варенька) 116,129, 135, 235 Фудель Е. С. 89, 90, 234,242

Фудель Иосиф, прот. 15–19,21–24,31,33,34,38–44,52,55,63,78,113,140, 145,198,233 Фудель Л. И. (Лидия) 234

Фудель М. И. 81–86,88–90,92,94,119,127,130,145,234,235,242 Фудель Н. И. 242

Фудель Н. С. 4, 9,13,14,47, 54,61,95, 104,105,112,114, 118,127–131,135–137,144,145,147,148,161,168–171,188,199,206,219,220,222,223,226, 234,238,24

ОХомяков А. С. 63, 102,193,196,200–204,236 Хомяков Д. А. 196, 197, 199 Христофоров В. С. 4 Хрущев Н. С. 157, 158, 221

Цветков Владимир, свящ. 7

Чаадаев П. Я. 196

Чапурин Я. С. 89

Чернышев Н. С. 5, 66,199, 242

Чернышева Е. А. — см. Самарина — Чернышева Е. А.

Чернышевский Н. Г. 92, 93

Чехов А. П. 73

Шаховской Д. М. 4, 14, 224, 226

Шевелев И. 241

Шик Михаил, свящ. 158, 224

Шипков Петр, свящ. 104, 114, 117, 119, 158

Шкаровский М. В. 158

Шмаин Илья, прот. 218

Шмаина — Великанова А. И. 4, 218

Шопен Ф. 46

Шопенгауэр А. 193

Шпиллер Всеволод, прот. 222

Штейнер Р. 57

Щербинина Л. И. (Лидия) 137, 220

Экзюпери А., де 61, 184 Элиава Ш. З. 71, 242 Эрн В. Ф. 56

Ярошенко Н. А. 2

ОСОДЕРЖАНИЕ

Балашов Н. В., прот., Сараскина Л. И.

Б-202 Сергей Фудель. — М.: Книжница — Русский путь, 2010. — 256 с.; ил.

ISBN 978 5–903081–11–0

ISBN 978 5–85887–360–0

Творчество религиозного писателя Сергея Иосифовича Фуделя (1900–1977), испытавшего многолетние гонения в годы советской власти, не осталось лишь памятником ушедшей самиздатской эпохи. Для многих встреча с книгами Фуделя стала поворотным событием в жизни, побудив к следованию за Христом. Сегодня труды и личность С. И. Фуделя вызывают интерес не только в России, его сочинения переиздаются на разных языках в разных странах.

В книге протоиерея Н. Балашова и Л. И. Сараскиной, впервые изданной в Италии в 2007 г., трагическая биография С. И. Фуделя и сложная судьба его литературного наследия представлены на фоне эпохи, на которую пришлась жизнь писателя. Исследователи анализируют значение религиозного опыта Фуделя, его вклад в богословие и след в истории русской духовной культуры. Первое российское издание дополнено новыми документами из Российского государственного архива литературы и искусства, Государственного

архива Российской Федерации, Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации и семейного архива Фуделей, ныне хранящегося в Доме Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. Издание иллюстрировано архивными материалами, значительная часть которых публикуется впервые.

УДК 929 ББК 86.372

**Протоиерей Николай Балашов Людмила Ивановна Сараскина
Сергей Фудель**

Художник И. И. *Антонова* Редактор О. Б. *Василевская* Корректор
Н. С. *Самбу* Верстка Л. А. *Фирсовой*

Подписано в печать 01.06.2010 Формат 84х108/32. Тираж 2000 экз.
Заказ № 2738.

ООО «Книжница»

125009, Москва, Газетный пер., д. 1/12, стр. 6 Тел.: (495) 915–27–97

ЗАО «Издательство “Русский путь”»

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2 Тел.: (495) 915–10–

47. E-mail: info@rp-net.ru.

Сайт издательства: www.rp-net.ru

Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50–летия СССР». 170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 978–5–903081–11–0

9 785903 081 11 0 >.

84.

Примечания

1

См. о нем: Записки священника Сергия Сидорова. М., 1999;
Воронцов А. Потаенная русская литература // Наш современник. 2000.
№ 7

2

Священник Игорь Филяновский, настоятель Троицкого прихода
Московского Патриархата в Мельбурне. Письмо к авторам (2000).

3

См., например, свидетельства лично знавших С. И. Фуделя: *Мень А., прот.* О времени и о себе // *Путь*. 1993. № 4; Встречи в пути (Рассказывает библиотекарь Валаамского монастыря о. Владимир Цветков) // *Вера — Эском*: Христианская газета Севера России. 1999. № 358.

[Интервью Н. Д. Солженицыной] // Российская газета. 2005. 25 апр.

5

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 23 октября 1962 г. // Фудель С. И. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подгот. текстов, коммент. прот. Н. В. Балашова, Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 2001. Т. 1. С. 471. (Далее: СС с указанием томов римскими цифрами и страниц — арабскими (Т. 2. М., 2003; Т. 3. М., 2005).)

6

Воробьев В., прот. Предисловие // СС. I, 8–9.

7

М. С. Желновакова. [Неизданные воспоминания об отце.] Архив авторов.

8

*Торопина*З. А. Устные воспоминания. Цит. по: *Брагар А., свящ.* Покров кий период жизни семьи Фуделей // Чтения памяти С. И. Фуделя: К 30–ле ию со дня кончины. Владимир: Изд. отдел Владимирской епархии, 2008.

С. 31.

9

Бурдеев А. Светлой памяти Сергея Иосифовича Фуделя // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1977. № 121. С. 314.

10

Н. С. Фудель. Выступление на вечере памяти С. И. Фуделя в Библиотеке — фонде «Русское Зарубежье» (Москва, 14 января 2000 г.).

Кучерская М. Языками ангельскими и человеческими // Русский журнал (сетевое изд.). 2000.28 апр. <www.russ.ru/ist_sovr/20000428_kycher.html>.

12

Фудель С.И. Записи об апостольских посланиях // СС. II, 391

13

Воробьев В., прот. Воспоминания о С. И. Фуделе (доклад на чтениях, посвященных памяти С. И. Фуделя, Владимир, 7 марта 2007).

Фудель Н.С. Из воспоминаний об отце // Новая Европа. 1993. № 2.
С. 40

Фудель С. И. Наследство Достоевского / *Общ. ред., вступ. ст.,*
подгот. текста и примеч. Л. И. Сараскиной. М.: Русский путь, 1998.

В настоящее время хранится в Доме Русского Зарубежья имени
Александра Солженицына (Москва).

16

В настоящее время хранится в Доме Русского Зарубежья имени
Александра Солженицына (Москва

17

За пределами трехтомного собрания остаются стихотворения, не предназначенные автором к публикации (кроме тех, которые цитируются им самим в «Воспоминаниях» и письмах), некоторые незавершенные статьи и черновики С.И. Фуделя.

Письмо Ф. М. Достоевского Н. Д. Фонвизиной, январь 1854 // Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28. Кн. 1. С. 176.

19

«Фактически я родился 31 декабря 1900 года, но при крещении в январе 1901 г. меня по ошибке записали рожденным в декабре 1901 г.», — писал С. И. Фудель в заявлении в Усманское районное бюро ЗАГС в 1952 г. Дата рождения 31 декабря 1901 г. приводится в свидетельстве о рождении и других сохранившихся документах С. И. Фуделя.

Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни. Т. 1–9. Сергиев Посад, 1911. Т. 9. С. 365.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1,22.

Там же

Там же

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 25.

Там же. С. 29.

Там же.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 29.

Там же. С. 30.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 89.

См.: *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 2, гл. 4 // Собр. соч.: В 9 т. М.: Терра — Книжный клуб, 1999–2005. М., 1999. Т. 4. С. 589.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 14.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. I, 23-24

Фудель С.И. Воспоминания // СС. 1, 25.

Там же. С. 26–27.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 33.

См.: Воробьев В., *прот.* Предисловие [к кн. С. И. Фуделя «Воспоминания»] // Новый мир. 1991. № 3. С. 188.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 14–15.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 15.

Бердяев Н. А. Самопознание: Опыт философской автобиографии.
Париж, 1949. С. 202.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 16–17.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 18.

Там же. С. 17.

Там же.

“Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 19.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 38.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1,40.

Там же. С. 43.

¹⁰ Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 39.

" Там же.

Философская трагедия Леонида Андреева с образом современного Мефистофеля.

Тайные кружки, собиравшиеся для ночных кутежей и оргий.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 39–40.

Там же. С. 39.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 40.

Там же. С. 41.

Достоевский Ф. М. «Дневник писателя» за 1873. Гл. V: Влас//
Поли. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Л., 1980. Т. 21. С. 38.

Достоевский Ф. М. Бесы сПодготовительные материалы>// Там же.
Л., 1974. Т. 11. С. 178.

Там же. С. 179.

См.: Новый путь. 1904. № 8.

См.: *Фирсов С. И.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890–х — 1918 гг.). М., 2002. С. 23–53. — (Сер. Церковные реформы).

К. П. Победоносцев: Pro et contra: Антология. СПб., 1996. С. 168.

Цит. по: *Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен...* С. 30.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 41–42.

Леонтьев К. Н. Избранные письма. СПб., 1993. С. 530.

Фудель И. И. К. Леонтьев // Леонтьев К. Н. Собр. соч. [Т. 1–9.] М., 1912. Т. 1. С. IV.

Бердяев Н. А. Типы религиозной мысли в России. Р.: YMCA-Press, 1989. С. 145.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 63.

Фудель С. И. К. Леонтьев в его письмах к о. Иосифу Фуделю. Рукопись. Архив Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына. Ф. 8 (Семейный фонд Фуделей). Оп. 2. Ед. хр. 17.

См.: Фудель С. И. Начало познания Церкви // СС. III, 331. Впрочем, в некоторых отношениях Фудель признавал справедливость критики Леонтьева. См.: Фудель С. И. Наследство Достоевского // СС. III, 88.

Фудель С. И. К. Леонтьев в его письмах к о. Иосифу Фуделю.

75 Фудель С. И. У стен Церкви // СС. I, 155.

Фудель С. И. Начало познания Церкви // СС. III, 368.

Там же. С. 290.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 36.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 42.

Там же. С. 34.

Фудель С. И. Начало познания Церкви // СС. III, 298.

Фудель С. И. Начало познания Церкви // СС. III, 290–291.

Так называли тех, кто отказывался поминать за литургией имя заместителя патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородско- го), не соглашаясь с избранным им курсом выживания церковной организации в условиях советской диктатуры.

См.: Фудель С. И. Начало познания Церкви // СС. III, 356.

Там же. С. 369.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1,44.

См.: *Дурылин С. Н. В школьной тюрьме: (Исповедь ученика)*. М., 1907. С. 5.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 44.

Там же. С. 45.

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 28 декабря 1951 г. // СС. 1, 384.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 46.

50 Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 48.

Там же. С. 50.

Там же.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 72.

В 2000 г. о. Алексей был причислен к лику святых.

Фудель С. И. У стен Церкви // СС. 1,175.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 57.

Там же. С. 60.

См., например: *Дурылин С. Н. В своем углу*. М., 1991.

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 6 ноября 1951 г. // СС. 1, 367.

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Дурылину от 8 марта 1952 г. // СС. I, 392.

Мережковский Д. С. Революция и религия // Русская мысль. 1907.
№ 3. С. 31–32.

Иванов В. И. О русской идее // Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 324.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1,63.

Надпись была уничтожена в апреле 1919 г. и восстановлена в 2001 г., когда университетская церковь Святой Татианы вновь открыла свои двери для молящихся.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 63.

Там же. С. 68.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. 1, 65

Там же. С. 70–71.

Там же. С. 53.

Фудель С. И. У стен Церкви // СС. I, 153.

См.: Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 59–60.

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 18 февраля 1949 г. // СС. I, 289.

Кучерская М. Языками ангельскими и человеческими // Русский журнал (сетевое изд.). <www.russ.ru/ist_sovr/20000428_kycher.html>

1,4 Так назывался первый выпуск библиотеки, послуживший программным для последующих 60 книг и брошюр (выходивших с 1902 по 1917 г.), а также более 80 листков с выдержками из святых отцов и русских писателей и ученых.

Пришвина В. Д. Невидимый град. М., 2002. С. 261.

Фудель С. И. У стен Церкви // СС. I, 154.

Фудель С. И. Воспоминания II СС. I, 61.

Впервые опубл.: Тихомиров Л. А. В последние дни (Эсхатологическая фантазия) // Христианство и политика / Сост., предисл., коммент. С. М. Сергеева. М., 1999. С. 393–538.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1,62

В стенах церковного Собора // Забайкальские епархиальные ведомости. Чита, 1918. № 1/3. С. 38.

Фудель С. И. Церковь верных // СС. II, 192–193.

«Быть Богу верным до голодной смерти» — такой призыв С. Н. Дурылина к своим молодым друзьям в один из тех голодных годов запомнился

Н. С. Чернышеву (Письмо Н. С. Чернышева С. Н. Дурылину, весна 1925 или 1926 г. РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 882. Л. 13 об.).

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 70.

Там же. С. 69.

Фудель С. И. У стен Церкви // СС. 1,153.

Архивы Кремля. Политбюро и Церковь, 1922–1925 гг.
Новосибирск; М., 1997. Кн. 1. С. 163.

Баделин В. И. Золото Церкви: Исторические очерки и современность. Иваново, 1993. С. 162.

Кроме сохранившихся воспоминаний, источниками для установления биографических данных С. И. Фуделя в первые послереволюционные годы являются материалы трех его следственных дел, а также его военный билет и составленные им в 1951 и 1952 гг. краткие автобиографические записки, предназначавшиеся для восстановления свидетельства о рождении и исчисления трудового стажа (переданы в Дом Русского Зарубежья имени Александра Солженицына). Все эти материалы не отличаются полнотой: по мере исчезновения в недрах ГУЛАГа тех людей, с которыми Фудель был связан в послереволюционные годы, он переставал упоминать о соответствующих периодах жизни.

См.: Протокол допроса С. И. Фуделя от 24 июля 1922 г. ЦА ФСБ
РФ. Д. Р-46067. Л. 76 об.

15 °См.: Там же; Протокол допроса С. И. Фуделя от 3 января 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938. Т. 1. Л. 87 об. Ш. 3. Элиава, в 1920 г. полпред РСФСР в Турции и Персии, впоследствии председатель СНК Грузии, с 1927 г. — Закавказской федерации, с 1931 г. заместитель наркома внешней торговли СССР, расстрелян в 1937 г. В Архиве внешней политики Российской Федерации найдена телеграмма Элиавы от 22 декабря 1920 г.: «Прикажите нашему дипкурьеру Фуделю срочно выехать в Баку» (АВП РФ. Референтура по Турции. Ф. 0132. Оп. За. Папка 102. Д. 2. Л. 7–8).

151 В послании (от 18 июня 1922 г.) митрополита Агафангела, который был временно поставлен патриархом Тихоном во главе церковного управления в связи с арестом патриарха и привлечением его к суду, речь шла, в частности, о необходимости сохранения церковной свободы и верности каноническим основам церковного строя, попранным «живоцерковниками». «Вопреки моей воле, по обстоятельствам, от меня не зависящим, я лишен и доньше возможности отправиться на место служения, — говорилось в послании. — Между тем, как мне официально известно, явились в Москве иные люди и встали у кормила правления Русскою Церковью. <... >Я считаю принятую ими на себя власть и деяния их незаконными.<...>Братья и сестры о Господе — наши пасомые! Храните единство святой веры в союзе братского мира. Не поддавайтесь смущению, которое новые люди стремятся внести в ваши сердца по поводу учений нашей православной веры; не склоняйтесь к соблазнам, которыми они хотят обольстить вас<... >не обольщайтесь беззаконием путей, которыми хотят повести вас новые люди к какой-то новой церкви» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 38). 15 июня 1922 г. митрополит Агафангел дал подписку о невыезде из Ярославля, 28 июня был взят под домашний арест, 22 августа переведен в одиночную камеру каземата при Ярославском отделении ГПУ, 15 августа был доставлен во внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке, где Фудель однажды встретил его в коридоре. Комиссией НКВД по административным высылкам 25 ноября 1922 г. выслан на три года в Нарымский край (ныне Томская обл.). Возвратился в Ярославль в 1926 г., скончался в 1928 г. Причислен к лику святых в 2000 г

Заключение по делу С. И. Фуделя, 21 ноября 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46067. Л. 24.

ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 5.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 85–86.

Имение Солнышково (Серпуховской уезд, Бадеевская волость — ныне Чеховский район Московской области) в середине XIX в. унаследовал известный востоковед и мемуарист Д. Н. Свербеев, прадед невесты С. И. Фуделя

В. М. Сытиной. Гостями здесь бывали Гоголь и Чехов. При аресте С. И. Фуделя у него было обнаружено «удостоверение от сельсовета деревни Солнышково от 13 марта [19]22 года» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 7а).

Фудель С.И. Воспоминания // СС. I, 86. Об аресте С.И. Фуделя упоминает в своих воспоминаниях подруга его невесты Вера Александровна Рещикова (урожд. Угримова; в постриге — монахиня Магдалина; 1902–2002); *Рещикова В.А.* Высылка из РСФСР // Минувшее. М.; СПб., 1992. [Вып.] 11.

С. 200–209.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 86.

Там же. С. 87.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 89.

Там же. С. 88–89.

Там же. С. 89.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 92.

Там же.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1, 93.

Там же. С. 94.

Там же. С. 108.

Протокол допроса С. И. Фуделя от 24 июля 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-46067. Л. 76 об.

Там же. Л. 7 в. Лишь в ходе третьего следствия в 1946 г. С. И. Фудель, зная, что теперь никому не причинит этим вреда, назвал имя человека, доставившего ему экземпляры послания для распространения среди верующих. Это был друг его отца М. А. Новоселов, скрывавшийся от органов ГПУ с 1922 г. и расстрелянный в 1938 г. См.: Протоколы допросов С. И. Фуделя от 17 мая и 13 августа 1946 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49254. Т. 6. Л. 18, 76.

Протокол допроса С. И. Фуделя от 22 июля 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-46067. Л. 7а.

Ордер на арест М. И. Фудель от 12 августа 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-46066. Л. 3.

Протокол допроса М. И. Фудель от 12 августа 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46066. Л. 7[в].

Протокол допроса М. И. Фудель от 12 августа 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46066. Л. 7[г]. [Позднейшая недатированная приписка, внесенная
в период следствия.]

Протокол допроса С. И. Фуделя от 22 августа 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46067. Л. 15а.

Отзыв 6 отд. СО ОГПУ на предложение пом. прокурора республики о пересмотре дела С. И. Фуделя, апрель 1925 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 36.

Постановление о привлечении С. И. Фуделя в качестве обвиняемого [начало августа 1922 г.]. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 13.

Заключение по делу С. И. Фуделя, 21 ноября 1922 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-46067. Л. 24.

Заключение по делу М. И. Фудель, 23 ноября 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46066. Л. 18. Е. А. Тучков в своей резолюции предложил в этом случае ограничиться меньшим сроком: «Согласен *на один год*» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46066. Л. 18).

Выписка из протокола заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 25 ноября 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 23.

Выписка из протокола заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 25 ноября 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д: Р-46066. Л. 17. Хива, наряду с Зырянской областью, была определена в 1922 г. антирелигиозной комиссией в качестве наиболее подходящего места для административной высылки «реакционной тихоновщины».

Письмо Е. С. Фудель Е. П. Пешковой (1922). ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1.
Д. 5.
Л. 20–20 об.

Выписка из протокола заседания Комиссии НКВД по административным высылкам от 9 декабря 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46066. Л. 23.

См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 26–30. Такие милости к заключенным вызвали недовольство коменданта ОГПУ, который на обороте предписания написал: «Дорогие товарищи! Не вышла ли тут ошибка, пересмотрите ваше решение. Если нет тяжелобольных, то на квартиру посылать не следует, ибо этим мы же сами развращаем красноармейцев, и вообще за 5 лет существования ВЧК — ОГПУ>не было ни одного такого случая» (Служебная записка зав. секретно — регистрационным отделом ГПУ коменданту ГПУ от 13 декабря 1922 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 27). Тучков отвечал: «Разрешение Фуделям сходить домой было дано на основании постановления комиссии по мотивам, что у них дома лежит больная мать. Распоряжение, которое отменить нельзя» (Записка нач. 6-го отд. СО ГПУ коменданту ГПУ от 14 декабря 1922 г. Там же. Л. 26).

Все трое ныне причислены к лику святых.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 101.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 101.

Служебная записка 6-го отд. СО ГПУ от 24 января 1923 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 32. Мария Фудель была отправлена по этапу в Зырянский край в январе. В июле ей было дано разрешение выехать в Москву для лечения (операция по удалению аппендицита). Воспользоваться этим разрешением ей удалось 16 августа (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46066. Л. 26–31).

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 101.

Желновакова М.С. Воспоминания о матери. М., 2001. С. 29.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. I, 102.

Практика ареста людей, которые предположительно могли скрывать от принудительной реквизиции драгоценные металлы и иные ценности, была обычной в деятельности ГПУ в начале 1920–х гг.

См.: Письмо еп. Афанасия Л. И. Ракину от 16 сентября 1957 г. // Афанасий (Сахаров), свят. Собрание писем. М., 2001. С. 440–441.

Письмо еп. Германа В. Т. и Н. А. Верховцевым от 12 июля 1924 г. // Письма владыки Германа. Жизнеописание и духовное наследие священно- мученика Германа, епископа Вязниковского. М.: ПСТБИ, 2004. С. 127.

Усть — Кулом Зырянской области.

Епископ Звенигородский.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 78.

Письмо С. И. Фуделя С. Н. Дурылину от 14 сентября 1923 г.
РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869. Л. 2.

Письмо С. И. Фуделя С. Н. Дурылину от 19
сентября<1924 г.>РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869. Л. 5.

Постановление Особого совещания при коллегии ОГПУ от 24 апреля 1925 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-46067. Л. 37. На сей раз церковное отделение ГПУ и лично Тучков были против смягчения участи ссыльного, «учитывая общую политическую ситуацию и серьезность состава преступления» (Там же. Л. 36), однако ходатайство Фуделя было поддержано прокурором по надзору за следствием в органах ГПУ Р. П. Катаняном.

¹⁷, Фудель С. И. Воспоминания // СС. 1,99.

Там же. С. 96.

1.2 Письмо о. П. Шипкова В. Я. Василевской, 1942 г. // Василевская В. Я. Катакомбы XX века. М., 2001. С. 193.

1.3 Уголовное дело по обвинению Волковой С. В. и др. (всего 10 чел.). ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938. Л. 47–51а.

Фудель Н. С. Из воспоминаний об отце //Новая Европа. 1993. № 2.
С. 41.

фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 105.

Протокол допроса С. И. Фуделя от 3 января 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-27938. Л. 87–88.

Олег Васильевич Волков (1900–1996) впервые арестован в феврале 1928 г., приговорен к 3 годам ИТЛ; в 1929 г. Соловки заменили высылкой в Тульскую область. Вторично арестован в марте 1931 г., приговор: 5 лет ИТЛ, вновь Соловки, затем ссылка в Архангельск. В период пребывания на Соловках общался с видными иерархами Церкви. Третий арест в июне 1936 г., 5 лет ИТЛ (Ухтинские лагеря, Княжпогост, где заканчивал первую ссылку С. И. Фудель). Четвертый арест весной 1942 г. в Усть — Куломе, приговор: 4 года ИТЛ. Вновь Ухтинские лагеря, освобождение по болезни в апреле 1944 г. Жил в Кировобаде, затем вернулся к семье в Малоярославец, работал переводчиком в московских издательствах. Пятый арест весной 1950 г., приговор: 10 лет ссылки (Красноярский край). Вернулся в Москву в 1955 г., был принят в Союз писателей СССР (1957). Автор мемуаров «Погружение во тьму», в которых, в частности, описана история его брака с С. В. Волковой. Письма к жене 1920–1960-х годов опубликованы посмертно (Волков О. В. Городу и миру. М., 2001). Лауреат Государственной премии РФ (1992).

Протокол допроса С. В. Волковой от 24 декабря 1932 г. ЦА ФСБ
РФ. Д. Р-27938. Л. 20 об.

Протокол допроса С. В. Волковой от 28 декабря 1932 г. ЦА ФСБ
РФ. Д. Р-27938. Л. 29.

Протокол допроса С. В. Волковой от 24 декабря 1932 г. ЦА ФСБ
РФ. Д. Р-27938. Л. 21 об.

С.В. Волкова (1904–1991) отбывала срок в Минусинском ИТЛ; весной 1934 г. лагерь был заменен ссылкой в Архангельск, где она некоторое время проживала с мужем перед его третьим арестом; по окончании ссылки поселилась в Малоярославце; вновь арестована в марте 1949 г., осуждена на 6 лет ИТЛ, отбывала срок в Калуге, затем в Архангельской области (до 1954 г.)

Протокол допроса С. И. Фуделя от 3 января 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-27938. Л. 88 об.

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения. 9 января 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938. Л. 96.

Обвинительное заключение от 19 января 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-27938. Л. 117.

1,5 Выписка из протокола заседания коллегии ОГПУ (судебного) от 1 февраля 1933 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938. Л. 121. Такой же приговор получили Николай Дмитриевич и Юрий Дмитриевич Кучины, Игорь Валерьянович Кречетов, Александр Павлович и Наталья Дмитриевна Арсеньевы, Вера Ивановна и Владимир Иванович Долинины — Иванские. Отца главной обвиняемой В. С. Мамонтова выслали из Москвы, лишив права проживания в Московской, Ленинградской и Харьковской областях.

^{19<} Из заявления С. И. Фуделя помощнику прокурора РСФСР по надзору за органами ОГПУ Р. П. Катаняну от 4 июня 1933 г.: «Я должен работать 12 часов в день в болоте на той работе, которая мне совершенно не под силу. Я больной и истощенный человек. Я при всех моих стараниях не могу заработать более 100 грамм в день и больше ничего. Почтовой связи нет, посылки доходят плохо. Я чувствую, что уже в ближайшие дни я смогу только лежать и ждать смерти.<...>Приговор по моему делу<...>не определял мне медленного умирания. Если же определял, то прошу изменить его и приговорить к немедленному истреблению. Это легче» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938. Л. 176).

Осужденный по одному делу с Фуделем В. И. Долинин — Иванский, также оказавшийся вместе с женой на лесоразработках, был внучатым племянником Л. Н. Толстого. 11 июня 1933 г. Анна Ильинична и Софья Андреевна Толстые направили прокурору РСФСР А. Я. Вышинскому заявление, в котором протестовали против незаконного перевода административно высланных в «условия более тяжкие, нежели содержание в концлагере» (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938. Л. 175). В связи с этим Вышинский в отношении к Р. П. Катаняну от 13 июня 1933 г. распорядился проверить дело Долининых — Иванских и Фуделя и «поставить вопрос о целесообразности, по их состоянию здоровья, использования их на лесоразработках» (Там же. Л. 173).

1, ⁸ Фудель С. И. Послание второе и последнее. 21 мая 1934 г.
РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1265. Л. 3 об.

Фудель Н. С. Из воспоминаний об отце. С. 50.

Там же. С. 49.

С. И. Фудель был освобожден управлением НКВД по Северному краю «по отбытии меры соцзащиты» 2 января 1936 г. (ЦА ФСБ РФ. Д. Р-27938. Л. 180).

Фудель Н. С. Из воспоминаний об отце. С. 44.

Там же.

Фудель С. И. У стен Церкви // СС. I, 113.

²“Василевская В. Я. Катакомбы XX века. М., 2001. С. 57.

Желновакова М. С. Из писем // Василевская
В. Я. Катакомбы XX века.

C. 309.

Желновакова М. С. Воспоминания о матери. М., 2001. С. 44.

Там же. С. 45.

См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49254. Т. 6. Л. 42, 72–73, 80 об., 97.

См.: Желновакова М. С. Воспоминания о матери. С. 50–56.

Фудель С. И. У стен Церкви // СС. I, 118.

Владимир Владимирович Кривоуцкий (1888–1956) — выпускник юридического факультета Московского университета (1910), священник с 1923 г., служил в московских храмах; не признал «Декларацию» митрополита Сергия; был арестован в 1927 г., но вскоре освобожден; сослан в Пинежский район (1930–1933); по освобождении жил в Можайске, Егорьевске, Загорске, совершая тайные богослужения на дому; после дома Фуделей жил на ст. Лосиноостровской — то на чердаке дачи О. Л. Корнеевой, то в мезонине дома другой духовной дочери, затем на даче Некрасовых в Хотькове и в других местах; арестован после пасхальной службы на дому в апреле 1946 г. по одному с С. И. Фуделем делу «антисоветского церковного подполья» и приговорен к 10 годам заключения, которое отбывал в Красноярске, Москве и Казахстане; освобожден досрочно (1955) в связи с тяжелой болезнью (рак).

Здесь же в 1935 г. был тайно крещен впоследствии широко известный священник Александр Мень.

213

Петр Алексеевич Шипков († 1959) — священник, друг о. Серафима (Битюгова); рукоположен в 1921 г. патриархом Тихоном; арестован в 1925 г.; в 1928 г. ушел в катакомбную Церковь вместе с о. Серафимом; многократно подвергался арестам (провел в заключении и ссылке около 30 лет); с 1934 г. жил в Загорске, работал на кустарной фабрике бухгалтером и продолжал духовническую деятельность; в 1943 г. вновь арестован; после освобождения служил настоятелем собора в Боровске (Калужская обл.).

^{2,7} См.: ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49254. Т. 6. Л. 104–106.

Желновакова М. С. Воспоминания о матери. С. 46.

Фудель Н. С. Из воспоминаний об отце. С. 47.

Постановление на арест С. И. Фуделя от 14 мая 1946 г. ЦА ФСБ
РФ. Д. Р-49254. Т. 6. Л. 1–1 об.

М. С. Желновакова. [Неизданные воспоминания об отце.] Архив авторов.

Желновакова М. С. Воспоминания о матери. С. 7, 65.

Протокол обыска от 16–17 мая 1946 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49254. Т. 6.
Л. 6.

Постановление о предъявлении обвинения С. И. Фуделю от 29 мая 1946 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49254. Т. 6. Л. 32.

Воробьев В., прот. Воспоминания о С. И. Фуделе (доклад на чтениях, посвященных памяти С. И. Фуделя, Владимир, 7 марта 2007 г.).

См.: Арцыбушев А. П. Милосердия двери. М., 2005. С. 174–201. Здесь же содержатся некоторые сведения о других осужденных по этому делу: Н. С. Романовском, А. С. Некрасове, В. В. Криволицком, Д. И. Крючкове (причисленном в 2000 г. к лику святых), И. А. и В. А. Корнеевых, М. А. Тыминской. О М. В. Тепниной см.: Корнилова А. Под сводами «катакомбной» церкви // Христианос: Альманах. Рига, 1993. Вып. 2. С. 195–196, 201–202. О Д. И. Крючкове и О. И. Сахарновой см.: Менькова И. Жизнь без предательства: Следственное дело отца Дмитрия Крючкова (1874–1952) // Московский журнал. 1998. № 11. Об А. И. Габриянике см.: Журавлева И. Габрияник Алексей Иванович, священник Катакомбной Церкви // Голубцов С., протоиерей. Сплоченные верой, надеждой, любовью и родом. М., 1999. С. 215–239. Об И. В. Криволицком см.: Пищикова Е. 11 просмотр вдвоем, или «ошарашенные» // Гудок. 2006. 4 февр.

Протокол допроса С. И. Фуделя от 17 сентября 1946 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-49254. Т. 6. Л. 136.

Протокол допроса С. И. Фуделя от 7 июня 1946 г. ЦА ФСБ РФ. Д.
Р-49254. Т. 6. Л. 42 об.

Протокол допроса С. И. Фуделя от 13 августа 1946 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-49254. Т. 6. Л. 75–77.

М. С. Желновакова. [Неизданные воспоминания об отце.] Архив авторов.

На заключении имеется, в числе прочих, и виза заместителя начальника отдела «О» МГБ СССР, специально учрежденного в мае 1946 г. для оперативной работы по духовенству.

Обвинительное заключение по следственному делу № 8303. ЦА
ФСБ РФ. Д. Р-49254. Т. 22. Л. 178–179. Частично опубл.:
Обвинительное заключение // Василевская В. Я. Катакомбы XX века.
С. 313–315.

Василевская В. Я. Катакомбы XX века. С. 107.

См.: *Косик О. В.* Следственное дело «Антисоветское церковное подполье» (1943–1946 гг.). Доклад на конференции «Пути Русской Православной Церкви в XX веке» (Москва, 13–16 октября 2002 г.).
<<http://www.russian-church.de/muc/konferenz/resources/podpolie.pdf>>

Обвинительное заключение по следственному делу № 8303. Л. 187.

Там же. Л. 178.

будучи ак — явными участниками антисоветского церковного подполья, принимали участие в сборищах, организуемых нелегалами — священниками БИТЮГОВШ, БОЧАРОВ Ш и КРЙВОЛУЦКИМ, а также веде враждебную агитацию. Кроив того, укрывали нелегалов — священников, а в период Отечественной войны стояли на пораженчесгах позициях и ожидали прихода немцев. Как участники антисоветского церковного подполья, соблюдали строгую конспирацию и проводили враждебную работу до последнего времени,

т. е. все в престушниях, предусмотренных. 58 п. п. 10 ч. I и 11 УК РСФСЁ.

Страница из обвинительного заключения по следственному делу № 8303. 30 сентября 1946 г. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-49254. Т. 22. Л. 192

Обвинительное заключение по следственному делу № 8303. Л. 192.

Там же. Л. 197.

Выписка из протокола № 1 Особого совещания при министре государственной безопасности СССР от 30 ноября 1946 г. Выдана ЦА ФСБ РФ.

С 1917 по 1926 г. в этом храме служил священник Евфимий Горячев, расстрелянный в 1937 г., а в 2000-м — причисленный к лику святых новомучеников российских.

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 22 апреля 1948 г. // СС. 1, 281.

Фудель С. И. Воспоминания // СС. I, 107–108.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 10 октября 1947 г. // СС. I, 273.

242

Младшей дочери, родившейся в 1941 г.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 29 марта 1949 г. // СС. I, 292.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 10 мая 1949 г. // СС. I, 295.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 10 декабря 1949 г. // СС. I, 312.

Письмо С.И. Фуделя С.Н. Дурылину от 3 сентября 1951 г. РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869. Л. 8 об. — 9.

Речь идет о жене Сергея Фуделя Вере Максимовне.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 13 мая 1951 г. // СС. I, 344.

Желновакова М.С. Воспоминания о матери. М., 2001. С. 58.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 8 августа 1951 г. // СС. I, 352.

Письмо С.И. Фуделя С.Н. Дурылину от 17 августа 1951 г. РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869. Л. 7–7 об.

Письмо С.И. Фуделя С.Н. Дурылину от 3 сентября 1951 г. РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869. Л. 8.

Фудель Н.С. Из воспоминаний об отце // Новая Европа. 1993. № 2.
С. 51.

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 26 декабря 1958 г. // СС. 1, 454.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю, 1955 г. // СС. 1, 439.

Письмо С.И. Фуделя Л.И. Щербиной от 16 ноября 1953 г. // СС. I,

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 229.

Там же. С. 231.

Там же. С. 239.

Там же. С. 229.

Там же.

Там же. С. 239.

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 229.

Там же. С. 230.

Из стихотворения А.А. Блока «Рожденные в года глухие...» (1914).

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 230.

Там же. С. 259.

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 240.

См.: Там же. С. 260.

Там же. С. 230.

Там же. С. 239.

Там же. С. 233.

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 254.

См.: *Тихон Задонский, св.* Наставление христианское. Гл. 47 // Творения. М., 1889. Т. 5. С. 151.

Фудель С.И. Моим детям и друзьям II СС. I, 240.

Там же. С. 257.

Там же. С. 236.

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 230.

См.: Добротолубие. М., 1895. Т. 2. С. 617.

фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 250–251.

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 252.

Там же. С. 251.

Там же. С. 252.

Там же. С. 253.

Там же. С. 249.

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 6 июня 1952 г. // СС. 1, 405.

Впоследствии, в несколько переработанном виде, эти записи об отце составили вторую и третью главы «Воспоминаний» С. И. Фуделя (СС. I, 21–44)

**Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 6 марта 1949 г. // СС. I,
290**

Фудель С.И. Воспоминания // СС. I, 76.

Письмо С.И. Фуделя Е.А. Карманову от 9 сентября (ок. 1975 г.).
Собрание Н.А. Кармановой.

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 346.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 28 августа 1949 г. // СС. I,
302-
304.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 26 августа 1951 г. // СС. 1, 355.

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 255.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 28 августа 1952 г. // СС. I, 410.

фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. 1, 241.

Комментарии // СС. II, 402.

Добротолюбие. М., 1895. Т. 2. С. 282.

Фудель С.И. Путь Отцов // СС. II, 14.

300

Ср.: Ам. 8,11.

Воробьев В., прот. Предисловие // СС. 1, 8.

Комментарии // СС. II, 402.

Письмо еп. Афанасия С.И. Фуделю от 30 сентября 1958 г. // Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. М.: Издво Православного Свято-Тихоновского богословского института, 2000. С. 524–525.

Письмо еп. Афанасия С.И. Фуделю, 1960 г. // Там же. С. 574.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь близ Путивля основана в 1557 г.; в 1922 г. монастырь ликвидирован; в 1942 г., в период немецкой оккупации, пустынь была открыта и закрыта вновь в 1961 г.; в 1994 г. возвращена Русской Православной Церкви. В послевоенный период обитель была местом паломничества и пользовалась весьма высоким духовным авторитетом.

Фудель С.И. Путь Отцов // СС. II, 179.

Письмо С.И. Фуделя Е.А. Карманову от 9 сентября (ок. 1975 г.).
Собрание Н.А. Кармановой.

Фудель С.И. Путь Отцов // СС. II, 7.

Там же. С. 23; см.: Лествица преп. Иоанна // Добротолюбие. М., 1900. Т. 5. С. 408–409.

Фудель С.И. Путь Отцов // СС. II, 111.

Там же. С. 11.

Там же. С. 12.

Там же. С. 12–13.

Фудель С.И. Путь Отцов // СС. II, 111. С. 73.

Там же. С. 111.

В мае 1928 г. о. В. Свенцицкий вновь был арестован и тремя годами позже умер в ссылке в Красноярском крае.

Свенцицкий В., прот. Монастырь в миру: Проповеди и поучения 1927–1928. М., 1995. С. 5, 9, 11.

Фудель С.И. У стен Церкви // СС. 1, 122.

Фудель С.И. Путь Отцов // СС. II, 181–182.

Фудель С.И. Путь Отцов // СС. II, 186–188.

Алексий (Поликарпов), архим. Желание услышать Бога // Фома:
Православный журнал. 2005. № 7. С. 16.

Письмо еп. Афанасия С.И. Фуделю от 7 января 1960 г. // Молитва всех нас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. М., 2000. С. 570.

Подробнее см.: *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999; *Фирсов С.Л.* Апостасия: «Атеист Александр Осипов» и эпоха гонений на Русскую Православную Церковь. СПб., 2004.

Ключевой для тогдашних церковных дискуссий была фраза из «Декларации» (точнее, Послания к пастырям и пастве): «Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи».

Свенцицкий В., прот. Диалоги. Гл. IV; работа распространялась в самиздатских копиях, впервые опубл.: М., 1993.

Свенцицкий В.П. Предсмертные письма // Минувшее. М., 1990.
[Вып.] 1. С. 297–298.

См.: *Свенцицкий А.Б.* Они были последними? М., 1997. С. 76–77.

Фудель С.И. У стен Церкви // СС. 1, 122.

Косик О.В. Из истории Владимирской епархии (1917–1923 гг.) // Богословский сборник. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2000. Вып. VI. С. 43.

См.: Протокол допроса С.И. Фуделя от 30 мая 1946 г. ЦА ФСБ РФ.
Д. Р-49254. Т. 6. Л. 45–45 об.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. I, 81.

См., в особенности, написанный около 1972 г. экскурс «Католическое учение о грехе в Церкви», помещенный автором в приложении к работе «Славянофильство и Церковь» (СС. III, 245–254).

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 27 октября 1959 г. // СС. I, 459.

фудель С.И. Церковь верных // СС. II, 193.

⁵⁴⁰ Там же. С. 194, 197.

Там же. С. 204.

Там же. С. 198.

Фудель С.И. Церковь верных // *СС. II*, 200.

Там же. С. 202–203.

Там же. С. 207.

Фудель С.И. Церковь верных // СС. II, 210.

Там же. С. 220.

Там же. С. 222.

Там же. С. 228.

Фудель С. И. Церковь верных // СС. II, 235–236.

Фудель С.И. Свет Церкви // СС. II, 349.

Там же. С. 346.

Там же. С. 350.

Фудель С. И. Соборность Церкви и экуменизм // СС. II, 359

« *фудель Н.С.* Из воспоминаний об отце // Новая Европа. 1993. № 2.
С. 52.

Письмо С. И. Фуделя Н. С. Фуделю от 5 февраля 1956 г. // СС. 1, 441.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 28 января 1961 г. // СС. I, 463.

Письмо С. И. Фуделя Т. М. Некрасовой, февраль — март 1963 г.
// СС. I,

Фудель С.И. Наследство Достоевского // СС. III, 8.

Там же.

Фудель С. И. Наследство Достоевского // СС. III, 10.

См.: Гроссман Л. П. Материалы к биографии Ф. М. Достоевского (даты и документы) // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 10. С. 617.

Фудель С.И. Наследство Достоевского // СС. III, 39.

Там же. С. 30.

Фудель С. И. Наследство Достоевского // СС. III, 51.

См.: Шестидесятые годы: Материалы по истории литературы и общественному движению. М.; Л.: АН СССР, 1940. С. 271.

Фудель С.И. Наследство Достоевского // СС. III, 80.

Достоевский Ф.М. Подросток. <Рукописные редакции> // Поли.
собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Л., 1976. Т. 16. С. 329.

Фудель С.И. Наследство Достоевского // *СС. III*, 85.

Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Гл. 2:
Пушкин (Очерк) // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 148.

Фудель С.И. Наследство Достоевского // СС. III, 90–91.

Фудель С.И. Наследство Достоевского // *СС. III*, 130.

Там же. С. 152.

Достоевский Ф.М. «Дневник писателя» на 1880 год. Август. Гл. 3.
 III. Две половинки // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т.
 26. С. 164.

Письмо С.И. Фуделя Н.Н. Третьякову, 1963 г. // СС. I, 480–487.

Там же. С. 486.

Письмо С.И. Фуделя Н.Н. Третьякову, 1963 г. // СС. 1, 487.

Там же. С. 482.

Там же.

375

Там же.

Там же.

Письмо С.И. Фуделя Н.Н. Третьякову, 1963 г. // СС. 1, 483.

Там же. С. 484.

зев Письмо С.И. Фуделя Н.Н. Третьякову, 1963 г. // СС. 1, 485.

380

Мф. 18,6.

Письмо С.И. Фуделя Н.Н. Третьякову, 1963 г. // СС. I, 486.

382

2 Кор. 11, 14.

Письмо С. И. Фуделя Н. Н. Третьякову, 1963 г. // СС. 1, 487.

351 Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю, около 1963 г. // СС. 1, 489.

385

Письмо Н.С. Фуделя Л.И. Сараскиной от 17 января 1998 г. Архив
Н.С. Фуделя.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 30 марта 1947 г. // СС. 1, 267.

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 324.

Под этим же псевдонимом были напечатаны в парижском «Вестнике Русского христианского движения» несколько глав из «Воспоминаний» С.И. Фуделя, а также глава об Оптиной пустыни из «Наследства Достоевского».

Фудель С.И. У стен Церкви // СС. 1, 142.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. 1, 42.

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 283.

Письмо С.И. Фуделя М.Ф. Мансуровой от 26 декабря [1960-е гг.] (Письма С.И. Фуделя к М.Ф. Мансуровой (1960-е — 1970-е гг.). Из архива священника Сергия и М.Ф. Мансуровых / Публ. прот. В.Н. Воробьева, Н.Ф. Тягуновой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2009. Сер. II: История. История Православной Церкви. Вып. 3 (32). С. 154).

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 281.

Там же. С. 311.

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 284.

Там же. С. 329.

Цит. по: *Андроник (Трубачев), игумен. Священник Павел Флоренский* — профессор Московской духовной академии и редактор «Богословского вестника» // Богословские труды. М., 1987. Сб. 28. С. 304.

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 339.

Письмо С.И. Фуделя М.Ф. Мансуровой от 8 мая [1960-е гг.] (Письма С.И. Фуделя к М.Ф. Мансуровой (1960-е — 1970-е гг.). Из архива священника Сергия и М.Ф. Мансуровых / Публ. прот. В.Н. Воробьева, Н.Ф. Тягуновой // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2009. Сер. И: История. История Православной Церкви. Вып. 3 (32). С. 145).

Имяславие — учение о том, что имя *Иисус* есть словесное действие Бога и Сам Бог. В начале XX в. это богословское мнение дало повод к острой полемике, развернувшейся в монастырской среде, особенно на Афоне, и в религиозной печати. В послании Святейшего Синода (1913) новое учение было осуждено: «Имя Божие есть только имя, а не Сам Бог». Последователи имяславия были выдворены с Афона и расселены по разным обителям России. Сторонниками имяславия из людей, близких С.И. Фуделю, были о. П. Флоренский и М. Новоселов. Сам Фудель дал такую краткую характеристику диспута: «В этом споре обе стороны были не правы, то есть обе стояли на позициях рационализма — тайного у “имяславцев” и явного, грубого у представителей “имяборствующей” синодальной власти» (Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 337).

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 341.

Там же. С. 360.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. I, 68. Примечательна оценка, прозвучавшая в день тридцатилетия кончины автора: «Если определять наследие С.И. Фуделя как наследие богословское, хотя в нем нет и намека на построение каких-либо оригинальных богословских схем, то определить его можно лишь одним термином — *смирненное богословие*. В нем все от слова Божия, от Предания Церкви — и ничего своего» (Горбачук Г., прот. Церковь Невидимого града: Экклезиологические воззрения С.И. Фуделя // Новая Европа. М., 2007. № 19. С. 129).

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 330.

Там же. С. 368.

Лк. 10,42.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. I, 74.

Письмо С.И. Фуделя М.Ф. Мансуровой, без даты // Самарины.
Мансуровы: Воспоминания родных. М.: ПСТБИ, 2001. С. 116.

См.: *Лазарев К. А.Д.* Самарин в воспоминаниях его дочери Е.А. Самариной-Чернышевой // Вестник РХД. 1979. № 129. С. 207–208.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. 1, 72.

Фудель С.И. Славянофильство и Церковь // СС. III, 189.

Фудель С.И. Славянофильство и Церковь // СС. III, 216–217.

Цит. по: *Завитневич В.З.* А.С. Хомяков. Киев, 1913. Т. 1. Кн. 2. С. 1037.

Цит. по: *Завитневич В.З.* А.С. Хомяков. Киев, 1913. Т. 1. Кн. 2. С. 1035.

Фудель С.И. Славянофильство и Церковь // СС. 111, 220.

Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России// Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1911. Т. 1.С. 194–195.

Самарин Ю.Ф. Предисловие к первому изданию богословских сочинений А.С. Хомякова // Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: В 8 т. М., 1900. Т. 2. С. XXXIV.

Хомяков А.С. Письма к Пальмеру//Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 2. С. 320.

Фудель С.И. Славянофильство и Церковь // СС. III, 181.

420

Там же.

Там же. С. 183.

Там же. С. 179.

Там же. С. 236.

Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных исповеданиях // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 85.

Фудель С.И. Славянофильство и Церковь // СС. III, 211.

Там же. С. 237.

Там же. С. 234–235.

Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных исповеданиях // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 220.

Фудель С.И. Славянофильство и Церковь // СС. III, 239.

Там же. С. 234.

Хомяков А.С. Письмо к Ю.Ф. Самарину // Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 277.

435 **Фудель С.И.** Оптинское издание аскетической литературы и семейство Киреевских // **СС.** III, 273.

Ср.: Ин. 17,16,18.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от 8 августа 1971 г. // СС. 1, 498.

Полищук Е.С. Жизнь, посвященная Русской Церкви // Церковный вестник. 2002. № 23.

436

Цит. по: Там же. См. также: <http://tserkov.info/numbers/close-up/?ГО=138>.

Михайлов Б., свящ. Евгений Алексеевич Карманов // Альфа и Омега. 1998. № 4. С. 11–12. См. также: *Карманов Е.А.* Незаметная жизнь // Альфа и Омега. 2005. № 1. С. 336.

В настоящее время хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки; пока не разобран. Мы использовали предварительную опись архива, сделанную А.Г. Кравецким.

Фудель не испытывал симпатии к рационалистическому строю богословия Фоми. В черновых заметках переводчик упрекал автора знаменитой «Суммы...» и в садизме (по поводу тезиса о том, что «святые на небе будут иметь удовольствие в наказании нечестивых грешников»), и в «диалектическом поносе языческого мышления», а иногда просто помечал на полях своих выписок: «Ужас!» В связи с размышлением Аквината о том, как же Адам воскреснет без ребра, из которого сотворена Ева, Фудель добродушно замечает: «Сколько было у Фоми свободного времени!»

См.: Письмо С.И. Фуделя Е.А. Карманову от 12 июня 1975 г. Собрание Н.А. Кармановой. Перевод первого тома, отпечатанный на машинке уже после смерти С.И. Фуделя, хранится в неразобранном фонде Е.А. Карманова в ОР РГБ. Экземпляр имеется также в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии.

Бармин А.А. Воспоминания о С.И. Фуделе. Радио «Радонеж», передача, посвященная С.И. Фуделю. 18 июня 2005.

Фудель С.И. Записки о литургии и Церкви // СС. II, 289.

Там же. С. 287.

Там же. С. 293.

Фудель С.И. Моим детям и друзьям // СС. I, 230.

М.С. Желновакова. [Неизданные воспоминания об отце.] Архив авторов.

Желновакова М.С. Письма // Альфа и Омега. 2000. № 1. С. 250.

Вероятнее всего, она была закончена в 1974 или 1975 г.

Письмо С.И. Фуделя С.Н. Дурылину от Я сентября 1951 г. РГАЛИ.
Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 869. Л. 8 об.

Фудель С.И. Причастие вечной жизни // *СС. II*, 239.

Там же. С. 268.

Там же. С. 242.

Фудель С.И. Причастие вечной жизни // СС. II, 248.

Там же. С. 264.

Там же. С. 268.

Там же. С. 270.

Там же. С. 268.

Фудель С.И. Причастие вечной жизни // СС. II, 250.

Письмо С.И. Фуделя Н.Е. Емельянову, без даты (1975-19.77) // СС.
I, 520. Ср.: Мф. 15,27.

460

Фудель С.И. Воспоминания // СС. 1, 60.

Там же. С. 76.

Фудель С.И. У стен Церкви // СС. I, 111.

463

Там же.

Фудель С.И. У стен Церкви // СС. I, 213.

465

Там же.

Там же. С. 157.

Там же. С. 208.

Фудель С.И. У стен Церкви // СС. 1, 211.

Там же. С. 161.

Там же. С. 220. «Чадое мое родное» — излюбленное обращение архимандрита Серафима (Битюгова); см.: *Василевская В.Я.* Катакомбы XX века. М., 2001. С. 92.

См.: *Пэнэжко* О., *прот.* Город Покров, храмы Петушинского и Собинского районов Владимирской области. Владимир, 2005. С. 13.

Клиросное чтение было любимым занятием С.И. Фуделя, в котором он был настоящим мастером. Дочь Ильи Шмаина (1930–2005), бывшего лагерника, а впоследствии — священника в Иерусалиме, Аньере, Сент-Же-невьевде-Буа и в конце жизни — в Москве, вспоминает, что Сергей Иосифович в 1971 г. «за один раз выучил папу читать как на клиросе» (А.И. Шмаина-Великанова, частное письмо, 28 февраля 2002 г.). Было это в домике на Сходне у о. Владимира Смирнова (1903–1981), замечательного и памятного многим протоиерея храма Илии Обыденного.

Фудель Н.С. Из воспоминаний об отце // Новая Европа. 1993. № 2.
С. 57.

Андрей Петрович Каменяка (1926–1993) — священник с 1953 г., служил в Успенском кафедральном соборе г. Владимира (1954–1961), настоятель Покровского храма в г. Покрове (1961–1976), храма св. Николая Чудотворца в г. — Киржаче (1976–1982), Троицкого собора в г. Александрове (1982–1984), Св. Бориса и Глеба в Даугавпилсе (1984–1988), Св. Алексия в Лиепая (1988–1992), Лиепайского Никольского морского собора (1992–1993); скончался в Благовещенском монастыре г. Муром, приняв монашеский постриг с именем Иов. Его супруга Галина Петровна (1930–2009), с которой семья Фуделей познакомилась в годы третьей ссылки Сергея Иосифовича, приняла монашеский постриг и скончалась в Св. — Никольском монастыре г. Переславля-Залесского.

Брагар А., свящ. Покровский период жизни семьи Фуделей по воспоминаниям современников (доклад на чтениях, посвященных памяти С.И. Фуделя, Владимир, 7 марта 2007 г.).

Устные воспоминания вдовы о. Андрея монахини Ольги (Каменяки), насельницы Никольского монастыря г. Переславля-Залесского Ярославской епархии, 22 марта 2009 г.

Воробьев В., прот. Предисловие [к кн. Фуделя «Воспоминания»] // Новый мир. 1991. № 3. С. 188.

Николай Евграфович Пестов (1892–1982) — доктор химических наук, профессор МИЭИ им. Орджоникидзе, религиозный писатель, автор книг «Жизнь для вечности», «Пути к совершенной радости» и др.

А.М. Копировский вспоминает о встречах с С.И. Фуделем // Кифа.
2009. № 12 (102). С. 2.

Письмо С.И. Фуделя Н.С. Фуделю от ноября 1973 г. // СС. I, 503.

Письмо С.И. Фуделя М.Н. Фудель от января 1974 г. // СС. I, 505–506.

Казакова М.Н. Воспоминания о С.И. Фуделе. Радио «Радонеж», передача, посвященная С.И. Фуделю, 18 июня 2005.

Письмо С.И. Фуделя М.С. Желноваковой от 1 января 1976 г. // СС.
I,
513.

Фудель С.И. Итог всего // СС. II, 399.

485

Фудель С.И. Итог всего // СС. II, 400.

Фудель Н.С. Из воспоминаний об отце. С. 57.

А.М. Копировский вспоминает о встречах с С.И. Фуделем // Кифа.
2009. № 12 (102). С. 2.

,⁹⁷ А.А. Бармин. Выступление на вечере памяти С.И. Фуделя в Библиоте-

ке-фонде «Русское Зарубежье» (Москва, 14 января 2000 г.).

« *фудель* *Н.С.* Из воспоминаний об отце. С. 58.

^m *Брагар А., свящ.* Покровский период жизни семьи Фуделей по воспоминаниям современников.

Бочаров С. Узкий путь // Новый мир. 2002. № 7. С. 188.

Померанц Г.С. Борьба с двойником // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 1998. № 11. С. 9.

Фудель С.И. Воспоминания // СС. 1, 103.

Письмо С.И. Фуделя С.Н.Дурылину от 6 ноября 1951 г. РГАЛИ. Ф.
2980. Оп. 1. Ед. хр. 869. Л. 14 об.

Фудель С.И. Начало познания Церкви // СС. III, 308.

Прот. В. Воробьев. Выступление на вечере памяти С.И. Фуделя в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» (Москва, 14 января 2000 г.).

498

«Ты говоришь, что я в бреду...» (1939) // Тридцать стихов для друзей. Архив авторов.